

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
технический университет»

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ
И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

- История
- Социальная философия
- Философия культуры и культурология
- Философия религии и религиоведение
- Социальные и политические процессы

Выпуск № 4 (21), 2019

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал выходит 4 раза в год

В журнале «Проблемы социальных и гуманитарных наук» публикуются результаты научных исследований ученых, докторантов, аспирантов и соискателей по проблемам истории, социальной философии, философии культуры и культурологии, философии религии и религиоведению, социологии, политологии.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – Радугин А.А., заслуж. деятель науки РФ, д-р филос. наук, профессор (г. Воронеж)

Зам. главного редактора – Перевозчикова Л.С., д-р филос. наук, доцент (г. Воронеж)

Члены редколлегии:

Афонин Э.А., доктор социологических наук, профессор (г. Киев)
Бубнов Ю.А., доктор философских наук, профессор (г. Воронеж)
Душкова Н.А., доктор исторических наук, профессор (г. Воронеж)
Ильин М.В., доктор философских наук, профессор (г. Москва)
Коростылева Н.Н., доктор социологических наук, профессор (г. Москва)
Кирчанов М.В., доктор исторических наук, доцент (г. Воронеж)
Ледяев В.Г., доктор философских наук, профессор (г. Москва)
Моисеев В.И., доктор философских наук, профессор (г. Москва)
Романович Н.А., доктор социологических наук, профессор (г. Воронеж)
Смышляев В.А., доктор политических наук, профессор (г. Воронеж)
Слинько А.А., доктор политических наук, профессор (г. Воронеж)
Согомонян В.Э., доктор политических наук, профессор (г. Ереван)
Черников М.В., доктор философских наук, профессор (г. Воронеж)
Чупров В.И., доктор социологических наук, профессор (г. Москва)
Ярецкий Ю.Л., доктор исторических наук, профессор (г. Воронеж)
Delwyn L. Harnisch, Professor&Fulbright Scholar University of Nebraska
Lincoln College of Education and Human Sciences (Lincoln)

Отв. секретарь – Погорельский А.В., канд. ист. наук, доцент (г. Воронеж)

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет». **Адрес:** 394026 Воронеж, Московский просп., 14

Адрес редакции: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84,
каб. 5302, тел. +7 (473) 271-50-04. E-mail: philosophy_kaf@vgasu.vrn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Бобринёв К.С. ИЗУЧЕНИЕ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	7
Болтаевский А.А. «ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО НОВОЙ ИСТОРИИ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ.....	23
Гагин В.В. БОЛЕЗНИ РОСТА. КРАТКИЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ВВС РККА И ИХ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ В ПЕРИОД 1920-1941 ГГ.....	28
Гагин В.В., Медведев Е.А. ВОЙНА НА ТИХОМ ОКЕАНЕ И ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ КАК ОБЪЕКТ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ЗАПАДНЫХ ИСТОРИКОВ.....	35
Дуров В.И., Филоненко М.М. ВОЕННЫЙ ПАРАД 7 НОЯБРЯ 1941 Г. В КУЙБЫШЕВЕ И ЕГО СОВРЕМЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ.....	43
Ершов Б.А., Бидненко К.А. ХРАМОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В РОССИИ В XIX ВЕКЕ.....	49
Жиброва Т.В., Руженцев С.Е. ИСТОРИЯ ВУЗА – ИСТОРИЯ СТРАНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТУДЕНЧЕСКИХ КОНФЕРЕНЦИЙ В ВГМУ ИМ. Н.Н. БУРДЕНКО).....	57
Кирчанов М.В. ТЮРКИЗМ КАК ПАРАДИГМА ТУРЕЦКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ.....	64
Косых Е.М. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА РОССИИ – Г. ЕЛЬЦА В ГОД РАСПАДА СССР (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕСТНЫХ АРХИВОВ).....	75
Клевцова О.В., Некрылова О.Г. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ.....	82
Попов П.А. ПЕРВЫЕ ЛЕТОПИСНЫЕ УПОМИНАНИЯ О ВОРОНЕЖЕ В КОНТЕКСТЕ КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ ТОПОНИМИИ.....	88
Шашков В.А. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОЛЛАНДЦЕВ В ЯПОНИИ: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ.....	100
Яковлева Ж.В. ВУЗЫ, ЭВАКУИРОВАННЫЕ В Г. САРАТОВ И САРАТОВСКУЮ ОБЛАСТЬ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ.....	105

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Дерикот В.А. РЕЙВ-ДВИЖЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПРАКТИКЕ КОНЦА XX СТОЛЕТИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЗАРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ.....	114
Бобровникова М.А., Ефремов Н.Р. РЕТРОСПЕКТИВА МОРАЛИ XIX-XXI ВЕКОВ: ОТ КУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ ДО РЕСЕНТИМЕНТА.....	121
Зайцев А.В. ФИЛОСОФИЯ Д.УОЛТОНА И ЕГО ТИПОЛОГИЯ ДИАЛОГА.....	125

Назаренко К.С., Петренко А.С. СТАНОВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА НА ОСНОВЕ ЕГО МОДЕРНИЗАЦИИ.....	131
Хахулина Н.Б., Иванов Б.И. О НЕОБХОДИМОСТИ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ.....	135

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Ашмаров И.А. АНТИИНФЛЯЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА.....	139
Матвиенко В.А. РОЛЬ РЕЛИГИИ И ЛОКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ РЕГИОНА.....	151
Погорельский А.В. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ «ПОЛИТИКИ ДОБРОСОСЕДСТВА» ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА.....	159
Скрипникова Н.Н., Шушарина Е.С. EVENT-МЕНЕДЖМЕНТ: КОММУНИКАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ОРГАНИЗАЦИИ МЕРОПРИЯТИЙ ДЛЯ АБИТУРИЕНТОВ.....	165

CONTENTS

HISTORY

Bobrinyov K.S. THE STUDY OF SLAVOPHILISM IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY.....	7
Boltaevskiy A.A. «POLITICAL MAGAZINE» AS A HISTORICAL SOURCE FOR THE NEW HISTORY OF EUROPE AND AMERICA.....	23
Gagin V.V. DISEASES OF GROWTH. BRIEF ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT OF THE AIR FORCE OF THE RED ARMY AND THEIR ORGANIZATIONAL STRUCTURE DURING THE PERIOD 1920-1941.....	28
Gagin V.V., Medvedenko E.A. WAR IN THE PACIFIC OCEAN AND THE FAR EAST AS AN OBJECT OF FALSE OF WESTERN HISTORIANS.....	35
Durov V.I., Filonenko M.M. MILITARY PARADE ON NOVEMBER 7, 1941 IN KUIBYSHEV AND ITS MODERN PERCEPTION.....	43
Ershov B.A., Bidnenko K.A. TEMPLE CONSTRUCTION IN RUSSIA IN THE XIX CENTURY.....	49
Zhibrova T.V., Ruzhemtsev S.E. HISTORY OF THE UNIVERSITY-HISTORY OF THE COUNTRY (BASED ON THE MATERIALS OF STUDENT CONFERENCES IN VORONEZH MEDICAL UNIVERSITY NAMED AFTER N.N. BURDENKO).....	57
Kirchanov M. V. TURKISM AS A PARADIGM OF TURKISH POLITICS OF MEMORY....	64
Kosykh E.M. ECONOMIC SPACE OF A PROVINCIAL TOWN OF RUSSIA – TOWN OF YELETS IN THE YEAR OF THE COLLAPSE OF THE USSR (ON THE MATERIALS OF LOCAL ARCHIVES).....	75
Klevtsova O.V. , Nekrylova O.G. SOME ASPECTS OF HISTORY OF FORMATION WOMEN'S EDUCATION IN RUSSIA.....	82
Popov P.A. THE INITIAL CHRONICLE MENTIONS OF VORONEZH IN THE CONTEXT OF COMPLEX STUDY OF ANCIENT TOPONYMY.....	88
Shashkov V.A. DUTCHERS ACTIVITY IN JAPAN: HISTORY OF RELATIONSHIP DEVELOPMENT AND LIVING CONDITIONS.....	100
Yakovleva J.V. HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS EVACUATED TO THE CITY OF SARATOV AND THE SARATOV REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: PAGES OF HISTORY.....	105

SOCIAL PHILOSOPHY

Derikot V.A. RAVE MOVEMENT IN RUSSIAN CULTURE PRACTICE OF THE LATE XX CENTURY: HISTORICAL ASPECT OF ORIGIN AND DEVELOPMENT.....	114
Bobrovnikova M.A., Efremov N.R. RETROSPECTIVE OF THE MORALS OF THE XIX-XXI CENTURIES: FROM CULTURAL PERFORMANCE TO RESENTMENT.....	121
Zaitsev A.V. PHILOSOPHY OF D. WALTON AND HIS TYPOLOGY OF DIALOGUE.....	125
Nazarenko K.S., Petrenko A.S. DEVELOPMENT OF EDUCATIONAL CULTURE OF THE RUSSIAN SOCIETY ON THE BASIS OF MODERNIZATION OF THE SOCIETY.....	131
Khakhulina N.B., Ivanov B.I. ABOUT THE NEED FOR PROJECT ACTIVITY IN THE EDUCATIONAL PROCESS.....	135

SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES

Ashmarov I.A. ANTI-INFLATIONARY POLICY AS A KIND OF STATE ECONOMIC POLICY.....	139
Matvienko V.A. THE ROLE OF RELIGION AND LOCAL CULTURAL AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN ENSURING THE POLITICAL STABILITY OF THE REGION.....	151
Pogorelsky A.V. ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT OF THE EUROPEAN UNION'S "NEIGHBOURHOOD POLICY".....	159
Skripnikova N.N., Shusharina E.S. EVENT MANAGEMENT: COMMUNICATION APPROACHES TO ORGANIZATION OF EVENTS FOR APPLICANTS.....	165

ИСТОРИЯ HISTORY

УДК 93

*Воронежский базовый медицинский колледж
преподаватель
К.С. Бобринёв*

*Россия, г. Воронеж, тел. 89518763038;
e-mail: konstantin.bobriniov@yandex.ru*

*Voronezh basic medical College
teacher*

K.S. Bobriniov

*Russia, Voronezh, tel. 89518763038;
e-mail: konstantin.bobriniov@yandex.ru*

К.С. Бобринёв

ИЗУЧЕНИЕ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье, согласно предложенной автором периодизации, анализируются работы ученых, посвященные одному из ярчайших проявлений русской мысли, представленной во взглядах деятелей середины XIX века, идейно объединившихся в кружке, именуемых «славянофилами».

Ключевые слова: историография, славянофильство, славянофилы, А.С. Хомяков, Ю.Ф. Самарин, И.В. Киреевский.

K.S. Bobriniov

THE STUDY OF SLAVOPHILISM IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

In the article, according to the author's proposed periodization, the authors analyze the works of scientists devoted to one of the brightest manifestations of Russian thought, represented in the views of figures of the mid-XIX century, ideologically United in a circle, called "Slavophiles".

Key words: historiography, Slavophilism, Slavophiles, A.S. Khomyakov, Yu. F. Samarin, I.V. Kireevsky.

Всю историографию славянофильства можно разделить на несколько периодов: дореволюционный, затем период с 1917 г. и до конца 1930-х гг., с появлением статей Н.С. Державина «Герцен и славянофилы» (1939) и С.С. Дмитриева «Славянофилы и славянофильство» (1941) начинается третий период, длящийся вплоть до середины 1980-х гг. И наконец, четвертый, современный, с 1991 г. и до наших дней.

Первый период разделен на две части. До начала 1880-х гг., появлялись преимущественно исследования самих славянофилов и их противников. И с 1880-х гг. до 1917г., характеризовался проявлением академического научного интереса к славянофильству, особенно в связи с изучением реформы 1861 г.

Первыми исследователями, пытающимися раскрыть суть и значение славянофильства, были сами славянофилы. В частности, в 1856 г. А.С. Хомяков в некрологе о своем единомышленнике И.В. Киреевском особо подчеркивал особый исторический путь России, отличный от Запада, прежде всего благодаря православной вере [1]. Некрологи, вступления и очерки к сборникам трудов, отдельные статьи являются одними из первых подобных исследований [2].

В то же время о славянофилах критически писали их оппоненты. Так, представители революционно-демократического лагеря давали предельно негативные оценки славянофильству, в частности, В.Г. Белинский в 1847 г. фактически отказывал славянофилам в самостоятельности и оригинальности идей.

Он сводил все их действия к «выходкам, разбросанным там и сям, против европеизма, цивилизации необходимости образования и грамотности для простого народа, против реформы Петра Великого, современных нравов», к «каким-то темным намекам, что русскому обществу надо воротиться назад и снова начать свое самобытное развитие» [3.С.294].

Н.Г. Чернышевский также выражался крайне резко по отношению к славянофилам, говоря, что славянофильство предполагает набор заимствованных идей «второстепенных представителей» французской и немецкой философии, давно устаревших и неактуальных [4.С.510]. В то же время некоторые идеи славянофилов он поддерживал, например, сохранение крестьянской общины [5.С.439–440].

А.И. Герцен в молодости обвинял славянофилов в желании законсервировать «новый елей, помазывающий царя, новую цепь, налагаемую на мысль, новое подчинение совести раболепной византийской церкви» [6.С.125], с течением жизни менял свое представление о них, находя некоторые точки соприкосновения. Наиболее подробно вопрос о взаимоотношениях Герцена и славянофилов раскрывает А.А. Тесля в статье «Герцен и славянофилы» [7].

Особенностью взглядов противников славянофильства являлось то, что они рассматривали славянофильские как единое нерасчлененное целое, отказываясь замечать иногда существенные различия в их взглядах. Они относились к ним предвзято, исходя из сформировавшихся стереотипов (ненависть славянофилов к Западу, желание возврата к допетровским порядкам и обычаям, вплоть до ношения бороды и мурmolки, полная и ревностная поддержка правительства и т.д.). Хотя с некоторыми положениями славянофильства их противники были солидарны, а с его представителями могли поддерживать дружественные отношения, политическая тенденциозность существенно сказались на объективности их работ.

Ситуация изменилась с начала 1880-х годов, когда славянофильство сошло с исторической сцены (со смертью И.С. Аксакова в 1886 г., Н.П. Гилярова-Платонова в 1887 г.). Политически актуальная полемика оппонентов осталась в прошлом. Постепенно началось академическое изучение, исследователи приступили к научному изучению философских, исторических, экономических и политических взглядов славянофилов.

Нужно отметить, что уже в 1860–70-е годы вышло несколько работ, написанных профессиональными историками, однако им в целом была присуща либо памфлетная, либо апологетическая форма.

В 1862 г. К.Н. Бестужев-Рюмин пишет статью «Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе». Историк указывал на существенное сходство между западниками и славянофилами, обращал внимание на наличие множества заблуждений, штампов, ярлыков относительно славянофильства [8]. Бестужев-Рюмин анализируя основные идеи славянофильства, видя их недостатки, в целом дает положительную оценку: «Мы глубоко уважаем славянофилов именно за то, что они признают верховное значение сознания и первым условием поступательного движения ставят свободу слова, вследствие чего и восстают против всякого насилия, откуда бы оно ни шло; но торжество сознания медленно: вот где подводный камень учения об единогласии, одного из основных начал славянофильской доктрины... Вообще воззрение славянофильское слишком целостно, слишком идеально и потому вполне верно только в крупных чертах: история для них является едва ли не чем-то внешним; внутренняя же сущность остается неизменна» [9.С.690]. Несомненно, в этих строках просматривается близость автора к славянофильству.

Общественная мысль славянофилов в этот период рассматривалась А.Н. Пыпиным в исследовании «Характеристики литературных мнений от 20-х до 50-х годов» [10]. Пыпин, принадлежа к леволиберальным кругам, выступал ярким критиком славянофильства. Он, подобно многим западникам обвинял славянофилов в ненависти к Западу: «С «Маяком» славянофилы имели общую крайнюю вражду к западу» [11]. Славянофильскую «народность» Пыпин приравнивал к защите крепостного права, а их взгляды жестко отождествлял с теорией официальной народности. Признавая за славянофилами большой

вклад в изучении славянского вопроса в России, он в то же время в резкой форме обвинял их в поддержке подавления Польского восстания (1863 – 1864). «Славянофилы либо не понимали целей конкретных славянских движений, либо становились фактически на антиславянские позиции, доходя до вражды к самим славянским народностям» [12.С.505-506].

Историк О.Ф. Миллер, известный своими исследованиями русской литературы и эпоса по своему мировоззрению был близок к славянофилам. Себя он скорее отождествлял с так называемыми «ранними» славянофилами (А.С. Хомяков, Ю.Ф. Самарин, братья Аксаковы и пр.), чем с их последователями. В 1880 г. он публикует статью «Основы учения первоначальных славянофилов», где пытается осветить их основные постулаты [13]. Миллер отмечает предвзятое отношение к славянофилам, сродни западничества, у его современников. В частности, он ставит этому виной отсутствие добросовестного исследования о славянофильстве, даже среди его последователей [14.С.27].

В 80-е годы XIX века в российской исторической науке начинает активно изучаться реформа 1861 г. Это неизбежно ориентировало исследователей на изучение славянофильства, как движения не просто повлиявшего, но и непосредственно поучаствовавшего в лице Ю.Ф. Самарина и В.А. Черкасского в проведении реформы. Выдающийся российский экономист И.И. Иванюков пишет обширную работу «Падение крепостного права в России» [15]. Данное исследование, до сих пор является одним из лучших трудов, посвященных крестьянской реформе. Иванюков, освещая подготовку к реформе, анализирует статьи славянофильской «Русской беседы» и мнение ряда славянофилов относительно намечающегося коренного преобразования.

Историк либерально-народнического направления В.И. Семевский в 1888 г. публикует книгу «Крестьянский вопрос в XVIII и первой половины XIXв.» [16]. Автор уделит отношению славянофилов к крестьянскому вопросу целую главу, рассмотрев взгляды на отмену крепостного права А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, П.В. Киреевского, Ю.Ф. Самарина и др. Семевский писал о необоснованности обвинений славянофилов в «крепостничестве», а также признает их немалые заслуги в подготовке и проведении реформ.

С.М. Соловьев причислял славянофилов к так называемому «антиисторическому» направлению, что нашло отражение в его статье «Шлецер и антиисторическое направление». Историк критиковал славянофилов за отрицание родового быта, существовавшего у славян в IX веке. Он был не согласен с ними по вопросу об оценке веча, считая его отмирание в ряде древнерусских городов важной вехой в централизации Руси. Не согласен он был со славянофилами в их высокой оценке земских соборов. Соловьев усматривал в прекращении практики их созыва логику исторического процесса: ввиду укрепления центральной власти надобность в них отпала. Славянофилы же в свою очередь приписывали прекращение земских соборов действию единоличной воли Петра I. По-разному оценивали Соловьев с славянофилами и роль Петра Великого в российской истории. Славянофилы писали о насильственном насаждении Петром всего европейского – языков, институтов и культуры, что привело к социокультурному противостоянию верхушки общества, думающей поначалу на голландском, затем на немецком и французском, основной массе населения – крестьянству. Соловьев же считал, что российское общество (имеется ввиду дворянство, купечество, служилые люди, т.е. наиболее образованные слои общества, не считая духовенство) было готовым к радикальным переменам, желая преодолеть отсталость российского государства [17].

П.Н. Миллюков, будущий лидер Конституционно-демократической партии, в 1893 г. публикует статью «Разложение славянофильства. Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьёв» [18]. По своему признанию он с гимназической скамьи был противником славянофилов и тяготел к идеям западников, хотя никогда открыто не причислял себя к ним [19.С.94]. Его взгляды относительно славянофильства тенденциозно схожи большинству представителей западничества. Миллюков критиковал взгляды славянофилов касательно крестьянской общины, считая ее естественным процессом закрепления крестьян помещиками.

Относительно реформ Петра Великого его позиция была мыслями В.С. Соловьева. Милюков писал: реформа эта «не заимствована из вне, наложенная могучей волей сверху, а неизбежный и естественный фазис русской истории» [20.С.174].

Н.П. Колюпанов, говоря о споре между сторонниками и противниками славянофильства, вызванным, по словам М.О. Гершензона, «столкновением двух психологий: религиозной и рационалистической» [21.С.137], писал о славянофильстве: «Целостность убеждений религиозных, умственных и нравственных нельзя разрознить, нельзя из их системы произвольно одно отделить, а другое усвоить ... ибо всё в них органически срослось и переплелось, всё вошло в плоть и кровь» [22.С.22]. Он указывал, что истоки славянофильства прослеживаются в немецкой классической философии, в частности в философских идеях Гегеля и Шеллинга. Однако Колюпанов не соглашался с мнением о полном заимствовании славянофильством идейных постулатов из немецкой классической философии, ссылаясь на критику Гегеля Хомяковым [22.С.85].

В начале XX века, когда по всей стране росло число крестьянских бунтов, к взглядам славянофилов, стремящихся мирным путем решить крестьянскую проблему, возрос научный интерес. В это время выходят три исследования А.А. Корнилова «Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России» [23], «Крестьянская реформа» [24] и «Общественное движение при Александре II» [25]. В них отмечено, что в 1861 г. позиция славянофилов по крестьянскому вопросу соответствовала времени, и как раз была поиском компромисса между помещиком и крепостным.

Первая русская революция, стала потрясением для российского общества. Впервые с 1825 г. над существующим строем нависла неприкрытая угроза насильственного свержения. На этом фоне крайне актуальными становятся идеи трансформации, реформирования существующей монархии, в том числе мирного разрешения крестьянской проблемы. Группа авторов (Н.А. Бердяев, М.О. Гершензон, П.Б. Струве и пр.) в попытке сопротивления политическому радикализму и нигилизму, в 1909 г. публикуют сборник «Вехи» [26], где, в частности, было рассмотрено идейное наследие славянофилов.

Бердяев, ссылаясь на философские взгляды Хомякова, противопоставил их отвлечённому идеализму и рационализму Гегеля [27.С.18].

Гершензон писал о расколе между высшими слоями общества и народом, вызванным различием в мировоззрении – рационалистическое мышление верхов противостоят одухотворенности низов. Об этом говорили славянофилы, но остались не услышаны. Вывод Гершензона оказался пророческим: «Между нами и нашим народом – иная рознь. Мы для него – не грабители, как свой брат, деревенский кулак; мы для него даже не просто чужие, как турок или француз: он видит наше человеческое и именно русское обличье, но не чувствует в нас человеческой души, и потому он ненавидит нас страстно, вероятно с бессознательным, мистическим ужасом, тем глубже ненавидит, что мы свои. Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами ещё ограждает нас от ярости народной» [28.С.88].

Б.А. Кистяковский критиковал славянофилов за превозношение «морального», «внутреннего» права над юридическим, хотя и отмечал, что это было свойственно всему российскому обществу, но в славянофильстве оно выразилось в наиболее резкой форме [29.С.103].

Развивая начатое в «Вехах», пишут отдельные труды Н.А. Бердяев о А.С. Хомякове и М.О. Гершензон о взглядах славянофилов и конкретно о философских воззрениях И.В. Киреевского и Ю.Ф. Самарина.

Бердяев в книге ««А.С. Хомяков»» [30], помимо того, что выделял А.С. Хомякова как центральную фигуру славянофильства, анализировал общественно-политическое течение в целом. Прежде всего он признавал за славянофилами определение русской мысли как религиозной. «Славянофилы впервые ясно формулировали, что центр русской духовной жизни – религиозный, что русская тревога и русское искание в существе своем религиозны.

И до наших дней все, что было и есть оригинального, творческого, значительного в нашей культуре, в нашей литературе и философии, в нашем самосознании, все это – религиозное по теме, по устремлению, по размаху. Нерелигиозная мысль у нас всегда не оригинальна, плоска, заимствована, не с ней связаны самые яркие наши таланты, не в ней нужно искать русского гения. Русские гении и таланты не все были славянофилами, были среди них и противники славянофильства, но все, все они были религиозны и этим оправдывали славянофильское самосознание» [30.С.4]. По мнению Бердяева, именно славянофилы с философско-богословских позиций смогли создать православное церковное самосознание.

М.О. Гершензон в своих идеях был близок, как к славянофилам, так и к западникам. С славянофилами он разделял мнение, как уже было упомянуто выше, о катастрофических последствиях для российского общества петровских реформ, выраженных главным образом в расколе между верхушкой этого общества и основной массой населения. Он был солидарен с ними в том, что народ русский жаждал знания одновременно исключительно практического, и высшего, метафизического, уясняющего смысл жизни и дающего силу жить. Он писал: «этого последнего знания мы совсем не давали народу, – мы не культивировали его и для нас самих. Зато мы в огромных количествах старались перелить в народ наше знание, отвлеченное, лишенное нравственных элементов, но вместе с тем пропитанное определенным рационалистическим духом. Этого знания народ не может принять, потому что общий характер этого знания встречает отпор в его собственном исконном миропонимании. Неудивительно, что все труды интеллигенции пропали даром» [31.С.8].

В своей работе «Исторические записки» [32] Гершензон затрагивает учение о личности И.В. Киреевского и учение о природе сознания Ю.Ф. Самарина. В частности, в философской мысли Самарина, по мнению автора, есть продолжение философии Киреевского. Однако Самарину существенно удалось расширить идеи, заложенные Киреевским, выработав свой собственный взгляд.

Статья «Славянофильство» была написана Гершензоном для энциклопедического словаря братьев Гранат [33]. Признанная спорной, она так и не вошла в словарь и вышла в печати только в 1997 г. под редакцией Н.И. Цимбаева в журнале «Вопросы философии». В статье Гершензон анализирует основные концепции славянофильства – особое значение православия, крестьянской общины, кратко рассматривает историческую концепцию славянофильства. Отмечая идеалистичность идей, Гершензон пишет, что славянофильство выросло на почве романтизма и распалось вместе с ним. «Осуждение рассудочности, неизменность национальной личности и всемирно-историческая смена руководящих народностей были коренными идеями славянофильства, и все эти идеи в настоящее время представляются односторонними и преувеличенными. Борьба с рационализмом была своевременна и законна, но она увлекала славянофилов в преклонение перед иррациональным, в равнодушие к умственному прогрессу, и потому научное движение XIX века обратилось против славянофилов и подобных им романтиков» [34.С.539–540].

Личность А.С. Хомякова вызывала интерес и у других исследователей. О нем писал В.З. Завитневич, который помимо освящения биографии и взглядов известного славянофила, стремился через его деятельность раскрыть идеи славянофильства в целом. На основе своей докторской диссертации Завитневич в 1902 году публикует две книги первого тома о Хомякове. Первая, главным образом, посвящена обзору жизни и деятельности, мировоззрению славянофила, систематизации его научных интересов и взглядов [35]. Вторая посвящена его философско-богословской мысли [36]. В 1904 г. Завитневич выпустил незначительную по объему книжку о Хомякове, оценивая его вклад в историю русского национального сознания [37], а в 1913 г. был опубликован второй том книги «Алексей Степанович Хомяков». Завитневич проделал громадную работу, однако его исследованию не достает критики, Завитневича можно причислить к апологетам А.С. Хомякова. Он крайне негативно относится к авторам, критикующим взгляды Хомякова, ставя его в один ряд с

Петром Великим, М.С. Ломоносовым и А.С. Пушкиным [35.С.1], а по глубине философской мысли с Гегелем, Кантом, Шеллингом и пр. [36.С.1411–1412]

Р.В. Иванов-Разумник в первом томе своего исследования «История русской общественной мысли» [38] пишет о причинах раскола между славянофилами и западниками. Видя одни и те же проблемы российского государства, они рассматривали разные подходы к их решению согласно своему психологическому типу мышления [38.С.325]. Славянофилам был присущ философский романтизм, в то время как западники стояли на позициях реализма. Также они по-разному смотрели на вопросы о личности (при этом славянофилы обвиняли западников в крайнем индивидуализме, в западники славянофилов – в отрицании личности), истории родового быта в Древней Руси и т.д.

В 1911 году выходит статья Г.В. Плеханова «М. П. Погодин и борьба классов» [39]. Рассматривая славянофильство с марксистских позиций, он отождествляет его с теорией официальной народности, называя мировоззрение славянофилов «чисто дворянским» [39.С.96]. Этот тенденциозный взгляд оказал серьезное влияние на изучение славянофильства советской исторической наукой и до конца 30-х годов являлся основным в советской историографии.

После Октябрьской революции 1917 г. теоретической базой анализа исторического процесса стал исторический материализм, а основным подходом – классовый. С Плехановым относительно славянофильства во многом был солидарен М.Н. Покровский. Одним из немногих отличий взглядов Покровского от Плеханова на славянофильство было признание Покровского за славянофилами оригинального, отличных от государственной школы взглядов на российскую историю [40]. Взгляды Плеханова и Покровского, практически отсутствие интереса к славянофильству у других исследователей предопределило мнение о нем, как о реакционном движении.

Некоторым отходом от принятой позиции стала статья Н.Л. Рубинштейна «Историческая теория славянофилов и ее корни» (1927) [41]. Хотя Рубинштейн и писал про близость славянофильства к теории официальной народности, он находил в нем «прогрессивные элементы» [41.С.116].

20-е годы XX столетия также отмечены в историографии славянофильства, выходом 23 тома (1926) сочинений Г.В. Плеханова, посвященного западникам и славянофилам [42].

В противовес советской историографии, тема славянофильства интересовала русскую эмиграцию. А.Д. Каплин на международной конференции в докладе «Российская эмиграция (первой волны) о славянофилах и славянофильстве» [43] подробно проанализировал изучение славянофильства в эмиграции (первой волны). Среди рассмотренных Каплиным авторов, относительная новизна взглядов на славянофильство присутствует у следующих исследователей:

М.А. Алданов и П.А. Сорокин приравнивали славянофилов к большевикам. Б.В. Яковенко критиковал философскую мысль славянофилов: «единственной философски своеобразной идеей у Хомякова, является мысль об особой соборной или церковной гносеологии, которую православная философия должна противопоставить абстрактной гносеологии рационализма» [43.С.27].

П.Н. Савицкий, идеолог евразийства считал, что евразийцы, в какой-то мере приемники славянофилов, что между ними есть определенное сходство, особенно в историософской концепции [43.С.28].

Один из главных идеологов «сменовеховства» Н.В. Устрялов, считал, что «славянофильская мысль всё же сумела выработать определённую, принципиально цельную идеологию не только в основной для неё области религиозной и философско-исторической, но и в сфере общественной философии» [44.С.74]. Что касается последней, то две идеи были «основоположными в славянофильском мирозерцании – идея непререкаемого преобладания духовных начал над внешними формами исторического бытия и идея своеобразного духовного лика и исторических путей России» [43.С.31].

В конце 30-х гг. в советской исторической науке произошла дискуссия, с целью раскрыть суть славянофильства с марксистских позиций, коренным образом повлиявшая на отечественную историографию славянофильства.

В 1939 г. публикуются статьи Н.С. Державина «Герцен и славянофилы» [45] и Н.М. Мещерякова «Западники и славянофилы» [46], выражающие два взгляда на славянофильства того времени. Мнение Мещерякова совпадало с советской историографией 20-х – 30-х гг., он считал славянофилов реакционерами, защитниками крепостничества.

Державин, в свою очередь, при сравнении Герцена со славянофилами, отмечал у них схожие позиции по ряду ключевых вопросов, что признавал и сам Герцен. Державин писал о философии славянофилов: «возрождение русского народа путем отказа от реформ Петра и начал западной культуры и просвещения, якобы насильственно нарушивших процесс развития русского народа в духе его национальных традиций, исконных, основ его быта, воззрений и верований, – таковы были главные положения надуманной, идеалистической, в основе своей совершенно ошибочной философско-исторической концепции славянофилов. Она была построена на метафизическом подходе к представлению о народе, на романтическом увлечении стилизованной «народностью», на игнорировании подлинной, реальной исторической действительности, на априорном противопоставлении восточного греко-славянского мира римскому Западу, на отрицании принципов западноевропейского просвещения и политических основ западноевропейской буржуазной государственности, а отсюда вытекала у славянофилов тенденция к отрыву России от Запада. В целом взгляды славянофилов представляли собой сложный комплекс теологических и философско-исторических представлений, опиравшийся на своеобразно понятые основы исторического процесса русского народа и на переоценку роли в этом процессе восточно-христианской образованности» [45.С.127].

Проанализировав взгляды славянофилов, взаимоотношения с ними Герцена, их точки соприкосновения и различия, Державин называет славянофилов «националистически настроенной либеральной буржуазией» [45.С.127].

Необходимо отметить еще одну статью, датированную 1939 г. – «Западники и славянофилы в России в 40-е годы XIX века» [47], автором которой являлся И. Барер. Говоря о славянофилах, он считал, что вопрос отмены крепостного права не был их бескорыстным идейным убеждением. По его мнению, славянофилы признавали реформу вынужденной необходимостью на пути экономического развития страны.

Статья Державина вызвала дальнейшую дискуссию, которая стала причиной появления другой ключевой статьи «Славянофилы и славянофильство» С.С. Дмитриева [48]. Историк, критикуя взгляды Г.В. Плеханова, доказывает их несостоятельность. Дмитриев говорит о славянофильстве, как о целом прогрессивном движении 40–50-х годов, отрицает их принадлежность к теории «официальной народности» и к сторонникам крепостничества, отмечает крайне преувеличенный антагонизм между западниками и славянофилами, относя последних к консервативному направлению. Позицию Дмитриева поддержали немногие – Н.М. Дружинин, Е.А. Мороховец и Б.Е. Сыроечковский. Остальные хоть и оценили качество изученности темы, были еще не готовы к пересмотру устоявшейся концепции и сослались на необходимость дальнейшего изучения. Произшедшая в конце 30-х гг. дискуссия, статьи Державина и Дмитриева спровоцировали дальнейшее изучение славянофильства.

Вышедшие на рубеже 40-50-х гг. книги В.М. Штейна «Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX-XX вв.» [49] и А.Г. Дементьева «Очерки по истории русской журналистики 1840-1850 гг.» [50] показали, что по отношению к славянофильству продолжало существовать две оценки. Штейн писал о прогрессивном значении, в то время как Дементьев вновь приписывал им реакционность. Примерно с такой же позиции в 1956 г. вышел труд Н.А. Цаголова «Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права» [51]. В книге Цаголов утверждал, что славянофилы поддерживали идею отмены крепостного права, исходя не из интересов государства и крестьян, а ввиду невозможности его сохранения. Он отождествляет славянофилов и правых

западников. Относительно исторической концепции славянофилов Цаголов указывал на слабую научную и логическую аргументацию, цель которой в идеологическом обосновании реформы.

Научное сообщество с выходом новых исследований постепенно отходило от концепции Плеханова. В 1958 г. выходит книга Ш.М. Левина «Общественное движение в России в 60-70-е годы XIX в.», в которой он утверждает, что славянофилы занимали нишу между либералами и «реакционерами», пытаясь совместить свои идеалы с либеральным течением [52]. Затем в 1962 г. издается исследование Н.Г. Сладкевича «Очерки истории общественной мысли в России в конце 50-х – начале 60-х годов XIX в.» [53], в которой он причисляет славянофилов к либеральному направлению общественной мысли.

В 60-е годы существенно расширяется круг исследователей славянофильства для подробного исследования различных общественных движений середины XIX века предреформенного времени.

А.А. Галактионов и П.Ф. Никандров в статьях «Славянофильство, его национальные истоки и место в истории русской мысли» [54] и «Историко-социологические взгляды К.С. Аксакова» признавали за славянофилами значительную роль в русской мысли, называя их «дворянскими либералами». Именно эти авторы вернули в советскую историко-философскую мысль характерное для русских философов начала XX в. и для эмигрантской литературы представление о славянофильстве как о «своеобразной форме национального сознания» [55.С.221].

Однако не стоит полагать, что взгляды о славянофилах, как о прогрессивном общественно-политическом течении приобрели главенствующее значение. К примеру, в 1967г. В.А. Малинин в статье «О социальных и теоретических истоках славянофильства» [56] писал о «реакционности» славянофильства.

В 1969 г. в журнале «Вопросы литературы» произошла дискуссия, посвященная литературной критике славянофилов, но вышедшая за ее рамки.

В дискуссии принял участие С.С. Дмитриев, отстаивая свою концепцию о прогрессивности славянофильства.

Начало этой дискуссии положила статья А.Л. Янова «Загадка славянофильской критики» [57]. Он обратил внимание на необходимость более дифференцированного подхода к консервативному крылу русской общественной мысли, выделив в нем «сразу две конкурирующие националистические идеологии» – славянофильскую и «крепостническую». По его мнению, в советской научной литературе была недостаточно показана оппозиционность славянофилов, идеям которых приписывалось полное соответствие теории официальной народности [58.С.138].

Хотя статья Янова, по сути, повторяла главные мысли С.С. Дмитриева, С.А. Покровский усмотрел в ней покушение на классовый подход в изучении общественной мысли. Оставаясь на позиции тождества славянофильства и теории официальной народности, он видел во взглядах славянофилов их страх перед революционными потрясениями, если страна пойдет по пути Западной Европы [59].

В.В. Кожин в статье «О главном в наследии славянофилов» [60] обратил внимание на обвинение славянофилов в панславизме, подчеркивая их нацеленность на сохранение русской национальной духовности и культуры. Суждение о том, что славянофилы являлись националистами, он также называет ошибочным.

Еще одним участником дискуссии был С.И. Машинский, опубликовавший статью «Славянофильство и его истолкователи. (Некоторые итоги дискуссии)» [61]. Он придерживался ортодоксальной версии о перерождении славянофильства в «воинствующий национализм и панславизм, оголтелый религиозный обскурантизм и откровенное мракобесие» [58.С.138]. отождествление взглядов славянофилов и панславистов еще долго будет прослеживаться в советской историографии. Периодически эта мысль возникает и в современной исторической науке.

В целом участники сошлись в том, что необходимы не только конкретные исследования, но и обобщающие труды по славянофильству. К 70-м годам эта мысль в советских научных кругах стала общепризнанной [62.С.18].

В 1970-е по начало 1980-х годов выходят ряд крупных работ. Среди них исследования Ю.З. Янковского «Из истории русской общественно-литературной мысли 40 – 50-х годов XIX столетия» [63], «Патриархально-дворянская утопия» [64], Кулешова В.И. «Славянофилы и русская литература» [65], а также совместная работа коллектива авторов «Литературные взгляды и творчество славянофилов» [66].

Среди этих трудов, отдельного внимания заслуживают книги Ю.З. Янковского. В них рассматриваются основные черты славянофильства 40–50-х гг. XIX века, автор анализирует литературную деятельность, социально-историческую сущность славянофилов, указывая на их сложную общественную позицию того времени.

Крупным исследователем общественной мысли России середины XIX века, и, в частности славянофильства, является В.А. Китаев. Им написано множество работ, среди которых можно выделить ряд исследований в большей степени или конкретно посвященных славянофильству: статья «Славянофилы в первые пореформенные годы» (1977) [67], докторская диссертация «Славянофилы и западники на рубеже 1850-1860-х годов : (к характеристике либерализма эпохи первой рев. ситуации в России)» [68], учебное пособие «Славянофилы накануне отмены крепостного права» (1981) [69], статья «Славянофильство и либерализм» (1989) [70], статья «К.Д. Кавелин в полемике с Ф. М. Достоевским» (1993) [71], статья ««Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя в оценке Аксаковых» (2001) [72]. Китаев, в отличие от Е.А. Дудзинской и Н.И. Цимбаева не причислял славянофилов к либералам, а писал о наличии в славянофильстве либеральной и консервативно-утопической линий [70.С.143]. Рассматривая всю разносторонность взглядов славянофильства, Китаев говорил о славянофилах скорее, как о консерваторах-утопистах.

В 1983 г. Е.А. Дудзинская публикует свою монографию «Славянофилы в общественной борьбе» [62]. Ее исследование можно отнести к наиболее качественным работам о славянофильстве, вышедших в советское время. Дудзинская избегает многих штампов, видя в славянофилах либеральное движение, выступающее за отмену крепостного права. Освещая взгляды славянофилов в целом, основное внимание она уделяет проблемам славянофильства связанных с крепостным правом. В частности, на каких условиях должен быть освобожден крестьянин, как сохранить баланс между интересами помещика и крепостного, роль общины в последующем устройстве. Примечательно, что отдельная глава книги посвящена деятельности славянофилов, как хозяйственников, владельцев земли с крестьянами. Также Дудзинской удалось подробно описать участие славянофилов в составлении проекта реформы 1861 г. Однако в солидарность с марксистско-ленинской исторической концепцией, исследователь пришла к выводу о защите славянофилами своих классовых интересов и боязни возможных крестьянских бунтов.

Для понимания славянофильства крайне важен труд Н.И. Цимбаева «Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли» [73], вышедший в 1986 г. Цимбаев сделал подробный анализ истоков славянофильства, включая историю самого слова, выводя его появление из литературных споров сторонников «старого» и «нового» слога в первой четверти XIX века. Он также разделяет славянофилов на старших и младших. По его мнению, «славянофильство изжило себя к середине 1870-х годов, когда в основном завершился переход к капитализму» [73.С.76]. Цимбаев пишет о положительной роли славянофильства в отмене крепостного права. Указывает на ошибочность принадлежности славянофильства к охранительному крылу.

О славянофильстве, как о консервативно-патриархальной утопии писала З.В. Смирнова в статье «К спорам о славянофильстве». Свою точку зрения она аргументировала тем, что, несмотря на некоторые схожие с либерализмом идеи, славянофилы не принимали ряд его важнейших постулатов: отрицательное отношение славянофилов к частной собственности, буржуазному индивидуализму, правовому государству [74].

Несомненно, советская историография в изучение славянофильства внесла значительный вклад. Часто делая упор на экономических и политических взглядах славянофилов и рассматривая их в контексте отмены крепостного права, исследователи не оставляли без внимания и другие аспекты их деятельности. Однако марксистская историческая концепция служила препятствием для более объективного взгляда.

Начиная с 1991 г. по настоящее время интерес ученых к изучению славянофильства несколько не сократился, а скорее возрос. Об этом свидетельствует количественный уровень публикаций, посвященных разным аспектам взглядов славянофилов.

В 1992 году А.А. Попов в статье «Социально-политические воззрения А.С. Хомякова» [75] соотносил взгляды Хомякова с христианским социализмом.

В 1994 г. у Е.А. Дудзинской вышла новая книга «Славянофилы в пореформенной России», посвященная политическим взглядам славянофилов и их активному участию в подготовке и проведению крестьянской реформы 1961 г. [76].

Под редакцией Б.Ф. Егорова и ряда других авторов издается сборник статей «Славянофильство и современность» (1994), в котором рассматриваются вопросы – от истоков славянофильства в русской литературе XVIII века до влияния И.С. Аксакова на Ярославское краеведение [77].

В 2004 г. в Москве, состоялась международная научная конференция, посвященная двухсотлетию А.С. Хомякова. В ней приняли участие представители десяти государств, а по ее результатам был выпущен объемный двухтомник. Это как нельзя лучше демонстрирует интерес исследователей к славянофильству [78].

В.И. Холодный в книге «А.С. Хомяков и современность: Зарождение и перспектива соборной феноменологии» [79], опубликованной в 2004 г., во многом соглашаясь с Хомяковым приходит к выводу, что «дальнейшее существование и развитие не только России, но и человечества в целом зависит от возможности воплощения соборного бытия в историко-философском и реальном жизненном процессе» [79.С.16].

Наиболее значимыми трудами в современной отечественной историографии о славянофильстве, стали работы А.Д. Каплина «Мировоззрение славянофилов. История и будущее России» [80] (2008), «Славянофилы, их сподвижники и последователи» [81] (2011). В своих книгах Каплин систематизирует идеи, подробно рассматривает биографию, становление взглядов и сами взгляды ведущих представителей славянофильства. Анализирует их общественную и государственную деятельность, а также взаимоотношения славянофилов с именитыми современниками. В книге отражен значительный вклад славянофильства в историю отечественной мысли.

А.К. Голиков в статье «Либеральный элемент в социально-философских и политических взглядах основателей славянофильства», утверждал, что «основатели славянофильства определили для себя универсальное основание гармоничного общественного устройства самобытной цивилизации России: духовность, державность, нация (народ – соборный носитель нравственного идеала), то, что граф С.С. Уваров выразит в формуле: Православие – Самодержавие – Народность. Общечеловеческое тождественно особенному (национально-самобытному), в высшем, т.е. более совершенном, развитом, духовном. Критерием же высшего является, по сути, общественное (коммунитарное, соборное) развитие личности как разумно-нравственного индивида, на чем настаивали славянофилы, противопоставляя разумно-нравственную личность типу западному – по преимуществу разумно-артистической личности» [82.С.38].

А.И. Федоров в статье «Истоки Евразийской идеологии в русском славянофильстве» [83], видел общие черты между славянофильством и евразийством в «утверждении православия как ядра русской духовной культуры; критическом отношении к западной секулярной культуре; в мессианизме русского народа и русской культуры; в отрицательном отношении к деятельности Петра Первого» [83.С.159-160].

В статье «Некоторые проблемы изучения славянофильства и западничества» Е.Н. Лебедева [84] освещается историография западничества и славянофильства, их

идеологические расхождения. Лебедев считает, что яркая полемика между течениями была вызвана расколом массового сознания.

А.Н. Беляев с позиции философии рассматривал три центральных компонента, по мнению автора, деятельности ранних славянофилов – социального, национального, религиозного, а также различные точки зрения на основу славянофильства. В статье он соглашается на необходимость комплексного подхода к изучению славянофильства, а также приходит к выводу о наибольшей объективности исследования с позиций теоцентризма [85].

Е.В. Звездина в статье «Славянофильство как парадигма социального развития России в условиях глобализации: к постановке проблемы» [86] указывая на кризис западной модели развития, на агрессивные экспансионные действия со стороны стран Запада, насаждение западной культуры, предлагает обратиться к идеям славянофилов. Само возникновение славянофильства она определяет «как своеобразный ответ на вызов России со стороны западной парадигмы глобализации в условиях XIX в.» [86.С.32]. В своем ответе славянофилы предлагали самостоятельный проект глобализации, где ведущими темами, в отличие от западного варианта, выступало равноправие всех народов в формировании единой цивилизации.

В 2012 г. о А.С. Хомякове пишет Е.В. Демидова, затрагивая уже неоднократно освещённые ранее вопросы формирования славянофильского движения, влияние на них немецкой философии, и появление самого прозвища «славянофил» [87].

Ю.С. Заложных в статье «Мифологизация славянофильства «за» и «против»» [88] критикует мнение о несамостоятельности славянофильства, об их подобию, копировании немецких и французских философов, о панславизме славянофилов. Кроме этого, автор опровергает концепцию о синонимичном понятии национализма и славянофильства, говорит о преувеличении мессианских чаяний славянофилов, основанных на убеждении в особом преимуществе русского народа «как избранного носителя и совершителя исторических судеб человечества» [88.С.243]. Также Заложных опровергает мнение о патриархальности и заостренности славянофилов, об их желании вернуться в допетровскую эпоху.

В статье «Роль славянофилов в формировании российской консервативной политико-правовой идеологии» [89] С.А. Шестаков и Л.В. Ребышева подняли проблему становления идеологии славянофильства как исторически первой версии российской консервативной политико-правовой идеологии. Авторы подвергли анализу идейные истоки, а также определили основные принципы славянофильства, показали значение славянофильства в процессе оформления российского консерватизма.

О развитии славянофильства, о его отличии между ранним и поздним этапами движения пишет в своей статье И.А. Немцев. Автор обуславливает процесс трансформации взглядов славянофилов с изменением политики самодержавного государства после смерти Николая I. Отмечая, что черты, отличавшие позднее славянофильство от раннего, в значительной мере появились как результат влияния самодержавного государства на процесс развития дореволюционного российского консерватизма [90].

Карташова Е.П. в своем исследовании, вышедшем в 2014 г., рассматривает влияние славянофилов на творчество религиозного философа, литературного критика и публициста В.В. Розанова [91].

Оценку деятельности и взглядов славянофилов М.Е. Салтыковым дал Е.А. Бузько, отмечая их острую полемику и взаимовлияние [92].

Е.А. Межуева исследовала взгляды А.С. Хомякова на методологию исторического исследования через категорию «цельного знания». По ее мнению, методология должна включать следующие компоненты: критический отбор фактического материала, его рациональное обоснование и определяющее их соотношение «поэтическое чувство», интуицию [93].

Н.С. Крупейникова и М.В. Лазорская в статье «Философские традиции славянофильства» [94] попытались проследить «корни» философской мысли славянофильства начиная с Древней Руси, что является крайне субъективным мнением.

Н.В. Трошина затрагивает идею «самобытности» у славянофилов. Она признает за ними ведущую роль в осознании отличного от кого-либо русского пути, о его особенности и отдельного значения для его становления православной веры [95].

Отдельно стоит упомянуть М.А. Широкову, написавшую довольно значительное количество статей о славянофильстве, затрагивающий широкий круг проблем взглядов славянофилов [96].

В целом можно сделать вывод, что славянофильство довольно подробно и разносторонне изучено в отечественной историографии. Однако если рассматривать взгляды самих славянофилов по-отдельности, то здесь исследователь еще может наткнуться на малоизученные или вовсе не раскрытые темы.

Библиографический список

1. **Хомяков А.С.** Иван Васильевич Киреевский // Русская беседа. 1856. Кн. 2. – С. 1–8.
2. **Кавелин К.Д.** В память Ю.Ф. Самарина // Вестник Европы. 1876. №4. – С. 906 – 907; Кавелин К.Д. Славянофилы сороковых годов // Кавелин К.Д. Собрание сочинений. 1899. Т. 3. – С. 1133 – 1166; Самарин Ю.Ф. Предисловие [к богословским трудам А.С. Хомякова] // Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. – М., 1880. Т. 2. – С. I – XXXVII.
3. **Белинский В.Г.** Ответ "Московитянину" // Собр. соч.: В 9 т. – М.: Худож. лит., 1982. Т. 8. – С. 290–336.
4. **Чернышевский Н.Г.** Очерки гоголевского периода русской литературы // Собрание сочинений в пяти томах. – М.: Правда, 1974. Т. 3. – 1207 с.
5. **Чернышевский Н.Г.** Славянофилы и вопрос об общине // Утопический социализм: Хрестоматия / Общ. Ред. А.И. Володина. – М.: Политиздат, 1982. – 590 с.
6. **Герцен А.И.** Былое и думы. – М.: ГИХЛ, 1958. – 1920 с.
7. **Тесля А.А.** Герцен и славянофилы // Социологическое обозрение. 2013. №1. Т. 12. – С. 62 – 85.
8. **Бестужев-Рюмин К.Д.** Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе // Отечественные записки. СПб., 1862. № 2,3,5.
9. **Бестужев-Рюмин К.Н.** Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья первая // Отечественные записки. 1862. № 2. Т. CXL. – С. 678–719.
10. **Пыпин А.Н.** Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов: Ист. очерки А.Н. Пыпина. – СПб., 1873. – 514 с.
11. **Погодин М.** К вопросу о славянофилах. // Гражданинъ. 1873. № 11. 12 марта.
12. **Пыпин А.Н.** Вопрос о национальности и панславизм // Современник. 1864. № 2. – С. 479 – 510.
13. **Миллер О.Ф.** Основы учения первоначальных славянофилов // Русская мысль. 1880. Кн. I. – С. 1–44.
14. **Миллер О.Ф.** Славянство и Европа. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. – 417 с.
15. **Иванюков И.И.** Падение крепостного права в России / Соч. И. Иванюкова. – СПб.: Н.И. Мамонтов, 1882. – 393 с.
16. **Семевский В.И.** Крестьянский вопрос в XVIII и первой половины XIX в. – СПб.: Типография Товарищества «Общественная Польза», 1888. Т. 2. – 625 с.
17. **Соловьев С.М.** Избранные труды. Записки / А. А. Левандовский, Н.И. Цимбаев. – М., 1983. – 440 с.
18. **Милюков П.Н.** Разложение славянофильства. Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьёв // Вопросы философии и психологии, 1893. Год IV, кн. 3 (18). – С. 46–96.
19. **Пешков А.А.** Либеральная оценка П.Н. Милюковым Синодальной реформы Петра I: полемика со славянофильством // Вестник нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия. Социальные науки. 2011. № 3. – С. 93–98.

20. **Миллюков П.Н.** Петр Великий и его реформа (К двухсотлетней годовщине) // История и историография России. Из научно-литературного наследия русского зарубежья. – М.: Русский мир, 2006. Т. III. – 560 с.
21. **Гершензон М.О.** Исторические записки. – М.: скл. изд. – в конторе журн. "Крит. обозрение", 1910. – 187 с.
22. **Колюпанов Н.П.** Очерк философской системы славянофильства // Русское обозрение. 1894. № 6.
23. **Корнилов А.А.** Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России – СПб.: Тип. «Обществ. Пользы», 1905. – 473 с.
24. **Корнилов А.А.** Крестьянская реформа. – СПб.: Типолитография Ф. Вайсберга, 1905. – 274 с.
25. **Корнилов А.А.** Общественное движение при Александре II. – М., 1909. – 263 с.
26. **Вехи:** сборник статей русской интеллигенции / Н.А. Бердяев и др. – М.: Типография В.М. Саблина, 1909. – 209 с.
27. **Бердяев Н.А.** Философская истина и интеллигентская правда / Вехи: сборник статей русской интеллигенции // Н.А. Бердяев и др. – М.: Типография В.М. Саблина, 1909. – С. 18.
28. **Гершензон М.О.** Творческое самосознание / Вехи: сборник статей русской интеллигенции // Н.А. Бердяев и др. – М.: Типография В.М. Саблина, 1909. – С. 88.
29. **Кистяковский Б.А.** В защиту права / Вехи: сборник статей русской интеллигенции // Н.А. Бердяев и др. – М.: Типография В.М. Саблина, 1909. – С. 103.
30. **Бердяев Н.А.** Алексей Степанович Хомяков. – М.: Путь, 1912. – 250 с.
31. **Ивонина О.И.** М.О. Гершензон как историк русской интеллигенции: pro et contra // Философия и культура. 2017. № 2. – С. 8.
32. **Гершензон М.О.** Исторические записки. – М.: скл. изд. - в конторе журн. "Крит. обозрение", 1910. – 187 с.
33. **Гершензон М.О.** Славянофильство // Вопросы философии. 1997. № 12. – С.65–72.
34. **Гершензон М.О.** Избранное. – Москва – Иерусалим: Университетская книга, 2000. – С. 539–540.
35. **Завитневич В.З.** Алексей Степанович Хомяков. – Киев: Тип. И. И. Горбунова, 1902. Т.1. Кн. 1. – 866 с.
36. **Завитневич В.З.** Алексей Степанович Хомяков. – Киев: Тип. И. И. Горбунова, 1902. Т.1. Кн. 2. – С. 867–1422.
37. **Завитневич В.З.** Место А.С. Хомякова в истории русского национального самосознания. – Харьков, 1904. – 43 с.
38. **Иванов-Разумник Р.В.** История русской общественной мысли. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1911. Т. 1. – 414 с.
39. **Плеханов Г. В.** Сочинения – М.: Гос. изд-во, 1926. Т. 23. – 457 с.
40. **Покровский М.Н.** Историческая наука и борьба классов: Историографические очерки, критические статьи и заметки – М.: 2012. Т. 1. 2-е изд. – 328 с.
41. **Рубинштейн Н.Л.** Историческая теория славянофилов и ее корни // Русская историческая литература в классовом освещении под ред. Покровского. – М.: Изд-во Ком. акад., 1927. Т.1. – С. 52 – 118.
42. **Плеханов Г.В.** Сочинения – М: Гос. изд-во, 1926. Т. 23. – 457 с.
43. **Каплин А.Д.** Российская эмиграция (первой волны) о славянофилах и славянофильстве // Русское научное наследие за рубежами России. Материалы научной конференции. – Брянск: РИО БГУ, 2013. – С. 27–38.
44. **Устрялов Н.В.** Политическая доктрина славянофильства // Известия юрид. ф-та. – Т.1. – Харбин, 1925. – С. 74.
45. **Державин Н.С.** Герцен и славянофилы // Историк – марксист. 1939. № 1. – С.125–145.
46. **Мещеряков Н.М.** Западники и славянофилы // Труды Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина. 1939. № 4. – 233 с.

47. **Барер И.** Западники и славянофилы в России в 40-е годы XIX века // Исторический журнал. 1939. № 2. – С. 72–81.
48. **Дмитриев С.С.** Славянофилы и славянофильство // Историк – марксист. 1941. № 1. – С. 85–97.
49. **Штейн В.М.** Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX–XX вв. – Ленинград, 1948. – 358 с.
50. **Дементьев А.Г.** Очерки по истории русской журналистики 1840-1850 гг. – М–Л., 1951. – 500 с.
51. **Цаголов Н.А.** Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права. – М., 1956. – 464 с.
52. **Левин Ш.М.** Общественное движение в России в 60-70-е годы XIX в. – М., 1958. – 512 с.
53. **Сладкевич Н.Г.** Очерки истории общественной мысли в России в конце 50-х – начале 60-х годов XIX в. – Л., 1962. – 286 с.
54. **Галактионов А.А., Никандров П.Ф.** Славянофильство, его национальные истоки и место в истории русской мысли // Вопросы философии. 1966. № 6 – С. 120 – 130.
55. **Широкова М.А.** Место и роль славянофильства в русской философии и общественной мысли: историография проблемы // Известия Алтайского государственного университета. 2013. 2-2 (78). – С. 220–225.
56. **Малинин В.А.** О социальных и теоретических истоках славянофильства // Научные доклады высшей школы. Философские науки. 1967. № 1. – С. 77–85.
57. **Янов А.Л.** Загадка славянофильской критики // Вопросы литературы. 1969. № 5. – С. 91–116.
58. **Кудряшов В.Н.** Национальные аспекты русской общественной мысли второй половины XIX в. в отечественной историографии советского периода (1920 – 1980-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 437. – С. 136–142.
59. **Покровский С.А.** Мнимая загадка // Вопросы литературы. М., 1969. № 5. – С. 117–128.
60. **Кожин В.В.** О главном в наследии славянофилов // Вопросы литературы. 1969. № 10. – С. 113–131.
61. **Машинский С.И.** Славянофильство и его истолкователи. (Некоторые итоги дискуссии) // Вопросы литературы. 1969. № 12. – С. 102–140.
62. **Дудзинская Е.А.** Славянофилы в общественной борьбе – М.: Мысль, 1983. – 271 с.
63. **Янковский Ю.З.** Из истории русской общественно-литературной мысли 40-50-х годов XIX столетия: Спецкурс по рус. литературе / МП УССР. Киев. гос. пед. ин-т им. А. М. Горького. – Киев, 1972. – 160 с.
64. **Янковский Ю.З.** Патриархально-дворянская утопия – М.: Художественная литература, 1981. – 373 с.
65. **Кулешов В.И.** Славянофилы и русская литература – М., 1976. – 286 с.
66. Литературные взгляды и творчество славянофилов: 1830-1850 гг. / К.Н. Ломунов, Е.В. Старикова, А.С. Курилов и др. – М., 1978. – 502 с.
67. **Китаев В.А.** Славянофилы в первые пореформенные годы // Вопросы истории. 1977. № 6. – С. 19-36.
68. **Китаев В.А.** Славянофилы и западники на рубеже 1850-1860-х годов: (к характеристике либерализма эпохи первой рев. ситуации в России): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Л., 1980. – 38 с.
69. **Китаев В.А.** Славянофилы накануне отмены крепостного права: учеб. пособ. – Горький, 1981. – 72 с.
70. **Китаев В.А.** Славянофильство и либерализм // Вопросы истории. 1989. № 1. – С. 139 – 149.
71. **Китаев В.А.** К.Д. Кавелин в полемике с Ф.М. Достоевским // Проблемы отечественной истории: материалы науч. конф., Волгоград, сент.1993 г. – Волгоград, 1994. – С. 57–67.

72. **Китаев В.А.** "Выбранные места из переписки с друзьями" Гоголя в оценке Аксаковых // Грехневские чтения: сб. науч. тр. – Н. Новгород, 2001. – С. 146–151.
73. **Цимбаев Н.И.** Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли – М.: Издательство Московского университета, 1986. – 274 с.
74. **Смирнова З.В.** К спорам о славянофильстве. (Некоторые методологические аспекты исследования раннего славянофильства) // Вопросы философии. 1987. № 11. – С. 124–125.
75. **Попов А.А.** Социально-политические воззрения А. С. Хомякова // Социально-политические науки. 1992. № 4–5.
76. **Дудзинская Е.А.** Славянофилы в пореформенной России – М.: РАН. Институт истории России, 1994. – 227 с.
77. **Славянофильство и современность** // Б. Ф. Егоров и др. – Спб., 1994. – 260 с.
78. **А.С. Хомяков** – мыслитель, поэт, публицист: сборник статей по материалам Международной научной конференции, состоявшейся 14–17 апреля 2004 г. в г. Москве в Литературном институте им. А. М. Горького: в 2 т. – М., 2007. – 568 с.
79. **Холодный В.И.** А.С. Хомяков и современность: зарождение и перспективы соборной феноменологии – М.: Акад. проект, 2004. – 526 с.
80. **Каплин А.Д.** Мировоззрение славянофилов: история и будущее России / Александр Каплин. – М.: Ин-т русской цивилизации, 2008. – 445 с.
81. **Каплин А.Д.** Славянофилы, их сподвижники и последователи – М.: Ин-т русской цивилизации, 2011. – 624 с.
82. **Голиков А.К.** Либеральный элемент в социально-философских и политических во взглядах основателей славянофильства // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2010. Т. 190. – С. 27–38.
83. **Федоров А.И.** Истоки евразийской идеологии в русском славянофильстве // Вестник ТГУ, Выпуск 7 (87). 2010. – С. 158–160.
84. **Лебедев Е.Н.** Некоторые проблемы изучения славянофильства и западничества // Современные проблемы сервиса и туризма. № 2. 2011. – С. 71–76.
85. **Беляев А.Н.** Подходы к изучению социально-философской концепции славянофилов XIX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 5. 2011. – С. 34–37.
86. **Звездина Е.В.** Славянофильство как парадигма социального развития России в условиях глобализации: к постановке проблемы // Власть. 2011. № 11. – С. 30–34.
87. **Демидова Е.В.** А.С. Хомяков как один из основателей славянофильского движения в России XIX века // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2012. № 1. – С. 3–10.
88. **Заложных Ю.С.** Мифологизация славянофильства «за» и «против» // Научные ведомости. 2012. № 20. – С. 242 – 246.
89. **Шестаков С.А., Ребышева Л.В.** Роль славянофилов в формировании российской консервативной политико-правовой идеологии // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 2 (20). – С. 16–19.
90. **Немцев И.А.** Трансформация славянофильства и самодержавное государство в 60–70-е годы XIX века // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2013. № 1 (21). – С. 142–150.
91. **Карташова Е.П.** Традиции русского славянофильства как источник литературно-книжного стиля философско-публицистических сочинений В.В. Розанова // Фундаментальные исследования. 2014. № 12. – С. 2036–2040.
92. **Бузько Е.А.** Славянофильство в оценке М.Е. Сатлыкова // Культура и текст. 2015. № 4. – С. 25–44.
93. **Межуева Е.О.** Познание истории как реализация славянофильской идеи «Цельного знания» // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2015. № 1. – С. 13–19.
94. **Лазорская М.В.** Философские традиции славянофильства / М.В. Лазорская, Н.С. Круппейникова // Инновационная наука. – 2016. – № 9 (21). – С. 215–217.

95. **Трошина Н.В.** Самобытность России: к вопросу о содержании концепта «самобытность» в дискурсе русского славянофильства // Вестник Брянского государственного университета. – 2016. – № 3 (29). – С. 189–193.
96. **Широкова М.А.** Славянофилы как основоположники русской национальной философии // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 1-2. – С. 173–176; Широкова М.А. Славянофилы о движущих силах историко-культурного и политического процессов // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4-2. – С. 287–291; Широкова М.А. Соотношение принципов личной свободы, народности и соборности в славянофильской социальной философии // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. – С. 64–67; Широкова М.А. Онтологические основания русского сознания в философии А. С. Хомякова // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 2-1. – С. 200–202; Широкова М.А. Основные характеристики самодержавного государства в философско-политической концепции славянофилов // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4–1 (76). – С. 270–276; Широкова М.А. Место и роль славянофильства в русской философии и общественной мысли: историография проблемы // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2 (78), Т. 2. – С. 220–225; Широкова М. А. Проблема соотношения государства и общества как критерий уточнения места славянофильства в российском идеологическом спектре // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 2 (86). Т. 1. – С. 250–256.

УДК 94 (4+7)

*Российский университет кооперации
Кандидат исторических наук,
преподаватель
А.А. Болтаевский
Россия, г. Москва, тел. (916) 9083743
e-mail: Boltaev83@mail.ru*

*Russian University of Cooperation
PhD in History,
Lecturer
A.A. Boltaevskiy
Russia, Moscow, tel. (916) 9083743
e-mail: Boltaev83@mail.ru*

А.А. Болтаевский

**«ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
ПО НОВОЙ ИСТОРИИ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ**

В статье осуществляется анализ издававшегося московской интеллигенцией на рубеже XVIII–XIX вв. «Политического журнала». Представлявшее собою собрание переводных материалов из одноименного гамбургского журнала данное издание раскрывает не только малоизвестные факты и воспоминания о современных событиях, но и служит богатым историческим источником для профессионального историка. Разнообразная информация позволяет показать отношение редакции журнала к таким важнейшим событиям эпохи, как Великая Французская революция. Несмотря на открыто роялистскую позицию, «Политический журнал» показывает те общественно-политические изменения, которые происходили в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Новое время, исторический источник, Европа, Америка, Великая Французская революция, роялисты, интеллигенция.

A.A. Boltaevskiy

**«POLITICAL MAGAZINE» AS A HISTORICAL SOURCE FOR THE NEW
HISTORY OF EUROPE AND AMERICA**

The article analyzes the published by the Moscow intelligentsia at the turn of the XVIII - XIX centuries. "Political Journal". Representing a collection of translated materials from the Hamburg magazine of the same name, this publication reveals not only little-known facts and memories of modern events, but also serves as a rich historical source for a professional historian. A variety of information allows you to show the attitude of the magazine's editors to such important events of the era as the Great French Revolution. Despite the openly royalist position, the Political Journal shows the socio-political changes that occurred in the period under review.

Key words: New time, historical source, Europe, America, the Great French Revolution, royalists, intelligentsia.

Работа профессионального историка неотделима от тщательного подбора и кропотливого изучения источниковой базы: нередко специалисты соперничают в поисках новых материалов из архивных фондов или библиотечных каталогов. Важность значимости данной поисковой работы усиливается в наши дни на фоне как всестороннего интереса российских граждан к отечественной и зарубежной истории, так в результате наводнившей книжной рынок массовой псевдоисторической продукции, которая за последние годы вышла за пределы широко разрекламированной «новой хронологии» А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского. Все это усиливает исследовательский интерес к забытым, но в то же время бесценным источникам по европейской истории, в том числе нового времени, и, особенно, такой противоречивой эпохи Великой французской революции и наполеоновских войн.

Среди богатейшей источниковой базы по западноевропейской истории конца XVIII – начала XIX вв. несомненный интерес представляет весьма недооцененный «Политический журнал».

Издававшийся на протяжении почти сорока лет на русском языке под разными названиями (с 1790 по 1807 гг. как собственно «Политический журнал», с 1807 по август 1809 гг. как «Политический, статистический и географический журнал, или современная история света»), с августа 1809 г. и до момента своего закрытия в конце 1830 г. под заглавием «Исторический, статистический и географический журнал, или современная история света») усилиями московской интеллигенции, он представлял собою собрание переводных материалов из гамбургского «Политического журнала». Идея переводного журнала была впервые предложена профессорами Московского университета П.А. Сохацким и М.Г. Гавриловым, однако мы, к сожалению, не владеем информацией о лицах, занимавшихся собственно переводом материалов. Точно также, впрочем, мы не знаем имен авторов и корреспондентов немецкого журнала. В тоже время те заметки о событиях в России, происходивших в 1812-1813 гг., за редким исключением написаны М.И. Невзоровым, недолго – в 1813 г. – бывшего издателем русской версии журнала.

Вообще общие сведения о русском издании данного журнала чрезвычайно скудны. Так, в «Московских ведомостях» за 1799 г. помещена пространная заметка следующего содержания: «Ежели сведение о всех важнейших политических нынешнего времени происшествиях, причинах и поводах к оным, связях и соотношениях высоких европейских держав между собою, тонкостях политики, кратко сказать, история текущего века и всех знаменитейших деяний современных нам людей, имеет в себе много привлекательного и возбуждающего любопытство в каждом благовоспитанном человеке: то периодические, или единовременные, в сем роде сочинения заслуживают по всей справедливости величайшее одобрение и благосклонный прием, каковой они и приобрели уже во многих иностранных государствах. Недостаток подобных сим изданий на российском языке побуждает университетскую типографию оказать соотечественникам своим приятную услугу доставлением им Политического журнала, который издаваем и переводим будет с одного лучшего и заслужившего всеобщую похвалу иностранного сочинения, то есть с немецкого гамбургского журнала, о достоинствах которого многие из почтенных наших читателей небезызвестны». И далее в заметке указываются характерные преимущества издания: «Периодическое сие сочинение, Обществом ученых и в политике весьма искусных мужей в Гамбурге издаваемое, отличается от всех прочих ему подобных иностранных изданий, обширнейшей корреспонденцией, каковой издатели оного повсюду имеют, беспристрастием всегда и при всяком случае являемым, достоверностью и точностью сообщаемых известий, основательностью рассуждений, тонкостью, с каковою обрабатываются все предметы, входящие в план оного, приятностью слога, одним словом, заключают в себе все качества, требуемые в сочинениях политико-исторических и объемлет все важнейшие новости, предлагая оные систематически, то есть в ясной краткости, надлежащем порядке и связи, по времени, причинам и других отношениях, так что оны с великою легкостью и приятностью могут вести читателя к собственным заключениям» [1]. Из этого же номера «Московских ведомостей» мы можем узнать, что подписная цена на годовой комплект журнала составляла 6 рублей в Москве, 8 рублей в других городах. Журнал выходил ежемесячно, по мере поступления материалов для перевода, при этом начиная с 1794 г. каждая часть (всего за год выпускалось 4 части) состояла из 3 «книжек», относящихся к конкретному календарному месяцу).

Хотя первый номер журнала вышел в свет в 1790 г., только спустя 12 лет издатели – П.А. Сохацкий и М.Г. Гаврилов – разместили авторскую статью, в которой предприняли попытку дать его характеристику, или как они писали сами, «дать отчет своим читателям, основываясь на умном и основательном плане сочинителя». Наряду с объявлением своей главной цели – полного собрания современной им истории – авторы вновь указали на такие отличительные черты журнала как беспристрастие и истина, а также на важнейшую источниковую составляющую: «по дипломатической части наш «Политический журнал» имеет столь всевозможно полное собрание, что в нем хранятся все акты, которые заключают в себя политические союзы, трактаты, мирные постановления, объявления войны и пр., и

которые составляют всегдашнюю историческую достопамятность. Все сие акты с точным вниманием переводятся с подлинного языка, на котором писаны. Только те соглашения и условия, которые имеют кратковременный и не всеобщий характер, сообщаются в существенном и верном сокращении» [2.С.9]. А в 1874 г. почетным корреспондентом Императорской публичной библиотеки А.Н. Неустроевым было составлено библиографическое указание номеров журнала за 1790-1802 гг., которое может служить ценнейшим руководством для современного исследователя [3.С.9].

К сожалению, несмотря на фактологическую насыщенность и разнообразные аналитические материалы, «Политический журнал» не часто попадает в поле зрения российских историков. Так, следует отметить только рекомендацию известнейшего нидерландиста Г.А. Шатохиной-Мордвинцевой, рассмотревшей его как ценный источник по истории Нидерландов: «сводки событий, тексты документов, биографические справки политических деятелей», представленные в нем, поистине огромны, к такому справедливому выводу приходит исследовательница [4.С.225].

Однако «Политический журнал» содержит богатый материал не только по истории Нидерландов, но и вообще по западноевропейской истории, представляя богатую панораму событий, в основе которых была Французская революция. В этой связи представляет интерес отношение немецких авторов к тому переломному моменту, который В.И. Ленин характеризовал следующим образом: «Весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии, интересам которой они служили, хотя они этого и не сознавали, прикрываясь словами о свободе, равенстве и братстве» [5.С. 367]. Собственно, и немецкие авторы в январском номере за 1790 г. (он стал первым для русскоязычного издания «Политического журнала») отмечали: «В 1789 году весь свет потрясен был столь сильно, что везде открылись чрезвычайные движения, и произошло в Европе начало *новой эпохи человеческого рода* [так в тексте]. После многих столетий 1789 год есть самый достопамятный. Со времен крестовых походов никогда еще не было такой эпохи, как сия, в которой бы политическое мнение распространилось и промчалось через всю Европу с толикою живостию и соучастованием. Дух свободы учинился воинственным при конце восемнадцатого, как дух Религии при конце одиннадцатого века» [6.С.3]. Отмечал журнал и вступление Европы в новую эпоху международных отношений, связанную с коренными изменениями во Франции. Показательны следующие приводимые на страницах журнал данные: «В 1779 году король французский употребил 150 миллионов на флоты и армию, чтобы учинить Америку свободною, а Англию бедною; в 1789 году послал он свою серебряную посуду на монетный двор, дабы в недостатке делать из нее деньги. Англия же находилась в величайшем изобилии денег. Столько-то судьба непостоянна!» [7.С.25]

Примечательно, что по мере разрастания масштабов французских событий менялось и отношение к ним «Политического журнала». Оценивая события 1794 г., его авторы писали: «Протекший 1794 год наперерыв спорил в кровопролитии, в смертоубийстве против двух своих предшественников, и – превзошел их – превзошел ужасами те два года, которые сами превзошли злодеяниями все веки, от начала света... Можно увидеть, что сия эпоха, которую, кажется, Бог определил в наказание развращенного человечества, еще продолжалась, и токмо некоторыми путеуказаниями, к лучшей судьбе для совращенной, обманутой, несчастной части рода человеческого, ознаменовалась летопись прошедшего года» [8.С.3-4]. А общее журнальное мнение о Франции заключалось в том, что «величайшее государство Европы на Западе гибнет от анархии» [9.С.71].

Обращаясь непосредственно к содержательной части журнала, укажем на те неперенные рубрики, которые существовали на протяжении его издания. Каждый январский номер открывался обзорной статьей с историческим и политическим обозрением предыдущего года. В каждом номере регулярно размещалась информация о положении в различных европейских странах, в первую очередь, Франции, Великобритании, Италии,

Германии, Испании, Польше, Североамериканских штатах. Реже публиковались этнографические материалы (см., например, «Первобытные жители Бразилии» [10]). Среди неперенных рубрик находились также письма корреспондентов из ведущих европейских городов.

Как мы уже говорили, значительное внимание журнал уделял событиям во Франции, разумеется, рассматривая их вопреки заявлениям о «беспристрастности и истине» с роялистских позиций. Так, говоря о событиях весны 1790 г., журнал в характерной по названию статье «Французское безначалие. Продолжение. Происшествия. Обстоятельства» пишет: «В Париже смятение ежедневно более увеличивалось. Множество сволочи, которую демократы содержали там на своем жалованье, и которая толпами против аристократов оказывает дерзости, как скоро дан будет ей знак, делает тот вид, как будто большая часть Парижа привержена к партии бешеных в Народном Собрании: однако это только вид, который через дерзких людей ослепляет публику; и дабы тем лучше сие про известъ в действо, бесчисленные писатели листков в Париже представляют приключения всегда в ложном свете» [11.С.751].

Информация о событиях в той или иной стране публиковалась исходя из их значимости. Неслучайно в посвященной Дании заметке справедливо указывалось: «Та земля, о которой можно объявить весьма немногие политические достопамятности, есть (кроме некоторых изъятий) всегда счастливейшая... война всегда есть несчастье, которое оправдывают только необходимость и политические должности государства в рассуждении себя и других». И далее отмечалось: «С давнего времени не имели мы, да и не могли иметь под сим оглавлением никакой исторической статьи о Дании... да и теперь не имеем мы ничего здесь привести, разве только в дополнение к истории» [12.С.834-835].

Чтобы читатель мог составить примерную картину по содержанию журнала, приведем выдержку из работы А.Н. Неустроева: «Содержание I части 1797 г. Книжка 1 (Месяц Январь). Историческое и политическое обозрение 1796 г. Манифест Великобританского двора против Гишпании. Развязка и обстоятельства прерванных мирных переговоров лорда Малмесбури и генерала Кларка. Предложения. Отказы. Следствия. Частные исторические черты и анекдоты. Великобританский парламент. Состояние Франции. Происшествия. Состояние Дании. Происшествия. Письма: Берн. Вена. Берлин. Зимняя кампания на Рейне. Взятие крепости Келя. Военные происшествия в Италии. Известия о разных государствах: Великобритания. Португалия. Гишпания. Италия. Германия. Голландия. Пруссия. Швеция» и т.д. [3.С.40]

Таким образом, «Политический журнал» показывает богатую картину событий, происходивших в яркий и насыщенными событиями XVIII в. и может быть полезен как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

Библиографический список

1. Московские ведомости. 1799. 9 марта. № 20.
2. **Сохацкий П.А., Гаврилов М.Г.** К читателям. Цель и план «Политического журнала» // Политический журнал. 1802. Ч. 1. Кн. 1. С. 3-11.
3. **Неустроев А.Н.** Библиографическое указание «Политического журнала» за 1790-1802 гг. СПб.: Общественная польза, 1874. 65 с.
4. **Шатохина-Мордвинцева Г.А.** Источники по истории Нидерландов XVIII – XIX вв. в архивах и библиотеках Москвы // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. 2009. Т. 11. № 2. С. 221-226.
5. **Ленин В.И.** I Всероссийский съезд по внешкольному образованию // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 37. М.: Политиздат, 1969. С. 327-372.
6. Историческое и политическое обозрение 1789 года // Политический журнал. 1790. Ч. 1. С. 3-26.

7. Историческое и политическое обозрение 1789 года // Политический журнал. 1790. Ч. 1. С. 3-26.
8. Историческое и политическое обозрение 1794 года // Политический журнал. 1795. Ч. 1. Кн. 1. С. 3-30.
9. Известия о разных государствах. Россия и Польша // Политический журнал. 1795. Ч. 1. Кн. 2. С. 71-77.
10. Первобытные жители Бразилии // Исторический, статистический и географический журнал, или современная история света. 1812. Ч. 3. Кн. 1. С. 28-45.
11. Французское безначалие. Продолжение. Происшествия. Обстоятельства // Политический журнал. 1790. Ч. 5. С. 741-759.
12. Дания // Политический журнал. 1790. Ч. 5. С. 834-837.

ВУНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)

Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник

В.В. Гагин

Россия, г. Воронеж, тел. 89092161403;

e-mail: vrvio@yandex.ru

«Air Force Academy prof. N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin» (Voronezh)

PhD in Historical Sciences,
Senior Researcher

V.V. Gagin

Russia, Voronezh, tel. 8.909.216.14.03;

e-mail: vrvio@yandex.ru

В.В. Гагин

БОЛЕЗНИ РОСТА. КРАТКИЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ВВС РККА И ИХ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ В ПЕРИОД 1920-1941 ГГ.

В преддверии празднования 75-летней годовщины Великой Победы, которая далась нашему народу ценой огромных жертв и потерь, долг добросовестного исследователя вспоминать и изучать все особенности такого планетарного феномена, как Великая Отечественная война, и наряду с массовым героизмом Советского народа на фронтах, его самопожертвованием на заводах и фабриках, в шахтах и на колхозных полях тщательно и пристально анализировать причины просчетов и ошибок. В этой связи представляется интересным определить итоги развития Советской военной авиации в межвоенный период, рассмотреть все успехи и неудачи на трудном пути, который, в конечном счете, привел СССР к победе над гитлеровской Германией.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, ВВС РККА, авиационная промышленность, межвоенный период, Великая Победа.

V.V. Gagin

DISEASES OF GROWTH. BRIEF ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT OF THE AIR FORCE OF THE RED ARMY AND THEIR ORGANIZATIONAL STRUCTURE DURING THE PERIOD 1920-1941

In anticipation of the celebration of the 75th anniversary of the Great Victory, which was given to our people at the cost of enormous sacrifices and losses, it is the duty of a conscientious researcher to recall and study all the features of such a planetary phenomenon as the Great Patriotic War, and along with the mass heroism of the Soviet people on the fronts, their self-sacrifice on the fronts factories, in mines and on collective farm fields, to carefully and intently analyze the causes of miscalculations and errors. In this regard, it seems interesting to determine the results of the development of Soviet military aviation in the interwar period, to consider all the successes and failures on the difficult path, which, ultimately, led the USSR to victory over Nazi Germany.

Key words: Great Patriotic War, Air Force of the Red Army, aviation industry, interwar period, Great Victory.

Огромные потери ВВС Красной Армии в первые дни Великой Отечественной войны всегда привлекали внимание научной и околонуучной общественности. Поиски причин такого разгрома зачастую ведут не к взвешенным оценкам, а к спекулятивным или пропагандистским фантазиям «на тему». [1.С.370]

Многие авторы так и пишут: «тайны катастрофы 1941 г.» – как бы обещая предоставить читателям эксклюзивный, раз и навсегда обещающий ответить на все сложнейшие вопросы, материал.

Внезапное и вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. – по большому счету, это обстоятельство само по себе многое объясняет и оправдывает.

Казалось бы, многим, если не всем, должно быть достаточно одной этой причины, однако пытливые умы – как патриотические сторонники Сталинских соколов, так и рьяные поклонники Люфтваффе, продолжают ломать копыя. [2]

Тема, при условии действительно объективного и последовательного анализа периода становления советской авиации (1920-1941 гг.), представляется интересной и весьма актуальной – постперестроечный период нанес самолетостроению и ВВС РФ огромный, едва поправимый ущерб, сравнимый лишь с разрухой в экономике после Гражданской войны 1918-1920 гг. [3]

Аналогия с началом 1920-х гг. сегодня правомочна, как в плане попыток преодоления общего авиационно-технологического отставания от развитых стран Запада, так и по частной задаче оптимального выбора типов самолетов для серийной постройки (цена – качество, а также возможности отечественной промышленности). К примеру, также, как и краснофлотские специалисты, выбравшие в то тяжелое для молодой Советской России время главным направлением строительство не единичных дорогостоящих линкоров и тяжелых крейсеров, а большого числа сравнительно недорогих миноносцев и подводных лодок, так и в авиации – Красном Воздушном Флоте – (особенно с учетом острого дефицита авиадвигателей) было определено, что вместо одного четырехмоторного самолета на тот момент полезнее было построить два двухмоторных или четыре одномоторных самолета.

Нечто похожее мы наблюдаем в области отечественной авиации и космонавтики и сейчас.

Описываемый период отчетливо разделяется на три этапа согласно популярнейшим большевистским лозунгам тех времен:

«Трудовой народ – строй воздушный флот!»

«Летать дальше всех, выше всех, быстрее всех!»

«Крепи оборону страны!». [4]

Соответственно, согласно возможностям авиационной науки, техники и производственных возможностей, росли и видоизменялись ВВС нашей страны. Развитая и мощная боевая авиации была главной целью целой системы мероприятий.

Первый этап – 1920-1927 гг., а по некоторым вопросам его можно продлить и до 1934 г. Задачей первого этапа было освоение строительства самолетов и авиадвигателей отечественной промышленностью. Советских моторов и советских самолетов – это было принципиально изначально. Относительно «кольца вражеского окружения» Советской России ни у кого сомнений не было. Сегодня бы сказали – стопроцентное импортозамещение.

Поначалу Красный Воздушный Флот организационно представлял собой авиационные отряды, которые к концу периода стали объединять в авиаэскадрильи, которые в свою очередь реорганизовывались в авиационные бригады. Главной целью здесь было преодолеть убогость и раздробленность авиационных тыловых служб, и мизерные возможности войскового ремонта, технического снабжения. [5]

В итоге упорной и кропотливой интенсивной работы к концу двадцатых годов строевые части ВВС РККА комплектовались отечественной авиатехникой и вооружением: истребители И-4 и И-5, разведчики Р-1 и первые в мире цельнометаллические бомбардировщики-монопланы ТБ-1.

С решением основных задач первого этапа встал закономерный вопрос второго этапа, вопрос качества – уровень «просто какие-нибудь самолеты» был успешно достигнут.

Главной проблемой стали высокие тактико-технические характеристики самолетов и авиадвигателей, причем руководство страны требовало наряду с рекордными самолетами строить массовые серии боевых самолетов. Это происходило в 1928-1937 гг., когда громкие международные рекорды, способствующие пропаганде авиационных достижений СССР, вполне реально подтверждались боевыми делами Сталинских соколов в многочисленных военных конфликтах и локальных войнах (в Китае, Монголии, Испании) на самолетах конструкции Н.Н. Поликарпова – истребителях И-15 и И-16, легких разведчиках и

бомбардировщиках Р-5 и Р-Зет, а также скоростных бомбардировщиках А.Н. Туполева СБ. [6.С.283]

Это был период бурного развития – задачи качественного и количественного роста советской авиации потребовали строительства огромного количества заводов и фабрик, развития технологий, обеспечения их научной и экспериментальной базой. Благодаря этому на совершенно новый уровень вышли отечественная металлургия, органическая и неорганическая химия, электро- и радиопромышленность. [7.С.222]

Огромную роль в подготовке и формировании кадров отечественной боевой авиации сыграл ОСОАВИАХИМ, когда под лозунгом «Комсомолец – на самолет!» к различным видам авиационного спорта (самолетный, планерный, парашютный, авиамodelьный) были привлечены сотни тысяч комсомольцев и молодежи. Многие специалисты особенно выделяют обстоятельство массовости и народности – как тогда говорили, «повального» увлечения авиацией – эти десятки тысяч молодых пилотов и стали основой мощной боевой авиации СССР, которая к 1943 г. возродилась, как феникс из пепла 1941-1942 гг., и разгромила воздушные флоты Геринга. Именно массовости не хватило немцам для того, чтобы выбитым за первые два с половиной года войны опытным экспертам Люфтваффе пришла достойная (качественно и количественно) смена. Люфтваффе комплектовались по элитарным, кастовым принципам, совершенно негодным для ведения тотальной войны.

К концу второго периода (1930-1937 гг.) возросла необходимость, а главное – появилась возможность организационно формировать более мощные и эффективные строевые части по дивизионно-полковому принципу. [8] Была построена разумная и разветвленная система управления, включавшая в себя все основные и вспомогательные элементы четкого и однозначного вертикального подчинения вышестоящим штабам; создана широко разветвленная научная и учебная база по подготовке авиаспециалистов разного профиля и уровня, от школ младших авиаспециалистов до авиационных инженеров уровня замполтех полков.

Летный состав готовили уже не единицы, а около двух десятков военных училищ.

Обязательно выделим, что с началом массовой серийной постройки тяжелых бомбардировщиков ТБ-3, которые, на тот момент, были действительно самыми мощными и лучшими в мире в своем классе, отечественная авиационная мысль закономерно пришла к созданию авиационных армий особого назначения (АОН). Организационно такие армии впервые в мире объединяли основные – тяжелобомбардировочные полки, вспомогательные – полки фронтовой авиации и истребительные (сопровождения и прикрытия), и представляли собой новаторский и перспективный подход к решению тяжелобомбардировочной авиацией по-настоящему стратегических задач. [9]

Третий этап развития советской авиации, ВВС РККА и, соответственно, ее оргструктуры проходил в период 1938-1941 гг., когда руководству страны и командованию РККА стало окончательно ясно, что большой войны с гитлеровской Германией, настоятельно подталкиваемой на Восток агрессивными кругами США, Англии и Франции, не избежать. Счет шел уже не на годы, а на месяцы. В этот период невероятными усилиями и жертвами нашего народа был обеспечен мощный качественный и количественный скачок в развитии ВВС РККА.

Количество авиационных и авиадвигательных заводов было удвоено даже в сравнении с 1935 г. Количество самолетостроительных и моторных КБ – утроено. Выпуск боевых самолетов исчислялся десятками и сотнями в месяц, но, по сравнению с военно-промышленным потенциалом будущего противника, этого было все равно мало, равно как недостаточно хороши были в сравнении с немецкими наши истребители и бомбардировщики. Не хватало кадров любого профиля и уровня. Слишком мало было отпущено времени – даже чрезвычайные меры оказались недостаточными, хотя за три предвоенных года многое в отставании удалось наверстать. Численность личного состава ВВС РККА к июню 1941 г. по сравнению с 1938 г. выросла в два с половиной раза.

Количество авиационных полков также возросло за три года более чем в два раза. Истребители и бомбардировщики новых типов поступили на летные испытания. [10]

Представляется вполне естественным, что в результате небывалого ускорения экстенсивного развития (количественной «накачки») такого технически и организационно сложного вида войск, как ВВС, проявились большие проблемы, причем, как технические и организационные, так и кадровые.

В небольшой по формату журнальной статье невозможно подробно рассмотреть все детали, однако, даже простое, практически скороговоркой, перечисление всех неразрешенных проблем в боевой авиации Советского Союза к 22 июня 1941 г. помогут осмыслить масштаб той невиданной по темпам работы и нерешенных к началу Большой войны задач.

Прежде всего – материальная часть: самолетов нового типа было явно недостаточно, а те которые поступили в полки и дивизии, имели целый букет «детских болезней». [11]

Кадры – в связи с волюнтаристским увеличением количества строевых полков чуть ли не втрое, из-за серьезнейшей методической ошибки произошло «размывание опытных кадров»: вместо сосредоточения в нескольких полках асов войны в Китае, Испании и Финляндии, боевых летчиков равномерно распылили среди молодых пилотов «только что из училища». [12.С.82]

Летные и технические училища не успевали готовить специалистов.

Было практически дезорганизовано материальное обеспечение – перенос границы на Запад после освободительного похода Красной Армии породил естественную потребность перебазирования складов вооружения и хранилищ горюче-смазочных материалов – следом шли путаница и неразбериха. [13]

Штабы не справлялись с решением лавинообразно увеличивающихся задач, тем более, что все из-за того же расширения штатов, увеличения технических требований к авиатехнике нового поколения и т.д. сами штабы было решено реорганизовать, как и службу тыла ВВС. К сожалению, по недомыслию (другого определения и не подберешь, разве что – вредительство) всю эту крупномасштабную перестройку затеяли прямо накануне Великой Отечественной войны, в марте – апреле 1941 г. Представляется, что те, в октябре 1941 г. расстрелянные авиационные генералы (Смушкевич, Локтионов, Рычагов), были наказаны по этой причине – за дезорганизацию управления и снабжения боевой авиации. [14]

Далее, из-за резкого увеличения количества полков (а значит, и самолетов) была создана большая скученность авиатехники практически на каждом аэродроме на территории СССР, особенно, в приграничных округах. В условиях, когда в строевые части пришло большое количество малоопытных пилотов, подготовленных по ускоренным программам, это привело к повышенной аварийности в мирное время, а с началом войны – к тяжелым неоправданным потерям.

Прославленный ас воздушной войны в Испании и на Халхин-Голе подполковник Сергей Грицевец (около 30 сбитых японских и фашистских самолетов) погиб в мирное время в летном происшествии на аэродроме Балбасово: ему, стоявшему в кабине своего И-16 и наблюдавшему за полетами летчиков своего полка, сзади приземлился (буквально!) на голову вчерашний курсант...

В результате, организационно ВВС РККА накануне войны представляли собой далеко не оптимальную структуру, которая несла в себе все пороки ускоренного роста, неразберихи и зачастую непрофессионального, а порой и недобросовестного подхода к решению очень важных и срочных задач. Попытки навести порядок окриками сверху и еще совсем недавними и памятливыми чистками командных кадров к положительному результату не приводили. Тем более, документы довоенного периода дают нам, к сожалению, изобилие примеров безграмотности, головотяпства и разгильдяйства командиров ВВС уровня старших офицеров и выше. [15]

Стопроцентный переход от авиабригад к полкам и дивизиям так и не был осуществлен ни формально, ни по факту. Осуществлять планирование, снабжение и

обслуживание по такой сложной схеме без потерь было фактически невозможно. Разнокалиберные и часто противоречащие друг другу команды вышестоящих штабов очень часто просто не выполнялись. Реальный контроль выполнения мероприятий боевой подготовки часто подменялся бумажными планами и отписками. Количество ошибок в штабном планировании, в изучении боевого опыта уже два года длящейся Второй мировой войны и других вопросах было неприемлемо велико.

Это положение отягощалось фактически создавшимся двойным командованием силами ВВС РККА, т.к. кроме собственно ВВС, в структуре боевой авиации СССР существовали и армейские ВВС. Приданные в виде смешанных авиадивизий (САД) штабам общевойсковых армий, они по объективным причинам способствовали децентрализации управления, притом для решения серьезных боевых задач были практически не приспособлены, ведь САД организационно состояли из: одного бомбардировочного полка, одного истребительного, одного полка разведки и корректировки, и транспортного. Представлять это реальной силой можно было лишь на бумаге.

Бездумное, безграмотное планирование закладывало основу неразрешимых в условиях будущего цейтнота и отступления лета 1941 г. проблем. Например, на январь 1941 г. Главный штаб ВВС выдал документ, регламентировавший количество вылетов на год предстоящей войны. Для истребителей и бомбардировщиков было запланировано всего 300 боевых вылетов в год: по этому документу, получается, по пять полетов в неделю и два выходных. А ведь уже было прекрасно известно: во время захвата Польши немецкие истребители совершали до пяти вылетов, а пикирующие бомбардировщики Ю-87 – по семь боевых вылетов в день! В результате, в начале войны наша авиация оказалась буквально без топлива и боеприпасов – оперативные запасы их закончились на аэродромах в строевых частях уже на третий-четвертый день войны – именно отсюда взялись эти бесконечные фотографии брошенной на аэродромах при отступлении советской авиатехники. [16]

Опасные с точки зрения аварийности полеты в сложных метеоусловиях и ночью в предвоенных тренировках командиры частей заменяли сплошь на высотные – они оплачивались дороже и были гораздо безопаснее.

По той же схеме: раз было заведено в ВВС, что премии за дальнюю радиосвязь увеличивались пропорционально увеличению дистанции связи, это приводило к сдаче летчиками, штурманами и бортрадистами нормативов «на ключе» – в телеграфном (априори более дальнего действия), а не в телефонном режимах. Естественно, как и высотные полеты, эти тренировки не только негодились в будущих боях, но и порождали неумение пользоваться самолетными рациями. [17]

Высокие темпы роста производства на заводах приводили к неизбежному браку. Несмотря на огромные усилия, эта проблема не решалась быстро – ведь истинная культура производства появляется только в результате долговременных систематических мероприятий, а не просто увеличением на заводах количества контролеров и представителей заказчика. [18]

Непростая ситуация в самолетостроении усугублялась недобросовестной конкуренцией: поверив 10 апреля 1938 г. обещаниям А.Н. Туполева, члены Главного Военного Совета Народного Комиссариата Обороны постановили производство тяжелого бомбардировщика ТБ-7 (еще очень и очень «сырого») ускорить, а современный и хорошо освоенный тяжелый бомбардировщик конструкции В.Ф. Болховитина ДБ-А снять с производства и исключить из программы серийного завода. Туполев обещание не сдержал, и в итоге ВВС РККА всю войну провоевали без тяжелого бомбардировщика. [19]

Страшный бич советской военной авиации накануне войны – высокая аварийность. Наряду с техническими и дисциплинарными мероприятиями, с авариями и катастрофами боролись, например, политическими: с целью улучшения качества войскового ремонта в авиамастерских в штатное расписание были введены... политруки и комиссары, для повышения большевистской бдительности. [20]

В 1937 г. по сравнению с 1936 г. аварий увеличилось на 80%, катастроф – на 70%; а в 1938 г. ситуация лишь ухудшилась из-за расхлябанности, разгильдяйства на всех уровнях. Одним из методических приемов борьбы с ними стало... требование об исключении конспектов при изучении Наставления по производству полетов. [21]

К глубокому сожалению, непродуманность и непрофессионализм среди военачальников ВВС РККА встречались нередко. В чрезмерном служебном рвении святая святых – боевую готовность – накануне рокового дня 22 июня 1941 г. уничтожали творчески, с выдумкой. Например, на несколько аэродромов приграничных округов приезжали комиссии, возглавляемые высшими командирами ВВС, и в их присутствии с самолетов демонтировали пулеметы и пушки – не разряжали их, а именно снимали «стволы». За два дня до германского вторжения. Так в понимании советских чиновных «головотяпов» должен был обеспечиваться запрет Москвы открывать ответный огонь на немецкие провокации. Погоня высокопоставленных глупцов за количественными показателями загубила и аэродромное обслуживание – в односторонней заботе об обеспечении производства планового количества боевых самолетов (цифры контролировались Кремлем!) ни один высокий военачальник не проявил должного интереса и пристального внимания к объемам выпуска автомобилей, например, аэродромного обслуживания – дефицит автозаправщиков, автостартеров, автоводо-маслогреек не удалось изжить, практически, до самого конца войны.

Однако задача данной небольшой статьи состоит, по мнению автора, вовсе не в том, чтобы безоглядно очерняя всех и вся «посыпать голову пеплом» – она преследует несколько иную и более важную и актуальную цель: жесткий анализ катастрофической ситуации июня 1941 г., которая зеркально повторила разгильдяйство, неисполнительность и непрофессионализм начала «зимней», советско-финской войны, начавшейся в 1939 г. Не нужно быть «великим» военным историком, чтобы припомнить по случаю и начало русско-японской войны в 1904 г. – аналогии слишком прозрачны.

Не нам, сегодняшним, судить свысока предвоенных советских авиаторов – они делали в тех условиях все, что могли. Большинство из них самоотверженно работали, укрепляя обороноспособность СССР. Надо подчеркнуть, что это прекрасно понимали в Кремле, практически прибегая к административным и дисциплинарным наказаниям рядовых исполнителей, руководителей и командиров среднего звена лишь в исключительных случаях.

Современные проблемы строительства аэрокосмической отрасли РФ, а значит, и Воздушно-Космических сил, безусловно, несут в себе следы разрушительных 1990-х гг. – непоследовательность, спешка и далеко не всегда продуманные и добросовестные подходы: многомиллиардное воровство при долгом строительстве космодрома «Восточный»; неисчислимые примеры безответственного «распила» бюджетов перспективных проектов; практическое отсутствие видимых успехов в попытках догнать остальной мир в области «беспилотников»; ничем не оправданные потери самолетов и вертолетов и, что самое печальное, членов их экипажей в составе авиационной группировки в Сирии.

Следовательно, необходимо использовать все силы и средства для преодоления этих негативных явлений. Кампанейщиной здесь не поможешь.

В будущем году вся наша страна будет праздновать 75-летие Великой Победы Советского народа над гитлеровской Германией. При этом никогда не нужно забывать – Великой Победы не только над врагом внешним, но и, может быть, это самое главное, над собственным разгильдяйством, недобросовестностью и безграмотностью.

Библиографический список

1. **Исаев А.** Антисуворов. Десять мифов Второй Мировой. М.: Эксмо, 2005. – С. 370.
2. **Исаев А.** Антисуворов. Большая ложь маленького человечка. М.: Яуза, Эксмо, 2004. – 352 с.
3. ЦАМО РФ. Ф. 29. Оп. 46. Д. 340. Л.41.
4. ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 22. Д. 1749. Л. 202.

5. РГВА. Ф. 35031. Оп. 1. Д. 2. ЛЛ. 9-22.
6. КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза: Документы 1917 – 1981. М.: 1981. – С. 283.
7. **Шумихин В.С.** Советская военная авиация 1917-1941. М.: Наука, 1986. – С. 222.
8. РГВА. Ф. 37846. Оп. 3. Д. 22. ЛЛ. 1-11.
9. РГВА. Ф. 40332. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 43-49.
10. РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2257. ЛЛ. 1-69.
11. РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2886. ЛЛ. 1-8.
12. **Гагин В.В.** Иллюстрированные очерки истории Дальней авиации СССР. Т. 2. Воронеж, ИЛДВА. – С. 82.
13. РГВА. Ф. 39977. Оп. 1. Д. 638. ЛЛ. 116-139.
14. Командный и начальствующий состав Красной Армии в 1940-1941 гг.: Структура и кадры центрального аппарата НКО СССР, военных округов и общевойсковых армий. Документы и материалы. – М.; СПб.: Летний сад, 2005. – 272 с.
15. РГВА. Ф. 37977. Оп. 4с. Д. 398. Л. 209.
16. РГВА. Ф. 37977. Оп. 4с. Д. 324. Л. 10.
17. РГВА. Ф. 34520. Оп. 1. 160 резервный авиаполк. Д. 2. ЛЛ. 382-410.
18. РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 46. ЛЛ. 29-38.
19. РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 28. ЛЛ. 31-35.
20. РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 46. ЛЛ. 21-28.
21. РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 46. ЛЛ. 28-32.

УДК 55.4(468)6324

ВУНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник В.В. Гагин

Младший научный сотрудник Е.А. Медведенко

Россия, г. Воронеж, тел. 89092161403, 89019938057; e-mail: vrvio@yandex.ru

«Air Force Academy prof. N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin» (Voronezh)

PhD in Historical Sciences, Senior Researcher V.V. Gagin

Junior Researcher E.A. Medvedenko

Russia, Voronezh, tel. 8.909.216.14.03, 8.901.993.80.57; e-mail: vrvio@yandex.ru

В.В. Гагин, Е.А. Медведенко

ВОЙНА НА ТИХОМ ОКЕАНЕ И ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ КАК ОБЪЕКТ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ЗАПАДНЫХ ИСТОРИКОВ

И в разгар «холодной» войны, и в годы перестройки, и сегодня историки Запада с завидным постоянством «перетягивают одеяло на себя», присваивая армиям и флотам США Великобритании «единоличную» победу над императорской Японией, не усматривая огромных заслуг Красной Армии и СССР. Ситуация отягощается антироссийскими санкциями, поэтому и наша общая главная задача вести не разрозненные кампании, а систематическую работу на всех уровнях по пропаганде подлинной отечественной истории.

Ключевые слова: Тихий океан, Дальний Восток, Вторая мировая война, Квантунская армия, 75-летие Великой Победы.

V.V. Gagin, E.A. Medvedenko

WAR IN THE PACIFIC OCEAN AND THE FAR EAST AS AN OBJECT OF FALSE OF WESTERN HISTORIANS

Both in the midst of the Cold War, and during the years of perestroika, and today, Western historians with an enviable constancy «pull the blanket over themselves», assigning the armies and fleets of the United Kingdom of Great Britain a «sole» victory over imperial Japan, not seeing the enormous merits of the Red Army and the USSR. The situation is aggravated by anti-Russian sanctions, and our task is not to conduct fragmented campaigns, but systematic work at all levels to promote genuine Russian history.

Key words: Pacific Ocean, Far East, World War II, Kwantung Army, 75th anniversary of the Great Victory.

В преддверии 75-летия Великой Победы об актуальности борьбы с фальсификацией истории не стоит забывать всем правительствам и народам, уважающим свою историю. Тем не менее, эту избитую истину у нас порой предпочитают не вспоминать.

В послевоенный период в США, Англии, Германии, Японии, Франции и других западных странах появилось большое количество исследований и мемуарной литературы, посвященных войне на Тихом океане. Война на Тихом океане рассматривается также в ряде общих работ по истории Второй мировой войны. Некоторые из этих книг переведены на русский язык и изданы у нас. [1] Обзору переводной военно-исторической литературы того периода была посвящена статья полковника И. Кравченко. [2]

Для отечественных историков эти работы представляют значительный интерес. В них содержатся фактические данные и документы по вопросам планирования и подготовки войны, кампаний, операций и боев, описываются военные действия вооруженных сил США, Англии и Японии на Тихом океане. Они знакомят читателей с теми выводами и уроками, которые извлекли из войны на Тихом океане ее участники.

Западные военные историки и военные деятели не ограничиваются исследованием чисто военных вопросов (стратегии и тактики). Они в той или иной степени затрагивают также проблемы политики и с пропагандистскими целями извращают историю войны против милитаристской Японии. Причем, фальсифицируются, главным образом, коренные вопросы истории войны на Тихом океане – причины и характер; влияние Великой Отечественной войны Советского Союза на ход вооруженной борьбы на Тихом океане: причины и цели вступления СССР в войну против империалистической Японии; роль Советского Союза в разгроме империалистической Японии; вклад народов колониальных и полуколониальных стран Восточной и Юго-Восточной Азии в борьбу против японского империализма. Рассмотрим кратко, как эти вопросы излагаются западными фальсификаторами истории.

Каковы цели фальсификации истории Второй мировой войны? Во-первых, идеологи Запада пытаются дискредитировать победу Советского Союза во Второй мировой войне, преуменьшить роль СССР в разгроме гитлеризма, принизить политическое, экономическое и военное могущество Советского государства, извратить советскую, а теперь и российскую внешнюю политику и таким образом оправдать нынешний отказ правящих кругов Запада от сотрудничества с СССР и РФ. Во-вторых, западные фальсификаторы стремятся выгородить истинных виновников войны – не только промышленных магнатов Германии, Японии, Италии, но и США, Великобритании, Франции. Такие историки обходят полным молчанием преступную роль монополий этих стран, которые в наши дни опять получили возможность готовить новую агрессию. Вместе с этим фальсификаторы стремятся реабилитировать империалистов США, Англии и Франции, вскормивших германо-японо-итальянских агрессоров, и потому наряду с ними виновны в развязывании войны. В-третьих, фальсификаторы стремятся скрыть истинные причины военного краха гитлеризма, доказать «случайность» поражения гитлеровской Германии и реабилитировать германских милитаристов. [3.С.5] Есть еще один аспект изучения и изложения истории не только Второй мировой войны, но и всей истории XX века. Этот аспект авторы данной статьи хотели бы назвать «синдром России»: действительно ли общий результирующий вектор западной цивилизации категорически и всегда направлен против России (или Советской России) или это паранойя, присущая всем русским, как утверждают современные российские либералы?

В действительности, военная помощь союзников – сателлитов Германии в большой степени увеличивала силы германской военной машины и играла серьезную роль в соотношении сил на фронтах. В начале ноября 1942 г. свыше 27% всех войск фашистского блока, брошенных на советско-германский фронт, составляли войска сателлитов. Империалистическая Япония и фашистская Италия оттягивали на себя значительную часть Советской Армии и сил антигитлеровской коалиции. Гитлеровские вассалы оказывали Германии значительную экономическую помощь.

Используя тот факт, что война на Тихом океане началась 7 декабря 1941 г. внезапным нападением японского флота и авиации на главную военно-морскую базу США на Тихом океане – Перл-Харбор, а также вторжением японских войск в Бирму, Малайзию и Филиппины, американские и английские историки утверждали, что США и Англия явились невинными жертвами агрессии, а потому вели справедливую войну. Так, Дж. Ф.С. Фуллер писал, что «западные союзные державы ведут войну на Дальнем Востоке, так же как и в Европе, во имя справедливости, гуманности и христианства». [4.С.520] С таким заявлением нельзя согласиться, так как оно не имеет ничего общего с исторической правдой. Тем более что навязывать христианство Востоку дело не только неблагодарное, но и недостойное.

7 декабря 1941 г. по приказу адмирала Яомото группа авианосцев японского императорского флота произвела внезапную массированную бомбовую и торпедную атаку главной базы ВМС США и нанесла корабельному составу американского Тихоокеанского флота существенный урон [5;6].

И по факту, и по сути нет никакого сомнения в том, что инициатором этой войны на Тихом океане был японский империализм, что вовсе не означает, что США не причастны к ее подготовке и развязыванию. Еще В.И. Ленин в своих работах писал, что столкновение

интересов нарастает и это делает войну между Японией и США неизбежной. [7.С.435]

До нападения Японии на Китай (1937 г.) эти противоречия не приводили к военному конфликту, так как Белый Дом придерживался политики сговора с японским империализмом, толкал его на путь войны с СССР, надеясь отвлечь внимание Японии от Китая, ослабить ее в этой войне и тем самым расчистить себе путь к монопольному господству в бассейне Тихого океана. Об этой политике по «умиротворению» японского империализма американский социолог Дж. Марион писал, что США стремились «использовать Японию для того, чтобы обескровить СССР». [8.С.131] Когда Япония напала на Китай и начала оккупацию, отношения между США и Японией стали ухудшаться и обе страны перешли к подготовке открытой вооруженной борьбы. К тому же захват Японией Китая усилил бы опасность полной потери Соединенными Штатами доступа к полезным ископаемым и рынкам сбыта на Тихом океане. [9.С.190-191]

Японо-американские противоречия особенно усилились после того, как Япония, воспользовавшись поражением Франции, в 1941 г. навязала правительству Виши договор о совместной «обороне» Индокитая и ввела туда свои войска. Правительство США потребовало от Японии вывести войска из Индокитая. Переговоры по этому вопросу не увенчались успехом, так как каждая из сторон не отказалась от своих целей. 5 ноября на имперской конференции Японии было принято решение начать войну против США, Англии и Голландии, открыв военные действия в начале декабря 1941 г. [9.С.246-247]

Вступив в войну против Японии в союзе со старыми колониальными державами Англией и Голландией, США поставили перед собой цель разгромить империалистическую Японию, как главного конкурента, изгнать ее из Китая, Бирмы, Индокитая и Индонезии, а затем вытеснить Англию и Голландию из колоний и установить свое господство в бассейне Тихого океана, а также в странах Восточной и Юго-Восточной Азии. Таким образом, в подготовке и развязывании войны на Тихом океане виновен не только японский, но и американский империализм.

Некоторые авторы, например, В. Крюгер, Ф.С. Шерман, М. Мэтлофф и Э. Снелл обходят молчанием вопросы о возникновении войны на Тихом океане и ее характере, пытаясь внушить читателям, что США, Англия и Голландия защищали интересы своих народов и народов Азии. Такой прием фальсификации военно-политического содержания войны особенно любят использовать американские военные историки.

Японские историки пытаются оправдать агрессивную политику японского империализма тем, что Япония имеет небольшую территорию, бедна полезными ископаемыми и перенаселена. Именно поэтому японцы, чтобы обеспечить свое существование как нации, должны были встать на путь захвата новых территорий и источников сырья. [10.С.9-10] Наряду с этим проводится мысль, что война Японии с США возникла случайно, в результате ошибок, допущенных японскими и особенно американскими лидерами, что можно было «договориться» и избежать ее. Наконец, некоторые из этих историков считают, что причиной войны были не империалистические противоречия, а приход к власти японской военщины, ввергшей страну в войну. [11.С.471-472] Этим самым они стремятся реабилитировать японский империализм, снять с него ответственность за развязывание войны.

Однако существует множество аргументов не в пользу «миролюбивой, но вынужденной воевать» Японии.

Русско-японская война только подчеркивает агрессивность Японии. В русских правительственных кругах была сильна надежда на то, что страх перед силой России удержит Японию от прямого нападения. Однако благодаря неисчислимым шпионам на всех уровнях и областях Российской жизни, японцев было не обмануть – бездарное командование русских на суше и на море только усиливали и укрепляли в высших военных кругах и у Микадо веру в победу над «ленивым медведем». Кроме веры у японцев была мощнейшая поддержка высших финансовых кругов Запада. Внезапное, без официального объявления войны, нападение японского флота на русскую эскадру на внешнем рейде Порт-Артура в

ночь на 27 января (9 февраля) 1904 г. привело к выводу из строя нескольких сильнейших кораблей русской эскадры и обеспечило беспрепятственную высадку японских войск в Корею в феврале 1904 г. [12]

Конечно, территория Японии вполне обеспечивала расселение и занятость народа, и причины войны коренятся вовсе не в ее малых размерах, а в агрессивности военщины, в японском социально-экономическом и политическом строе того времени. Поэтому, многие специалисты пишут: «Новая история Японии – это история непрерывных войн. Войны и агрессия являлись той основой, на базе которой существовала и развивалась монархо-капиталистическая Япония». [10.С.9]

Геополитическая теория перенаселенности, получившая особенно широкое распространение после Первой мировой войны, была выдвинута японскими идеологами в конце XIX века с целью оправдания агрессивности японского империализма. [10.С.10] Причина агрессивности Японии кроется не в «перенаселенности», а в том, что в стране в эпоху Мэйдзи господствовала причудливая и взрывная смесь монархии, полуфеодальной системы помещичьего землевладения и монополистический капитализм. Именно эти противоречия бросали Японию из одной войны в другую.

Октябрьская революция в России стала новой вехой в русско-японских отношениях. С конца 1917 г. между США, Англией, Францией и Японией велись активные переговоры об организации интервенции. Иностранные войска начали прибывать во Владивосток в августе 1918 г. Япония отправила 70 тысяч человек – гораздо больше, чем любая другая держава, что вызвало у прочих стран подозрения касательно истинных намерений японцев. Правящие круги Японии всегда были заинтересованы в ослаблении «Северного соседа» – России. Ни для кого не является секретом, что спецслужбы Японии давали меньшевикам деньги на революцию. Поэтому в действительности, японцы приехали во Владивосток в 1919 г. на крейсерах ради этого долга, за частью золотого запаса России. [13.С.9-11;14] С местным населением не церемонились. В Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока сохранились, например, «Акты о замученных и расстрелянных крестьянах в Ольгинском уезде в 1918-1920 гг.» [15;16] Интервенция возникла в результате ослабления России, но как только Красная Армия заявила о себе всерьез, «естественно» сошла на нет.

Претенциозная и агрессивная программа завоевания мирового господства Самурайским мечом была намечена еще в «Меморандуме Танака», автор которого призывал вступающего на престол нового императора проводить политику «крови и железа» [17.С. 163-164]. Японский империализм приступил к борьбе за осуществление программы Великой Восточной Азии захватом Маньчжурии на севере. Далее в планах агрессоров была оккупация от Австралии до Бирмы, от Владивостока до Урала. [18.С.20]

В течение 1938-1939 гг. в штабе японской Квантунской армии был разработан милитаристский план действий № 8 (План «Хати-го»), в котором предусматривались наступательные операции против Советского Союза в районе рек Уссури и Амур, а также в Забайкалье. До утверждения этого плана в Квантунской армии не собирались вести боевые действия на приграничных западных границах Маньчжурии. По мнению командования Квантунской армии, обострение обстановки началось после заключения в ноябре 1934 г. договора о военной помощи между Москвой и Улан-Батором. Монгольская Народная Республика, получив новую боевую технику и вооружение, под руководством советских специалистов стала укреплять границы с Маньчжоу-Го, при этом начались мелкие инциденты с войсками марионеточного императора Пу И. Эти стычки перерастали в серьезные бои между частями Квантунской армии и Монгольской Народной Армии. Японское командование небезосновательно подозревало, что СССР пытается использовать территорию МНР в качестве плацдарма для продвижения коммунистических идей в регионах Внутренней Монголии, в Китае и Маньчжоу-Го. Историки до сих пор не могут однозначно определить, зачем японское правительство развязало вооруженный конфликт летом 1938 г. на границе с Советским Союзом. Судя по всему, это было авантюрной инициативой нескольких командиров дивизионного уровня. Вдобавок в июне 1937 г. к

власти в Токио пришло правительство тесно связанного с императорским двором принца Ф. Коноэ, имевшего существенные личные финансовые интересы в концерне «Сумитомо». Этот концерн вместе с концерном «Мицуи» считался «старым аристократическим кланом» и осуществлял поставки для японского императорского флота. Со старыми кланами в экономике Японии конкурировали «новые концерны» – «Мицубиси», «Ясуда», «Марубэни», «Ниссё Ивай», которые ориентировались на регион Северо-Восточного Китая и, в том числе, поэтому были близки к высшему командованию миллионной Квантунской армии. Остроту положению добавляла традиционная для японских военных полуофициальная конкуренция «флотских» и «сухопутных» буквально во всех формах и проявлениях жизни японского общества, приобретающая зачастую черты гипертрофированного антагонизма. [19]

Таким образом, война на Тихом океане со стороны Японии, США, Англии, Голландии была империалистической, захватнической и велась во имя установления господства в его бассейне.

Фальсификаторы истории пытаются умалить роль Советского Союза и его Вооруженных Сил в разгроме империалистической Японии. С этой целью они рассматривают войну на Тихом океане в отрыве от войны в Европе. Этот прием фальсификации особенно характерен для американской историографии. Например, во всех переводных работах американских авторов, кроме книги М. Мэтлоффа и Э. Снелла «Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941-1942 гг.», о военных действиях в Европе и их влиянии на развертывание событий на Тихом океане вообще ничего не говорится.

Разумеется, само по себе изучение военных событий на отдельных театрах (так же, как и отдельных периодов войны, кампаний, операций, этапов операции и т.п.) вполне оправдано в том случае, когда необходимо более глубоко и обстоятельно выяснить сущность всех этих явлений. Однако военные действия должны исследоваться не в отрыве от всей войны (операции), а как ее составная часть. Установление характера и степени влияния событий на главном театре военных действий на характер вооруженной борьбы на второстепенных театрах и наоборот является одним из важнейших условий научного анализа. Но западные историки пренебрегают им по вполне понятным соображениям.

Правда, некоторые авторы, например, Ф.С. Шерман, признают, что между войной в Европе и на Тихом океане имеется взаимная связь. Нельзя допустить, что Япония вступила бы в войну с объединенными силами США, Британской империи и Голландии, если бы ее руководство не считало, что Германия свяжет вооруженные силы союзников на различных других театрах, кроме восточного. Все японские расчеты базируются на существенной предпосылке, что Германия выиграет войну или, по крайней мере, обеспечит сохранение существующего положения. К нему присоединяется Э.М. Захариас, который считает, что Япония напала на Перл-Харбор глядя на успехи Гитлера в Европе. Когда же западные историки рассматривают военные действия на Тихом океане, то вовсе не упоминают о влиянии на них войны в Европе, а между тем в соответствии с Тройственным пактом, заключенным в сентябре 1940 г., фашистская Германия и империалистическая Япония во Второй мировой войне выступали в едином блоке. Очевидно, что правящие круги Японии надеялись, что победа фашистской Германии в Европе облегчит достижение ими целей в войне на Тихом океане. Не упоминать при этом СССР – более чем странно.

Западные СМИ уже давно забыли, что главным и решающим событием Второй мировой войны была Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков. На советско-германском фронте находились главные силы фашистской Германии и ее союзников, от результатов борьбы Советской Армии против них зависел исход войны не только в Европе, но и Второй мировой войны в целом, в том числе и на Тихом океане. Важнейшие победы Советских Вооруженных Сил над немецко-фашистскими оккупантами определяли развитие событий, как в Европе, так и на Тихом океане. Победа Советской Армии под Сталинградом стала серьезным предупреждением Японии. Япония давно ожидала случая напасть на Советский Союз, но вера японской

военщины в силу германской армии сильно пошатнулась. [20.С.16] Влияние победы, одержанной Советскими Вооруженными Силами под Сталинградом, на ход войны на Тихом океане вынужденно признавал и главнокомандующий войсками в юго-западной части Тихого океана генерал Макартур, который в январе 1943 г. заявил, «что союзные державы были спасены в результате победы Советской Армии». [20.С.48] Остается сожалеть, что у наших бывших союзников такая короткая память.

Генерал Карл Спаатс, командовавший во Вторую мировую войну стратегическими воздушными силами США в Европе и затем на Тихом океане, и являвшийся крупным авторитетом по вопросам авиационной стратегии, в своей статье «Strategic air power. Fulfillment of a Concept» придавал огромную роль и значение стратегической авиации в современной войне. [21] Военный переводчик и аналитик подполковник В. Чаликов на страницах журнала «Военная мысль» еще в 1946 г. отмечал, что гиперболическое преувеличение роли и значения стратегической авиации красной нитью проходит сквозь всю статью генерала Спаатса. [22] Тень автора доктрины Дуэ продолжает возбуждать воображение американских адмиралов и генералов и сейчас.

Тем не менее, общеизвестно, что именно РККА явилась тем «инструментом», который привел Германию к полному краху. Дополнительным веским аргументом может послужить признание У. Черчилля: «...именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины». Таким образом, генерала Спаатса еще в 1946 г. можно было вполне обоснованно обвинить в фальсификации истории Второй мировой войны.

Хотя вера японского правительства в победу Германии поколебалась еще в 1942 г., но и весной 1943 г. оно все равно «ждало летнего наступления немецких войск на советско-германском фронте и мечтало разрешить вопрос о северном направлении» [9.С.284], т.е. напасть на Советский Союз и захватить Дальний Восток. Только разгром Советской Армией гитлеровских войск под Курском летом 1943 г. окончательно убедил японское правительство в том, что Германия будет разбита. Чтобы усилить сопротивление англо-американским войскам и затянуть войну, японское командование приняло решение сократить стратегическую зону, которую оно намеревалось удерживать. [20.С.56-57] Успехи Советской Армии на Дальнем Востоке в августе-сентябре 1945 г. были столь велики, что в правящих кругах разразился кризис, и кабинет Тодзио пал.

Здесь представляется весьма важным и интересным сообщение д.и.н. Мерцалова А.Н. об агрессивных намерениях Англии и США относительно территории СССР в 1942 г. Как известно, летом и осенью 1942 г. англо-американские реакционные круги вынашивали тайные замыслы о вторжении в Восточную Сибирь и на Дальний Восток, о вводе англо-американских войск в Советское Закавказье. Еще и поэтому победа советских войск под Сталинградом одновременно означала крах коварных захватнических планов империалистов США и Англии. [3.С.18]

С выходом в январе 1945 г. Советской Армии на Одер и в юго-восточную Европу правящим кругам Японии стало ясно, что Германия стоит накануне полного разгрома и что вслед за ней настанет очередь Японии. В феврале 1945 г. ряд видных политических деятелей обратился к императору с советом прекратить войну «в целях защиты устоев национального государственного строя». Они мотивировали это тем, что если «допустить, что поражение неизбежно», то дальнейшее продолжение войны «сыграет только на руку коммунистам». [20.С.180] В то же время видный политический деятель Коноэ представил императору доклад, в котором он, исходя из неизбежности военного поражения, настаивал на скорейшем заключении компромиссного мира с Англией и США. Он писал: «Хотя поражение, безусловно, нанесет ущерб нашему национальному государственному строю, однако общественное мнение Англии и Америки еще не дошло до требований изменения нашего государственного строя... С точки зрения сохранения национального государственного строя наибольшую тревогу должно вызывать не столько само поражение в войне, сколько коммунистическая революция, которая может возникнуть вслед за поражением». [20.С.183] В этих условиях среди правящих классов зародились планы создания «правительства мира»,

чтобы, прекратив войну, не допустить военного поражения японского милитаризма и предотвратить революцию. В апреле 1945 г. было сформировано правительство Судзуки, которое начало искать пути прекращения войны. Чтобы заключить мир на выгодных условиях, японское правительство, прежде всего, решило предотвратить вступление в войну Советского Союза на Дальнем Востоке и попыталось начать переговоры с Советским правительством. Однако Советское правительство, будучи верным союзническим обязательствам, решительно пресекло эти маневры японских империалистов и 5 апреля заявило японскому правительству о своем нежелании продлить пакт о нейтралитете. Попытки японского правительства добиться посредничества СССР для заключения выгодного мира с США и Англией также не увенчались успехом. Приведенные факты свидетельствуют о том, что на ход войны в бассейне Тихого океана решающее влияние оказывала Великая Отечественная война советского народа. Советская Армия вела борьбу против главных сил фашистского блока, что позволило США и Англии выделить достаточные силы для борьбы с Японией.

В наши политкорректные времена многие не любят вспоминать, что войну против империалистической Японии вели не только США, но и Советский Союз, Англия, Голландия, Австралия, Новая Зеландия, Канада и народы Восточной и Юго-Восточной Азии. Следовательно, победа была одержана не одними США, а совместными усилиями многих стран и народов. Вопреки этой очевидной истине военные историки, и прежде всего американские, для того, чтобы возвеличить роль США и тем самым обосновать их право на господство в бассейне Тихого океана, в своих трудах пытаются доказать, что война на Тихом океане была не коалиционной, а японо-американской, и победа над врагом была одержана вооруженными силами США. С этой целью они описывают, в основном, те сражения и операции, которые вели американские войска. Если же в операции вместе с войсками США участвовали войска и других стран, то рассматриваются боевые действия только войск США.

Особенно упорно замалчивается роль Советского Союза и его Вооруженных Сил в разгроме империалистической Японии. Чтобы убедить читателя, что до 1945 г. Советский Союз, якобы, не оказывал непосредственного влияния на ход войны против империалистической Японии, американские историки в своих работах совершенно не говорят о том, что в течение всей войны на Тихом океане японское командование непрерывно держало в Маньчжурии, на границах с Советским Союзом, отборную Квантунскую армию, в составе которой насчитывалось свыше одного миллиона человек. Поэтому и СССР приходилось держать на Дальнем Востоке большие силы.

Хотелось бы напомнить, что даже в самих США было крайне мало по-настоящему осведомленных людей, которые бы придавали большое значение атомным бомбардировкам Хиросимы и Нагасаки. Более того, они не обманывались и по поводу всемогущества стратегической авиации. Напротив, заслуги Красной Армии официально признавать не торопились, и только сейчас постепенно растет и укрепляется мнение о решающей роли разгрома Квантунской армии войсками К.А. Мерецкова, как главного фактора в пользу принятия решения о капитуляции японским императором. [23]

Библиографический список

1. **Ш е р м а н Ф.С.** Американские авианосцы в войне на Тихом океане. М., Воениздат, 1956 и др.
2. **Кравченко И.** «О фальсификации истории войны на Тихом океане», Военно-исторический журнал, Москва. 1959, № 7 (июль). С. 106-111.
3. **Мерцалов А.Н.** Фальсификаторы истории Второй мировой войны на службе империалистов. Воронеж: ВГУ. 1959. – 42 с.
4. **Фуллер Дж. Ф.С.** Вторая мировая война 1939-1945 гг. М.: Издательство иностранной литературы, 1956. – С.520.
5. **Яковлев Н.Н.** Перл-Харбор, 7 декабря 1941 г. Быль и небыль. М.: Политиздат, 1988. – 286

с.

6. **Блон Ж.** Война в океанах / Пер. с франц. Алчеева И. – М.: Вече, 2000 – 576 с., илл. (16 с.).
7. **Ленин В.И.** Полное собрание сочинений. М.: Госполитиздат, 1958-1965. Т. 31. С. 435.
8. **Марион Джордж.** Базы и империя. Карта американской экспансии. М.: Издательство иностранной литературы, 1948. – С. 131.
9. История войны на Тихом океане, т. III. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – 588 с.
10. История войны на Тихом океане, т. I. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. – 640 с.
11. История войны на Тихом океане, т. V. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – 682 с.
12. **Айрапетов О.Р.** На пути к краху. Русско-японская война 1904-1905 гг. // Военно-политическая история. – М.: ООО «Торговый дом алгоритм». 2014. – 496 с.
13. **Richard C.J.** Americka invaze do Ruska. Praga – Pragma, 2013. P. 9-11.
14. Интервенция янки на Дальнем Востоке. Сайт «Историческая правда» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.istpravda.ru> (дата обращения: 01.10.2019 г.)
15. **Галин В.В.** Интервенция и гражданская война. – М.: Алгоритм, 2004. - 605с.
16. Гражданская война на Дальнем Востоке (1918-1922). - М.: Наука, 1973.-351с.
17. Цитируется по книге Эйдуса Х.Т. Очерки новой и новейшей истории Японии. М.: Госполитиздат, 1955. С. 163-164.
18. **Puleston W.D.** Armed Forces of the Pacific, Fifth Printing. Newhaven, 1943, p. 20.
19. **Спильман К.** Размышления о фашизме в новейшей истории Японии (1918-1941). Берегиня. 777. Сова, 2016, №4(31). С. 276-287.
20. История войны на Тихом океане, т. IV. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – 596 с.
21. Strategic air power. Fulfillment of a Concept. By general Carl Spaatz. Foreign Affairs, April 1946, vol. 24, №3, p. 385-396.
22. **Чаликов В.** О роли стратегической авиации. Военная мысль. №9. 1946. – 92 с.
23. **Гагин В.В.** О роли Квантунской Армии в определении внешней политики и военной деятельности Японии во второй мировой войне. К 80-летию Вооруженного конфликта на Р. Халхин-Гол. Евразийский Союз ученых. №4 (61) / 2019. 6 часть. Исторические науки. С. 4-8.

УДК [94(47).084.8]

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)
Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории войн и военного искусства
В.И. Дуров
тел. +7(920)-423-47-64
e-mail: wiktordurov@mail.ru
курсант М.М. Филоненко

Military Educational and Scientific Center of the Air Force «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy» (Voronezh)
PhD in history, Associate Professor of the History of Wars and Military Art Department
V.I. Durov
tel. +7(920)-423-47-64
e-mail: wiktordurov@mail.ru
cadet M.M. Filonenko

В.И. Дуров, М.М. Филоненко

ВОЕННЫЙ ПАРАД 7 НОЯБРЯ 1941 Г. В КУЙБЫШЕВЕ И ЕГО СОВРЕМЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ

В статье показаны особенности проведения 7 ноября 1941 г. военного парада в Куйбышеве. Авторы особое внимание обращают на его военно-политическое значение в годы войны и роль в военно-патриотическом воспитании в современной России.

Ключевые слова: военный парад, Великая Отечественная война, Куйбышев, историческая память, историческая реконструкция.

V.I. Durov, M.M. Filonenko

MILITARY PARADE ON NOVEMBER 7, 1941 IN KUIBYSHEV AND IT'S MODERN PERCEPTION

The article shows the features of the November 7, 1941 military parade in Kuibyshev. The authors pay special attention to its military-political significance during the war years and its role in military-patriotic education in modern Russia.

Key words: military parade, Great Patriotic War, Kuibyshev, historical memory, historical reenactment

Приближающийся юбилей Победы, как обычно свойственно для юбилеев, повышает количество информационных сообщений о Великой Отечественной войне и мероприятий, связанных с празднованием 75-летия разгрома нацистской Германии. Часто так бывает, что после торжеств о событиях, которым они были посвящены и их роли в истории становления страны и даже международном значении, мы о них забываем до нового юбилея. В этой связи особое уважение вызывает систематическая работа, направленная на поддержание исторической памяти о том трудном и героическом прошлом, которое позволило иметь настоящее будущее, при этом заплатив за него огромную цену. Историческая память нации опирается на ключевые моменты, которые следует постоянно поддерживать в сознании всех поколений, особенно молодого. Подобная работа по поддержанию исторической памяти проводится в Самаре и имеет интересный опыт, который мог бы быть использован другими регионами. Речь идет о Парадах Памяти, проводимых в Самаре уже девять лет в память об историческом военном параде 7 ноября 1941 г. в Куйбышеве.

Целью нашей статьи является рассмотреть историю парада 1941 г. и его место в исторической памяти современного российского общества.

Первые четыре-пять месяцев с начала войны были тяжелыми для страны. Враг стремительно продвигался вглубь территории СССР, а победы Красной Армии были редким явлением.

Правительство правильно понимало необходимость консолидации всех сил на борьбу. В сложных военных условиях было принято решение о проведении торжеств в честь 24-й годовщины Октябрьской революции. Торжественные демонстрации должны были показать, что, невзирая на неудачи, враг не смог поколебать основы жизни советских людей и они, как и в мирное время, выйдут отмечать свой национальный праздник. События 7 ноября 1941 г. проявили во всей полноте несломленный дух советского народа, придали ему еще большей силы и уверенности. Этому способствовали также постановления ЦК ВКП(б) от 31 октября и речь Сталина 6 ноября на торжественном заседании Московского совета депутатов трудящихся [1.С.128-129].

Более того, в середине октября 1941 г. И.В. Сталин в условиях осажденной Москвы решил провести традиционный парад в честь Октября. Военные парады было принято организовать в прифронтовых Москве и Воронеже и в тыловом Куйбышеве, который был назначен «запасной столицей» и куда с 15 октября начали эвакуацию Правительства СССР, Верховного Совета СССР [2.С.153-154]. Не сохранилось документа, который бы позволял достоверно установить дату принятия решения о проведении парадов. Исследователи сходятся во мнении, что распоряжение об их организации было отдано И.В. Сталиным устно. Отчасти это подтверждается докладом К.Е. Ворошилова о параде в Куйбышеве от 8 ноября 1941 г. В нем он отмечал, что согласно указанию Сталина в Куйбышеве был проведен парад войскам [3]. При этом заметим, что в случае налета немецкой авиации на Москву утром 7 ноября, парад в столице отменялся и главным по статусу становился парад в Куйбышеве.

Куйбышев, став временной столицей, принял и разместил не только основные наркоматы, служащих и их семьи. В город эвакуировали около 123 предприятий, редакции центральных газет [3]. В октябре в город стало прибывать большое количество иностранцев. Приехало около 300 дипломатов и значительное число корреспондентов иностранных газет. Под посольства и консульства выделялись дома в центральной части города. Всего прибыло около 22 посольств и дипломатических миссий, среди них 27 военных атташе [2.С.155; 4]. Они оставались в Куйбышеве вплоть до сентября 1943 г.

Следует заметить, что к ноябрю 1941 г. вследствие эвакуации население Куйбышева выросло более чем на 130 тыс. человек и достигло почти 520 тыс. И, если принять во внимание тот факт, что на демонстрации 7 ноября приняли участие 178 тыс. человек [5], становится понятным какой колоссальный размах имело мероприятие и насколько оно было значимым для советских людей. Такое масштабное событие требовало организации особой безопасности. Решение о проведении парада держалось в строгой тайне.

К.Е. Ворошилов очень ответственно подошел к подготовке парада. Некоторые истории считают, что хорошей организацией маршал хотел реабилитироваться перед вождем за свои неудачи в качестве военачальника в начале войны. За прохождение войск и военной техники отвечал начальник Куйбышевского гарнизона подполковник Лукин, организацией воздушной части парада занимался командующий ВВС Приволжского военного округа полковник Судец. Работа велась круглосуточно и регулярно маршалу докладывали о ходе подготовки. Сохранилась обширная переписка маршала с партийными, государственными и военными деятелями по вопросам проведения парада. По распоряжению маршала Ворошилова все участники парада получили новое обмундирование.

Вероятно, одними из первых приказ получили летчики. К началу ноября они приступили к тренировкам на слетанность, а также начали проверку технического состояния машин, улучшали их внешний вид [6.С.63].

Погода 7 ноября 1941 г. в Куйбышеве хотя и была морозной, но не могла помешать проведению воздушной части парада. В целях безопасности ближайшие к площади магазины были закрыты, на площадь проходили лишь по специальным пропускам.

На центральной трибуне находились главы наркоматов и их заместители, а также Председатель Верховного Совета СССР Михаил Калинин, руководители партийной организации Куйбышева.

Мероприятие началось с радиотрансляции парада из Москвы. Парадом в Куйбышеве командовал командующий 60-й резервной армии генерал-лейтенант М.А. Пуркаев, а принимал парад маршал К.Е. Ворошилов. Парад прошел не только на крупнейшей площади Союза, но и на самой большой площади в Европе.

По задействованным в параде войскам он может быть отнесен к армейской операции. В нем приняло участие 25,6 тыс. военнослужащих. Это были части и соединения из Забайкалья и Дальнего Востока, которые перевозились на фронт через Куйбышев. Бронетехника привлекалась из танковых училищ Казани, Саратова, Ульяновска и Сызрани. Здесь не было новых Т-34, которые сразу с заводов отправлялись на фронт. В параде участвовали старенькие БТ-7, Т-26, Т-38 и даже тяжелые Т-35. Военная техника была представлена грузовиками ЗИС-5 и ГАЗ-АА, тягачами для артиллерии, бронемашинами БА-64 и БА-10 [5]. Общее количество бронетехники составило 107 танков и 14 бронемашин, часть стрелковых частей проехала на 206 автомашинах. В параде участвовало также 36 машин с прожекторами, 208 артиллерийских орудий, которые транспортировались тракторами либо тягачами. Итак, по задействованному личному составу и военной технике парад, как и задумывалось, производил сильное впечатление. Маршал в докладе Сталину особенно отмечал пехоту [3].

В изданных в 2012 г. воспоминаниях участник парада А.А. Саркисов пишет о плохом прохождении военнослужащих. В лучшую сторону он отмечает строевой порядок прохождения военной техники [7.С.43]. На наш взгляд, в тех условиях не столько ценился четкий шаг, сколько морально-психологическое значение самого действия и безусловного его масштабы. Так же, по нашему мнению, следует рассматривать те события и сегодня.

Особенность параду в Куйбышеве придало проведение воздушной части парада. Для участия в воздушном параде было привлечено 8 запасных авиаполков и 5 авиашкол. Общее количество самолетов составило 233 единицы, из которых 86 были новых типов – Пе-2, Як-1 и Ил-2, а остальные – СБ, Су-2, И-16, ДБ-3. Самолеты пролетали над городом в 2-3 эшелона. Было принято решение, что они пройдут над зрителями дважды. Поэтому у наблюдателей создалось впечатление об участии в параде более 500 самолетов! Немного похулиганили летчики Ил-2, ведомые А.И. Подольским. Они решили пройти на высоте 300 м, но не учтя возвышение Куйбышева по факту оказались на высоте 100 м. Рев от их моторов стал незабываемым для военных атташе иностранных государств. Они воочию убедились во лживости геббелевской пропаганды о гибели советской авиации. Хотя за такие проделки А.И. Подольский находился на грани военного трибунала, и его спасло только то, что маршал Ворошилов оказался очень доволен воздушным парадом и объявил всем летчикам благодарность [6.С.65-66; 8.Л.204]. Воздушный парад в Куйбышеве стал единственным парадом с участием авиации в годы Второй мировой войны.

Парад в Куйбышеве продлился полтора часа, а если добавить еще демонстрацию трудящихся и служащих, в которой приняло участие 178 тыс. человек, то в общей сложности получится два с половиной часа. Для сравнения, московский парад 1941 г. занял 25 минут [3]. Парад произвел неизгладимое впечатление на иностранных гостей. Считается, что военные атташе Турции и Японии передали информацию о нем в Центр и охладили горячие головы, желающие войны с Советским Союзом. Благоприятно он повлиял и на союзников. Президент Рузвельт решил предоставить СССР крупный займ, за что Сталин в ответном письме благодарил своего американского коллегу [2.С.156].

Парады ноября 1941 г. оказали огромное влияние на советский народ. Неслучайно, часто встречается мнение, что победы в Великой Отечественной войне берут свое начало с парадов в Москве, Воронеже и Куйбышеве. Энергетика тех парадов была колоссальной. Маршал И.Х. Баграмян в интервью газете «Советская культура» в 1981 г. предлагал для сохранения памяти о войне положить начало традиции в честь парадов 1941 г. проводить шествия в форме тех лет с винтовкой Мосина наперевес [9]. В современной России пытаются воссоздать энергетику тех лет, и, хотя неосознанно, воплотить в жизнь идею И.Х. Баграмяна. В современной России Великая Отечественная война является той скрепой, которая

сплачивает все поколения и народности нашей страны. Это важный компонент исторической памяти нашего народа.

На площади им. Куйбышева в Самаре (бывший Куйбышев) с 2011 г. ежегодно проходит Парад Памяти в честь 7 ноября 1941 г. Инициаторами парада Памяти стали несколько депутатов «Единой России», которые подчеркивали неполитичность своей инициативы. На подготовительном этапе была проведена большая работа, шли консультации с ветеранами-участниками того исторического парада [10]. В понимании организаторов, парад должен показать связь поколений, а также демонстрировать силу современной России по аналогии с СССР.

Каждый парад Памяти тематический. Например, в центре внимания парада в 2012 г. находились труженики тыла, в 2014 г. – дружба народов, в 2015 г. он был посвящен Героям Отечества, в 2017 г. – Полководцам Победы, в 2018 г. – Оружию Победы.

Парад Памяти в Самаре развивается и получает заслуженное внимание со стороны властей и общества. С 2014 г. он приобрел статус окружного. С этого времени в его организации принимают участие как соседние регионы по Приволжскому федеральному округу, так и другие субъекты России. Поэтому не удивительно, что количество участников и зрителей самарских ноябрьских торжеств с каждым годом становится все больше.

При проведении парадов Памяти задействуются как регулярные подразделения МО РФ, так и подразделения других силовых ведомств (МЧС, МВД), широко привлекаются общества исторической реконструкции. В ноябре 2017 г. в мероприятии приняли участие 90 парадных расчетов с военной техникой. Репертуар оркестра полностью соответствовал историческому событию 7 ноября 1941 г. В параде принимали участие воспитанники кадетских корпусов Самары, Саратова, Ижевска, Ульяновска. После прохождения парадных расчетов на площадь вышли жители с портретами своих дедов и прадедов, спасших нас и весь мир от коричневой чумы [11].

Особенностью парада Памяти 2016 г., которая позднее переросла в традицию, стало присутствие на нём иностранных дипломатов и представителей иностранных ведомств и прессы. И это не смотря на сложную международную обстановку и санкции. В 2018 г. Самару посетили делегаты 13 государств: Коста-Рики, Сенегала, Колумбии, Италии, Мексики, Греции, КНР, Турции, Ирана и др. В 2019 г., сохраняя историческую особенность парада 1941 г., на трибуне можно было видеть дипломатов Канады, Болгарии, Белорусии и некоторых других государств [4;11;12].

Особенностью парада 1941 г. в Куйбышеве, как уже отмечалось, был воздушный парад. В 2016 г. над площадью пролетело несколько самолетов, что особенно подчеркнуло специфику исторического события [13]. В 2018 г. участвовали экипажи на По-2, Ми-2, Як-52. В 2019 г. удалось продемонстрировать в действии легендарные По-2 и Ил-2 [14;15].

В ходе торжеств проводятся фотовыставки, организуются военно-полевые музеи и военно-полевая кухня. С просветительскими целями клубы исторической реконструкции воссоздают те или иные операции времен Великой Отечественной войны. Например, в 2017 г. жителям и гостям Самары показали реконструкцию Тихвинской операции, а в 2019 г. была организована историческая реконструкция одного из эпизодов Сталинградской битвы [15; 16].

Закреплению исторической памяти о парадах служат не только демонстрации и исторические реконструкции, но также проведение конкурсов сочинений и научных проектов о парадах ноября 1941 г.; проведение патриотических уроков в школах; создание музеев о тех событиях. Так, в 2018 г. прошел конкурс сочинений на темы: «Куйбышев – запасная столица» и «Оружие Победы», были проведены «Уроки Мужества» [14].

В ноябре 2019 г. в память о событиях 1941 г. состоялись торжественные мероприятия в Москве, Самаре и Воронеже. Они получили широкое освещение в СМИ. По масштабам проведения выделяются парады в Москве и Самаре. На центральных телеканалах показали видеосюжеты о этих мероприятиях. В Воронеже празднование было перенесено на 10 ноября и имело меньший размах (около 500 человек). Здесь приняло участие 28 клубов

исторической реконструкции и курсанты. Напротив, в Москве и Самаре программа была довольно насыщенной и разнообразной. Для сравнения, в Самаре в параде Памяти 7 ноября 2019 года участвовало 125 парадных расчетов от подразделений ВС РФ и силовых ведомств, ветеранских и патриотических общественных организаций. Были привлечены профсоюзы, клубы исторической реконструкции, отряды вузов, юнармейцев, кадетов, суворовцев и нахимовцев. Достаточно широкое представительство выделили соседние регионы: 900 участников из 14 субъектов РФ. Общее количество составило более 6,5 тыс. человек.

Девятый парад Памяти в Самаре был тематическим, посвященный солдатской славе. Его открывал Герой Советского Союза Владимир Чудайкин, ветеран войны, которого провезли перед парадными расчетами на историческом автомобиле [15].

Традиционно на парадах в Самаре выступает Народный артист СССР Василий Лановой. Некоторые издания уже называют В. Ланового символом парадов Памяти. В своих выступлениях он декламирует стихи военных лет [13;15]. Самарские парады посещают высокопоставленные чиновники, политики, депутаты Государственной думы и т.д. Парады Памяти обращают на себя внимание первых лиц государства. Например, в 2017 г. министр культуры РФ и председатель Российского военно-исторического общества В.Р. Мединский направил приветственную телеграмму, в которой подчеркнул, что главной задачей парадов Памяти является знакомство граждан России с особенностями жизни в годы войны и борьба с попытками фальсификации истории, защита правды о войне и роли в ней народов СССР [16]. В 2019 г. официальный представитель МИД России Мария Захарова в своей речи отметила важность Куйбышева (Самары) в годы войны [15].

Мы можем видеть, что торжества, приуроченные к 7 ноября 1941 г. приобретают в глазах властей как федерального, так и регионального уровня все большее значение. Этому свидетельствует все возрастающий размах торжеств и их анонсирование и последующее освящение по центральным каналам. Популярны они и для населения городов, где проводятся. Для участия в них привлекаются организации соседних регионов. Важным в сохранении исторической памяти является их разнообразная программа, что позволяет охватить широкую массу людей с разными интересами. Совершенно оправданным является проведение конкурсов и уроков на темы Великой Отечественной войны. Интересным является поддержание традиции участия в торжествах иностранных представителей. Пусть часто это делегации не тех стран, которые были в ноябре 1941 г. на площади в Куйбышеве, но такие мероприятия способствуют защите правды о войне. Большое значение имеет привлечение к парадам учебных заведений и молодежных организаций, что является в важным как в военно-патриотическом, так и гражданском воспитании.

Библиографический список

1. Сто военных парадов / под ред. К.С. Грушевого. – М.: Воениздат, 1974. – 264 с.
2. **Бушуева Т.С.** Военные парады 1941 года / Т.С. Бушуева // Российская история. – 2012. – № 3. – С. 153-157.
3. Маршал Ворошилов и парад в Куйбышеве 7 ноября 1941 года. – URL: <http://statearchive.ru/929> (дата обращения: 7.10.2019).
4. Для участия в Параде Памяти в Самару прибыли 13 иностранных делегаций. – URL: https://www.samregion.ru/press_center/news/dlya-uchastiya-v-parade-pamyati-v-samaru-pribyli-13-inostrannyh-delegatsij/ (дата обращения: 11.11.2019).
5. **Бондаренко А.** Операция «Парад» / А. Бондаренко. – URL: http://old.redstar.ru/2011/02/05/02/4_04.html (дата обращения: 29.09.2019).
6. **Подольский А.И.** Военный парад в Куйбышеве / А.И. Подольский // Военно-исторический журнал. – 2008. – №11. – С. 63-66.
7. **Саркисов А.А.** Воспоминания. Встречи. Размышления / А.А. Саркисов. 2-е изд. М.: Комтехпринт, 2012. 563 с.

8. Военный парад 7 ноября 1941 г. в г. Куйбышеве (документы Центрального архива Минобороны России). – URL: http://stat.mil.ru/winner_may/docs/kuibyshev-parade.htm (дата обращения: 5.10.2019).
9. **Баграмян И.Х.** Победы взяли начало на парадах сорок первого / И.Х. Баграмян // Советская культура. – 1981. – 7 ноября.
10. В Самаре готовятся провести военный Парад памяти. – URL: <https://www.vkonline.ru/132847/article/v-samare-gotovyatsya-provesti-voennyj-parad-pamyati---.html> (дата обращения: 15.09.2019).
11. В Самаре в Параде Памяти приняли участие 90 военных расчетов. – URL: <https://otr-online.ru/news/v-samare-v-92729.html> (дата обращения: 15.09.2019).
12. Парад Памяти 7 ноября 2019 года в Самаре: как пройдет торжественный марш в честь военного парада 1941 года. – URL: <https://www.kp.ru/afisha/samara/daily/parad-pamyati-v-samare/> (дата обращения: 20.11.2019).
13. В Самаре отметили 75-летие Парад 7 ноября 1941 года. – URL: <https://samadm.ru/media/news/8114/> (15.09.2019).
14. В Самаре прошел Парад Памяти, посвященный военному параду 7 ноября 1941 года в г. Куйбышеве. – URL: https://www.samregion.ru/press_center/news/v-samare-proshel-parad-pamyati-posvyashhennyj-voennomu-paradu-7-noyabrya-1941-goda-v-g-kujbysheve/ (дата обращения: 11.11.2019).
15. В Самаре в девятый раз прошел парад Памяти. – URL: <https://ria.ru/20191107/1560677583.html> (дата обращения: 20.11.2019).
16. В Самаре на площади Куйбышева прошел Парад Памяти. – URL: <https://volga.news/article/455436.html> (дата обращения: 14.11.2019).

УДК 93

Воронежский государственный технический университет
Доктор исторических наук, профессор кафедры философии, социологии и истории
Б.А. Ершов, тел.(919)2430634; e-mail: bogdan.ershov@yandex.ru,
Студент факультета информационных технологий и компьютерной безопасности
К.А. Бидненко
Россия, г. Воронеж,
Тел.(919)2493829.
e-mail: ksushab36@yandex.ru

Voronezh State technical University
Doctor of History, Professor of the chair of Philosophy, Sociology and History
B.A. Ershov, tel. (919) 2430634, e-mail: bogdan.ershov@yandex.ru,
Student of the faculty of Information Technologies and computer security
K.A. Bidnenko
Russia, Voronezh, tel.(919) 2493829.
e-mail: ksushab36@yandex.ru

Б.А. Ершов, К.А. Бидненко

ХРАМОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В РОССИИ В XIX ВЕКЕ

В данной статье рассматривается вопрос о строительстве храмов в России в XIX веке. Собраны факты о процессе возведения храма, начиная от идеи создания церкви до освящения готового здания и награждения его строителей. Представлена подробная характеристика стилей, в которых строили храмы на протяжении XIX века. В публикации приведены примеры известных соборов и храмов, авторы проектов по их созданию, а также имена известных архитекторов XIX века.

Ключевые слова: строительство, храм, стиль, архитектура, Россия.

B.A. Ershov, K.A. Bidnenko

TEMPLE CONSTRUCTION IN RUSSIA IN THE XIX CENTURY

This article discusses the construction of churches in Russia in the XIX century. Collected facts about the process of construction of the temple from the idea of creating a Church to the consecration of the finished building and rewarding its builders. A detailed description of the styles in which temples were built during the XIX century is presented. The publication provides examples of famous cathedrals and temples, the authors of projects for their creation, as well as the names of famous architects of the XIX century.

Key words: construction, temple, style, architecture, Russia.

Храм на Русской земле издавна и до настоящего времени является сосредоточением церковной жизни и православной культуры. На территории России сохранилось множество церквей, некоторые из которых были построены еще в глубокой древности. [1.С.10]

Создание каждого православного храма – процесс сотворчества человека Богу. В церковном строительстве соединяются деятельные усилия людей, молитва и промыслительное действие Божией воли. Строительство церкви во все времена подразумевалось в первую очередь как сооружение дома особого присутствия Бога и благодати Божией. Церковный подход к постройке храмов освящен традициями и канонами, связан с духовной жизнью. Вследствие чего при создании церкви руководствовались постановлениями семи Вселенских соборов, Апостольскими правилами, а также Поместных соборов, входивших в Кормчую книгу. [1.С.12]

В XIX веке, как и в XVIII «весь процесс строительства новых церквей строго регламентировался центральными властями». Так, в 1800 году вышел указ Павла I на запрет строительства деревянных храмов.

Однако в действительности его исполнение оказалось практически невозможным. Появилось исключение из приказа для населенных пунктов Сибири и западных губерний и «бедных» приходов, не имеющих возможности доставки сырья для сооружения каменного здания. В 1835 году ограничение на постройку деревянных церквей было отменено. Деревянные храмы позволялось строить везде, но «для большей прочности на каменном фундаменте». [2.С.132-134]

Право на сооружение или восстановление деревянных храмов давалось через канцелярию Синода, куда отправлялись все необходимые для строительства документы. Вплоть до 1865 года сооружение любых церквей позволялось епархиальному руководству только после рассмотрения и согласия Синода. По указу 25 августа 1865 года епархиальным архиереям было разрешено без позволения Синода производить постройку, перестройку и расширение церквей во всех городах и селах России. После этого оговаривалось, что в случае открытия нового прихода и направления к нему причта, документы по строительству необходимо было отправлять в Синод. Приказ 1886 года закреплял данное решение, согласно которому «построение приходских и кладбищенских храмов в городах и селах разрешается епархиальным архиереем, но на открытие новых приходов следует испрашивать разрешения Святейшего Синода». [2.С.135]

Процедура строительства храмов в XIX веке была следующей. Община, задумавшая построить новую церковь или восстановить старую, отправляла прошение на имя епископа. В этом прошении прихожане обосновывали причину необходимости в строительстве новой церкви или возобновлении старой. Простение отсылалось в духовную консисторию через ходатая, а в казенных поселениях (с 1940 года) через Палату государственных имуществ. Вслед за тем в консистории наводились справки о составе прихода и расстоянии до ближайшего храма, и в случае если приход новый, то о наличии препятствий при сообщении с ним. С 1826 года к необходимым документам по храмовому строительству прибавилось утверждение фасада и плана церкви губернскими или другими привилегированными архитекторами. По Уставу духовных консисторий 1841 года при составлении проектов на сооружение православных церквей «должен быть сохранен вкус древнего византийского зодчества». Данное правило было засвидетельствовано в Строительном уставе, изданном в 1900 году. Затем, если делу предоставлялся ход, проводилась проверка места будущего строения. Для этого епархиальный архиерей обращался к губернатору с требованием командировать губернского архитектора для освидетельствования расположения фунта земли и для определения и рекомендаций относительно наемных рабочих и строительного сырья. После чего архитектором составлялся план, фасад здания и смета на его строительство. При процедуре освидетельствования должен был присутствовать благочинный или депутат с духовной стороны и, конечно же, представитель от прихожан. При этом храм рекомендовалось строить на возвышенном месте и в центре поселения, согласно требованиям Устава духовных консисторий, в котором предписывалось создавать храм «на площадях, а не посреди обывательских строений». [2.С.156-161]

Спустя время вся документация снова доставлялась в консисторию, откуда направлялась в Синод при условии сооружения нового храма. Далее, после одобрения высшим церковным руководством, вновь возвращалась в консисторию. Епископ, получив согласие Синода, давал свое благословение и выдавал «храмозданную грамоту», засвидетельствованную своей печатью. Относительно устройства храма в этих грамотах давались подробные указания, повторяющиеся во всех грамотах и отличающиеся исключительно в мелочах. Вначале говорилось о составе причта к новому храму, а затем о заложении и освящении храма. Место его постройки, как правило, освящал благочинный. В документации говорилось об обязанности просителей по строению церкви «убрать иконостас святыми иконами и снабдить церковной утварью». Помимо этого, оговаривались место расположения престола, его размеры, материалы, как для облачения священников, так и для церковной утвари. Предоставленная регламентация разрабатывалась еще в указах Синода XVIII века, где говорилось, к примеру, о том, что одежда священнослужителей должна быть

шелковой, а посуда в храме серебряной. В грамотах перечислялись поселения, входившие в новый приход, а уже после 1845 года указывался класс церкви. Если же храм ремонтировался или строился новый вместо старого, то в документах говорилось, как следовало поступать с оставшейся ветхой церковью и с оставшимся материалом (кирпичом, деревом и даже щепкой). Кроме того, в «храмозданных грамотах» XIX века обязанностями строителей считалось обеспечение жильем священников и церковнослужителей и выделение им сенокосной и пашенной земель. [2.С.162-165]

Приступить к сооружению церкви можно было только после получения «храмозданной грамоты», вместе с которой в случае нехватки денег выдавалась книга для сбора средств на строительство. После завершения работ по постройке здания, благочинный отсылал рапорт в консисторию, ссылаясь на то, какие конкретно работы еще предстоит провести. После снабжения храма иконами и необходимой утварью, в консисторию священник подавал рапорт о готовности храма к освящению, вместе с «храмозданной грамотой» и описью всего церковного имущества. Затем после получения рапорта епископ высылал «благословенную грамоту», в которой сначала в кратком содержании воспроизводился текст рапорта, а потом давалось благословение на освящение храма – «церковь освятить по чин положению благословляю». [2.С.166-167]

Завершающим документом в процедуре храмового строительства был рапорт благочинного или духовного управления об освящении храма, имевший в большинстве случаев следующую формулировку: «Сего года числа...месяца... сия церковь была освящена». Важнейшим этапом в данной процедуре являлось освящение престола храма. [2.С.168]

Престол - это главная святыня в церкви, «знаменующая престол Пресвятой Троицы». Это был четырехугольный стол, построенный специальным образом, облаченный тройными священными одеждами (покровами). Прикоснуться к нему позволялось лишь только священникам, епископам и дьяконам. На престоле находились священные предметы – Евангелие, дарохранительница, антиминс и напрестольный крест. [1.С.353-354]

Из которых особо значимым был антиминс - четырехугольный плат из льняной или шелковой материи с изображением уложения во гроб Иисуса Христа после снятия с Креста, орудия казни и четырех евангелистов и надписью о том, когда, где и кем был освящен антиминс. Одновременно он являлся документом, разрешающим служение литургии. Во время литургии на антиминс ставились сосуды для Причастия. [1.С.357]

Таинство претворения хлеба и вина могло совершаться лишь на этом священном плате. Антиминс предоставлялся церкви при ее открытии, а когда становился совсем «ветхим», его отправляли в консисторию. Следовательно, можно сделать вывод о том, что лишь после освящения престола, в храме или в одной из его частей, разрешалось совершать богослужение и церковные таинства. [1.С.389]

В отдельных случаях среди документов, относящихся к сооружению храма, встречались приказы о награждении строителей и крупных жертвователей медалями и другими знаками почета. Представление к награде давалось из духовной консистории, а приказы о награждении с 1870-х годов публиковались на страницах епархиальных журналов. Таковой была процедура воздвижения новой церкви в России в XIX веке. [2.С.178]

А в каких же стилях строили храмы в XIX веке?

Александровский классицизм (фр. classicisme, от лат. classicus — образцовый) (1800–1812 годы) – историко–региональный стиль искусства начала XIX века в России. Он проявлялся, прежде всего декоративно-прикладном искусстве и архитектуре Санкт–Петербурга до начала Отечественной войны 1812 года. Название стиля ввел в обиход историк искусства и художник И.Э. Грабарь в 1912 году. Многие архитектуроведы именуют этот неповторимый, следующий за екатерининским классицизмом, стиль русским классицизмом или «высоким классицизмом». [3.С.363]

Развитие стиля в большей части обязано личности царя: император Александр I непосредственно принимал участие в зарождении национальной архитектуры. Он прекрасно разбирался в зодчестве, и поэтому для возведения каждой постройки в столице нужно было получить высочайшее разрешение императора. Все чертежи подлежали его проверке. [3.С.375]

В данном стиле были построены следующие церковные здания: кафедральный собор Казанской иконы Божией Матери в Санкт-Петербурге, церковь Мартина Исповедника (Вознесения Господня) в Алексеевской новой слободе, церкви Смоленской иконы Божией Матери и Покрова Пресвятой Богородицы в Тульской области, церкви Иоанна Предтечи и Покрова Пресвятой Богородицы в Тверской области, церковь Смоленской иконы Божией Матери в Нижегородской области, церковь «Знамение» иконы Божией Матери в Липецкой области. [4.С.63]

Пожалуй, самым ярким примером Александровского классицизма является Казанский собор в Петербурге (рисунок 1).

Рис. 1. Казанский собор в Санкт-Петербурге

В 1799 году императором Павлом I был объявлен тендер на проект нового собора взамен обветшавшей церкви Рождества Пресвятой Богородицы. Среди конкурсантов были знаменитые архитекторы, такие как Ж. Тома де Томон, П. Гонзаго, Д. Тромбара, Ч. Камерон. Первоначально Павел I выбрал проект Ч.Камерона, но спустя полгода поменял свое решение. В итоге не был утверждён ни один из представленных проектов. [5.С.23]

Год спустя граф Александр Сергеевич Строганов, неподалеку от резиденции которого располагалась церковь, порекомендовал императору новый проект А. Н. Воронихина, молодого и талантливого архитектора, бывшего крепостного Строгановых. Данный проект был одобрен, а Строганов стал председателем попечительского совета при сооружении собора. [5.С.25]

Строительство нового храма началось 27 августа (8 сентября по новому стилю) 1801 года в присутствии императора Александра I. При сооружении Казанского собора на общественных началах, в роли помощника Андрея Воронихина работал гравёр и архитектор Николай Федорович Алфёров. [5.С.29] 1 января 1811 года автор проекта Казанского собора, архитектор А. Н. Воронихин, был награждён орденом Святого Владимира 4-й степени.

[5.С.63] Возведение храма было завершено в сентябре 1811 года и обошлось казне в 4,7 миллиона рублей. [5.С.33]

15 сентября (27 сентября) 1811 года, спустя 10 лет после закладки собора, в день коронации Александра I митрополит Амвросий совершил торжественное освящение собора. По этому случаю А. Н. Воронихин был пожалован орденом Св. Анны второй степени, украшенным пенсией и бриллиантами. [5.С.64] В этом же году была разобрана старая церковь.

Ампир (от фр. Empire — империя) — стиль в искусстве (главным образом декоративном) и архитектуре первых трех десятилетий XIX века, заканчивающий эволюцию классицизма. Для Ампира типичны геометрическая правильность объемов, монументальность и целостность (триумфальные арки, дворцы, колонны). Ампир посредством многочисленных символов и атрибутов одобрял идею императорского величия. [3.С.389] Основателем петербургского Ампира считается «русский итальянец» Карл Росси. Другим знаменитым архитектором данного стиля был Владимир Стасов, автор Гвардейских соборов — храмов гвардейских полков, расквартированных в столице: Свято-Троицкого (1827–1835 годы) и Спасо-Преображенского (1827–1829 годы) [3.С.397]

Провинциальный «московский Ампир» и стиль подмосковных дворянских усадеб выделялся еще большей оригинальностью, поэтому будет точнее называть его не ампиром, а «московским классицизмом». Последнюю фазу развития петербургского классицизма 1830–1840-х годов, в период правления Николая I, порой называют «николаевским ампиром». [3.С.405]

В стиле «Ампир» было возведено около 450 храмов на территории России. Только в Московской и Ленинградской областях их насчитывалось свыше 70! Наиболее ярким примером считается Кафедральный Исаакиевский собор (рисунок 2).

Рис. 2. Исаакиевский собор в Санкт-Петербурге

Он является одним из важных памятников архитектуры эпохи Ампира в России. [4.С.75]

В 1809 году был объявлен тендер на строительство нового храма. Обязательным условием было сохранение трёх освящённых алтарей существующего собора. Утверждённую Александром I программу конкурса составил президент Академии художеств А. Строганов. [7.С.173]

В конкурсе участвовали архитекторы Андрей Воронихин, Андреян Захаров, Василий Стасов, Чарлз Камерон, Джакомо Кваренги и многие другие. Однако Александр I не одобрил ни один из предложенных проектов, так как участники предлагали не перестройку старого здания, а строительство нового. В 1813 году вновь был объявлен конкурс на тех же условиях, и снова ни один из проектов не угодил императору. Поэтому в 1816 году Александр I поручил инженеру Августину Бетанкуру, только что приехавшему из Испании председателю «Комитета по делам строений и гидравлических работ», заняться организацией проекта перестройки Исаакиевского собора. Бетанкур в свою очередь рекомендовал поручить проект

молодому архитектору Огюсту Монферрану, не так давно приехавшему из Франции. Для представления своего мастерства, Монферран создал 24 рисунка построек различных архитектурных стилей, которые Бетанкур и показал Императору. Александру I рисунки приглянулись, и вскоре он подписал указ о назначении О.Монферрана «императорским архитектором». В то же время ему доверялась подготовка проекта перестройки Исаакиевского собора с договором сохранить алтарную часть существующего собора. [7.С.178-182]

В этой постройке использовались геометрические фигуры такие как, треугольник, куб, квадрат, цилиндр и параболический купол. Все эти элементы придают собору имперской вековой незыблемости и монументальности. Собор отличается богатой интерьерной живописью и наружным декором. [6.С.447]

Характерными признаками данного стиля, отличающими его от классицизма, являются исчезновение портиков и других классических форм с фасадов, употребление элементов свойственных как для византийского, так и для русского зодчества допетровского времени (арочные проемы и полуциркульные арки, ступенчатые порталы входов, пилястры и массивные колонны и многие другие), весомость архитектурных конфигураций и нарочитая массивность, более измельченный характер возделывания фасадов. [3.С.432]

В этом стиле в России было построено свыше 80 церквей! [4.С.83] А наиболее ярким из них считается Храм Христа Спасителя (рисунок 3).

Основателем и главным идеологом русско-византийского стиля является архитектор Константин Тон. Опубликованные им в 1838 году проекты храмов были одобрены императором и стали показательными образцами. С этого периода из мастерской К.Тона выходили, а затем воплощались в жизнь проекты крупнейших официальных зданий и церквей. [3.С.449]

Архитектор К. А. Тон в своих проектах, изданных в 1838 году, и постройках, самой значимой из которых был храм Христа Спасителя в Москве шел по пути, проложенному В. П. Стасовым. [3.С.450] Данный храм являлся завершением драматической истории с созданием памятника-храма славы русского народа и его героических войск, избавивших Россию от наполеоновского нашествия в 1812 году. [9.С.34]

Рис. 3. Храм Христа Спасителя в Москве

Основателем и главным идеологом русско-византийского стиля является архитектор Константин Тон. Опубликованные им в 1838 году проекты храмов были одобрены императором и стали показательными образцами. С этого периода из мастерской К.Тона

выходили, а затем воплощались в жизнь проекты крупнейших официальных зданий и церквей. [3.С.449]

Архитектор К. А. Тон в своих проектах, изданных в 1838 году, и постройках, самой значимой из которых был храм Христа Спасителя в Москве шел по пути, проложенному В. П. Стасовым. [3.С.450] Данный храм являлся завершением драматической истории с созданием памятника-храма славы русского народа и его героических войск, избавивших Россию от наполеоновского нашествия в 1812 году. [9.С.34]

Изначально храм был заложен на Воробьевых горах по проекту архитектора А. Л. Витберга (1787-1855 годы), но, к сожалению, не был достроен. [8.С.15]. Произведение же К. А. Тона, построенное близ Кремля на левом берегу Москвы-реки, было средством прославления самодержавия и его незыблемости. Вся сущность русско-византийского стиля состояла в употреблении архитектурных форм и образов средневекового русского зодчества в их эклектическом сочетании с элементами византийской архитектуры. Как правило, это были крестообразные в плане храма с большим центральным куполом и колокольнями с малыми куполами на углах здания. Данный прием удовлетворял требованиям Синода о необходимости пятиглавия. К.А. Тон, аргументируя свои проекты, писал, что «стиль Византийский, сроднившийся с давних времен с элементами нашей народности, образовал церковную нашу архитектуру». В 1841 году существовал закон, указывающий на то, что «могут быть с пользой принимаемы в соображении чертежи, составленные на построение православных церквей профессором Тоном». В 1844 году вновь был издан альбом проектов церквей в русско-византийском стиле, построенных К. А. Тоном и рекомендованных в качестве образцово-показательных для подражания и повсеместного использования. Это всё не только узаконило стилистическую направленность храмовой архитектуры, но и пропагандировало и насаждало русско-византийский стиль как «национально-патриотический». Было построено множество храмов, у которых архитектура представляла собой механическое сочетание кокошников и аркатурных поясов с византийскими капителями и прочими деталями. Архитектор Д. И. Grimm (1823-1898 годы) соорудил в «псевдовизантийском» стиле ряд храмов (в Киеве, Севастополе и др.). [3.С.467-479]

Тем не менее, не все художественные круги одобряли внедрение русско-византийского стиля. В частности, архитектор Л.В.Даль (1834-1878 годы), крупнейший знаток русского зодчества писал, что «сходство наших церквей, построенных в византийском стиле, с настоящими византийскими храмами - более чем сомнительно... и что к стилю наших мнимовизантийских построек нельзя применять эпитета “русский”». [3.С.496]

Русско-византийский стиль главным образом отчетливо воплотился в храмовой архитектуре. В светском же зодчестве он мало выражался, по крайней мере, архитектор К. А. Тон и попытался использовать его в Большом Кремлевском дворце (1839- 1849 годы). Он выделяется высочайшим техническим показателем строительства и качеством отделочных работ и материалов. В архитектуре его фасадов К. А. Тон отобразил особенности русско-византийского стиля, применяя при этом некоторые конфигурации соседнего Теремного дворца, к примеру, обрамления его окон, многократно используя их в сильно увеличенных размерах. В большом дворце торжественные залы разных стиливых параметров названы именами святых покровителей российских орденов: Андреевский, Александровский, Георгиевский, Владимирский и др. Это символизировало незыблемость императорской державы, в то время как грандиозный дворец воплощал достоинство России. [3.С.483]

Таким образом, в XIX веке в России насчитывалось 64 епархии; около 37 000 приходов во всех епархиях; 720 соборных церквей; около 2000 храмов при государственных и общественных учреждениях. Монастырей, штатных и заштатных, 440 мужских, с 8000 монахами и 7500 послушниками, 250 женских, с 7000 монахинями и около 17 000 послушницами. [10.С.881-892]. Православные церкви строили в трех стилях: Александровский классицизм, Ампи́р (в период правления Николая I назывался «Николаевским ампи́ром») и Русско-Византийский.

Библиографический список

1. **Минаков С.** Храмы России. Издательство «Эксмо», 2013 – 854 с.
2. **Королев М., Черкасова Л., Остякова А.** Особенности обследования и восстановления зданий православных храмов. – Издательство «НУИ МГСУ», 2016 – 200
3. **Рыцарев К., Вятчанина Т., Антонова Н., Щенков А..** Архитектура русского православного храма – Издательство «Памятники исторической мысли», 2013 – 528 с.
4. Соколова Энциклопедия о России. Соборы и храмы. Издательство «Проф-Пресс», 2017. 96 с.
5. **Красноцветов П., Антонов В., Шуйский В., Аспидов А., Бовкало А.** Казанский собор – Издательство «Артдеко», 2001 – 272
6. **Бартенев И. А.** Конструкции русской архитектуры XVIII — XIX вв.: учеб. пособие. — Л., 1982.
7. **Бутиков Г. П., Хвостова Г. А.** Исаакиевский собор. — Л.: Лениздат, 1974.
8. **Мостовский М. С.** Храм Христа Спасителя. — М.: Профиздат, 2000 – 567 с.
9. **Сытина И. Д.** Храм Христа Спасителя в Москве. — М.: Товарищество, 1918. — 56 с.
10. **Тальберг.** «История Русской Церкви» Издательство Сретенского монастыря. Москва. 1997. 924 с.

УДК 378/147:378/661

Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко
Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и гуманитарной подготовки
Т.В. Жиброва
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 279-30-52;
e-mail: tashazhibrova@rambler.ru.
Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко
Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и гуманитарной подготовки
С.Е. Руженцев
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 279-30-52;
e-mail: rsevrn@yandex.ru.

Voronezh State Medical University
after N.N. Burdenko
PhD in History, Associate Professor of Philosophy and Humanities Study Chair
T.V. Zhibrova
Russia, Voronezh, tel. (473) 279-30-52;
e-mail: tashazhibrova@rambler.ru.
Voronezh State Medical University
after N.N. Burdenko
PhD in History, Associate Professor of Philosophy and Humanities Study Chair
S.E. Ruzhentsev
Russia, Voronezh, tel. (473) 279-30-52;
e-mail: rsevrn@yandex.ru.

Т.В. Жиброва, С.Е. Руженцев

**ИСТОРИЯ ВУЗА – ИСТОРИЯ СТРАНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ СТУДЕНЧЕСКИХ КОНФЕРЕНЦИЙ
В ВГМУ ИМ. Н.Н. БУРДЕНКО)**

Статья посвящена проблеме сохранения исторической памяти в отечественной культуре и связана с таким феноменом, как медицинские династии. На примере материалов студенческих конференций, прошедших в Воронежском государственном медицинском университете за 2017-2019 гг., так или иначе посвященных этой проблеме, авторы анализируют вклад воронежских медицинских династий в развитие медицины южных регионов России, а также делают акцент на значительном воспитательном эффекте подобных мероприятий.

Ключевые слова: студент медицинского вуза, медицинские династии, история, воспитательная работа, конференции.

T.V. Zhibrova, S.E. Ruzhemtsev

**HISTORY OF THE UNIVERSITY-HISTORY OF THE COUNTRY
(BASED ON THE MATERIALS OF STUDENT CONFERENCES
IN VORONEZH MEDICAL UNIVERSITY NAMED AFTER N.N. BURDENKO)**

The article is devoted to the problem of preservation of historical memory in the national culture and is associated with such a phenomenon as medical dynasties. On the example of the materials of student conferences held at the Voronezh state medical University in 2017-2019, one way or another devoted to this problem, the authors analyze the contribution of Voronezh medical dynasties in the development of medicine in the southern regions of Russia, and also emphasize the significant educational effect of such events.

Key words: medical University student, medical dynasties, history, educational work, conferences.

Материалом для написания данной статьи послужили результаты (тезисы, выступления и статьи) прошедших в Воронежском государственном университете им. Н.Н. Бурденко череды студенческих научных конференций по истории медицины в 2017-19 гг.

Как оказалось, тема медицинских династий оказалась наиболее плодотворной, вызывающей закономерный интерес у студентов, аспирантов и ординаторов не только нашего, но и сторонних вузов.

В 2018 г. студенческая научная конференция, посвященная этой тематике, собрала более 220 участников, в 2019 г. интересных выступлений стало еще больше, подготовленных студентами под руководством наших коллег также и из других вузов, в том числе зарубежных (рис. 1).

Рис. 1. Участники одной из секций конференции 2019 г.

В работе конференции в текущем году приняли участие студенты, аспиранты и ординаторы из 14 медицинских вузов и других университетов России и зарубежья, в том числе Ереванский ГМУ, Донецкий национальный ГМУ, Ставропольский ГМУ, Чеченский государственный университет, Башкирский ГМУ, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова, Оренбургский ГМУ, Ростовский ГМУ, Рязанский ГМУ, Южно-Уральский ГМУ, Белгородский государственный национальный университет, Елецкий ГУ им. И.А. Бунина и др. Отметим также, что активное участие в работе конференции приняли преподаватели медицинских кафедр ВГМУ им. Н.Н. Бурденко, которые задавали свои вопросы докладчикам, дискутировали, и в итоге отметили большое значение и воспитательную роль подобного мероприятия.

Действительно, исследование деятельности и исторического вклада медицинских династий Воронежского государственного медицинского университета в развитие медицины южных регионов России является не только актуальной научно-практической темой, но и важным воспитательным аспектом современной образовательной деятельности. Этой проблеме посвящён ряд различных научных и научно-публицистических работ, отражающих, преимущественно, биографические данные представителей той или иной медицинской династии [3.С.111-117]. Отличившиеся научно-исследовательские работы традиционно награждаются сертификатами (см. рис. 2).

Рис. 2. Участники конференции 2019 г.

По подсчетам специалистов, около 50% медицинских работников России сегодня являются представителями семейных династий [2.С.140]. Нужно ли этому удивляться? Ведь семейные профессиональные династии - это не только передача знаний, накопленного опыта, секретов мастерства от поколения к поколению, но и особая семейная атмосфера, в которой дети принимают решение пойти по стопам своих родителей. Династия передает багаж знаний, которые позволяют приобрести такие качества, как трудолюбие и целеустремленность, профессиональную ориентацию с раннего детства. Любая профессия требует от человека любви, упорства, настойчивости и знаний, а семья помогает эти качества укрепить.

Воронежский государственный медицинский университет за более, чем столетие своего существования подготовил и выпустил значительное количество известных медицинских деятелей не только России, но и мира, чьи научные труды и профессиональное служение долгу значительно обогатило медицинскую науку [3]. Среди ярких и старейших медицинских династий нашего вуза, которые нельзя обойти вниманием – династии Бобровых, Тумановских, Булыниных, Георгиевских, Земсковых, Толстых, Сафоновых, Русановых, Фурменко, Черных и многих других, изучению исторического опыта и биографий которых были посвящены яркие выступления на студенческих конференциях.

В данной статье остановимся только на некоторых из них. Так, династия воронежских врачей Бобровых насчитывает целых пять поколений медиков. Ее родоначальник Викторин Иванович Бобров в 1912 г. с отличием окончил медицинский факультет Императорского Юрьевского университета. Свои первые операции он провёл в госпиталях Первой мировой войны, совершив 12 командировок на различные участки фронта, за что был награждён орденами. В Воронеж он приехал в 1918 г. вместе со своим товарищем Николаем Ниловичем Бурденко в составе Дерптского университета. На базе лечебницы Николаевской общины Красного Креста ими была организована лечебная и преподавательская работа. В 1924 году Викторин Иванович Бобров открыл первое в Воронеже и области отделение для больных костно-суставным туберкулёзом. И до конца жизни он свободно оперировал пациентов с проблемами ортопедии, урологии, брюшной полости, заведовал в Воронежском

медицинском институте кафедрами факультетской хирургии, ортопедии и травматологии. Его жена Полина Федоровна также была хирургом.

В семье Бобровых родились три дочери: Нина, Елена и Ольга, которые пошли по стопам родителей, - посвятили свою жизнь врачебному искусству. Нина стала хирургом, Елена - офтальмологом, а Ольга - травматологом. В честь памяти отца сестры не поменяли фамилии при замужестве, так как Викторин Иванович Бобров очень переживал, что не оставил мужского потомства.

Основателем еще одной известной воронежской династии Тумановских был Михаил Николаевич Тумановский, заслуженный деятель науки Удмуртской АССР и РСФСР, доктор медицинских наук, профессор, известный ученый-кардиолог и педагог. Вклад Михаила Николаевича в науку нельзя переоценить. Профессор Тумановский М. Н. является автором 100 научных работ и 7 монографий, под его руководством выполнено около 300 научных работ, более 40 кандидатских и докторских диссертаций, издано 5 научных сборников «Электроника и химия в кардиологии». Множество терапевтических и кардиологических международных конгрессов, съездов и симпозиумов посетил профессор Тумановский М. Н. Его сын Юрий Михайлович с 1986 года является доцентом кафедры патофизиологии ВГМУ им. Н. Н. Бурденко. На сегодняшний день он имеет более 200 печатных работ, 8 рационализаторских предложений, 1 изобретение – все это достижения доцента Тумановского Ю.М., кроме того многочисленные участия в работах Международных, Всесоюзных, Всероссийских съездов и конференций. Традиции семьи продолжила дочь Юрия Михайловича, Галина, которая с 1998 года работает в консультативном отделе для детей ВОККДЦ в качестве детского врача - кардиоревматолога. В 2012 г. она признана лучшим врачом ВОККДЦ года [4.С.30].

Еще одной из известных династий нашего университета является династия Черновых, общий медицинский стаж которой около 340 лет. Основатель династии Чернова Антонина Филипповна - участник Великой отечественной войны. По линии Красного Креста она сопровождала раненых на железнодорожных поездах, работала в эвакогоспитале. Ее сын Юрий Николаевич Чернов - доктор медицинских наук, профессор, почти четверть века заведующий, а ныне профессор кафедры клинической фармакологии ВГМУ им. Н.Н. Бурденко. В 1992 – 2006 гг. декан лечебного факультета, почетный профессор кафедры клинической фармакологии университета. Почетный доктор ГосНИИИ военной медицины Министерства обороны. Заслуженный врач России. У Юрия Николаевича двое детей: Татьяна Юрьевна и Сергей Юрьевич. Татьяна – выпускница ВГМИ, кандидат медицинских наук, руководитель нескольких фармацевтических центров по регистрации и клиническим испытаниям новых лекарственных препаратов в г. Москва. Чернов Сергей Юрьевич также выпускник лечебного факультета ВГМИ (в 1993 году окончил институт с красным дипломом), кандидат медицинских наук, доцент. С февраля 2009 года и по настоящее время работает в должности доцента кафедры общественного здоровья и здравоохранения ВГМУ, запланировал докторскую диссертацию.

Еще одна яркая династия медицинской истории Воронежского края – династия Земсковых [5.С.135-137]. Основатель династии Земсков Михаил Васильевич родился в бедной семье в городе Саратове. В 1926 году он поступил на ветеринарный факультет, где увлекся микробиологией. В 1927 году, после смерти отца, Михаил стал единственным кормильцем многодетной семьи, потому он и заключил контракт на хозяйственную стипендию в зооветинституте, благодаря чему смог поставить на ноги младших сестер.

В своем желании развиваться вскоре он поступил на второй курс лечебного факультета Воронежского медицинского института. По его словам, именно там он смог получить достойное и современное медицинское образование. Как ученый и педагог он сформировался под влиянием профессоров Ф. М. Никифоровского, С. Е. Пучковского, Г. М. Иосифова и блестящих клиницистов Н. И. Лепорского, Н. А. Куршакова, А. Г. Русанова, Н. Н. Назарова, И. В. Георгиевского, В. И. Боброва, которые были не только крупными

специалистами, но и высокообразованными людьми. Полученные знания от своих наставников, Земсков всю жизнь передавал своим ученикам.

Во время войны Михаил Васильевич был назначен главным эпидемиологом фронта, в составе 29 армии Калининского фронта (июнь 1941 г. - ноябрь 1942 г.), 3 Гвардейской армии Юго-Западного фронта (ноябрь 1942 г. - май 1943 г.), а позднее, главного эпидемиолога Юго-Западного, 3-го Украинского фронтов (май 1943 г. - август 1945 г.). Михаил Васильевич Земсков издал 2 монографии, написал учебники по общей и практической микробиологии, опубликовал более 200 научных работ, был доктором ветеринарных и биологических наук, лауреатом государственной премии 3-й степени, кавалером боевых и гражданских орденов, семи медалей, автором трех открытий. Его стаж работы - более 50 лет. Наследники Михаила Васильевича и продолжатели династии - его сыновья Владимир Михайлович и Андрей Михайлович Земсковы. Сейчас профессор В. М. Земсков - эксперт международного уровня в области клинической иммунологии и иммунофармакологии. Земсков Андрей Михайлович сейчас заведующий кафедрой микробиологии, доктор медицинских наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор, обладатель золотой медали им. Сеченова, автор открытия по иммунологии, лауреат премии правительства РФ. Он опубликовал более 500 научных работ, создал более 50 учебников, учебных пособий, монографий, справочников, руководств, энциклопедию по иммунологии.

Профессиональная преемственность в династиях имеет особое значение, она необходима для передачи опыта, традиций и профессиональных знаний. Традиционно на студенческих научных конференциях, посвященных теме медицинских династий в ВГМУ им. Н.Н. Бурденко, заслушиваются доклады, подготовленные студентами из семей врачей, работников медицины, в разные годы закончивших воронежский вуз и посвятивших жизнь этой сложной профессии. Очень волнительно слышать из уст сегодняшних первокурсников истории о ежедневных трудовых буднях их бабушек и дедушек, мам и пап, об их успехах в профессии.

Аудитория, состоящая из студентов младших курсов, жадно внимает каждому слову докладчика, так как то, что они слышат, произошло совсем недавно, это живая история, и возможно, перед ними – продолжатель медицинской династии, будущий высококлассный специалист своего дела (см. рис. 3).

Рис. 3. Выступление продолжателя династии.

Надо ли говорить, как повышается мотивация студентов, какой положительный воспитательный эффект имеют такие выступления [1.С.111]. Приведем в пример отрывки из некоторых из них: «Я считаю, что каждый из членов моей семьи – профессионал своего дела. Например, мой дедушка – патологоанатом. Он заведует одним из патологоанатомических бюро нашего города. Выбрав такую специфичную профессию, он подвергает себя дополнительному риску из-за того, что работает с материалом, инфицированным такими болезнями, как туберкулез, гепатиты, СПИД и т.д. Бабушка – анестезиолог-реаниматолог. Местом её работы был роддом, поэтому на ней лежала колоссальная ответственность не только за жизнь женщины, но и ребенка. От врача такой профессии требуется чрезвычайная концентрация, собранность и эмоциональная устойчивость... Профессия моей мамы – терапевт-профпатолог в главной больнице нашего города. Ежедневно она контактирует с множеством пациентов. Ей, как и любому специалисту, требуются новые знания об имеющихся болезнях. Поэтому с начала своей врачебной практики она не перестает учиться. По моему мнению, это одни из качеств, необходимых врачу – желание не останавливаться на достигнутом и развиваться в выбранном направлении» [6.С.170].

«Особо многопрофильной и сложной является специальность моего папы. Он – гистолог-патологоанатом. Но кроме этого, он занимает должность заведующего главным патологоанатомическим бюро. Его работа включает в себя огромное разнообразие видов деятельности, которые требуют от него знания большого количества информации практически о каждом имеющемся заболевании и об изменениях, которые они оставляют в организме. Не зря говорят, что «патологоанатом – лучший диагност». Беря пример со своих родителей, я решила идти по их стопам. Они показали мне значимость профессии врача для людей. Ни кто иной, как члены моей семьи помогли сформировать правильное отношение к будущей специальности. Они, безусловно, поддерживают меня и мое решение. Поэтому для меня очень важно стать высококвалифицированным специалистом и продолжить династию нашей семьи» [6.С.171].

В заключение отметим, что медицинские династии занимают особое место в истории любого вуза, любой страны. Наш университет может гордиться тем, что подготовил и выпустил замечательных специалистов своего дела, с детства определившихся со своей будущей профессией, поступательно идущих к своей цели и увлекающих за собой других.

Библиографический список

1. Профессиональная подготовка будущих специалистов различного профиля / Нагорнова А. Ю., Пивень В. В., Рогалева Г. И., Цырендоржиев А. Э., Степаненко Л. В., Ноздрин Н. А., Камалеева А. Р., Колчина О. Е., Желтова Е. П., Собянин Ф. И., Арсеев Е. А., Никифоров Ю. Б., Мацко А. И., Макашев Ш. А., Григорьев О. А., Щелина Т. Т., Аверьянова Г. А., Хритинина Т. А., Сергина Е. А., Киселев А. В. и др. коллективная монография/ отв. ред. А. Ю. Нагорнова. - Ульяновск, 2019. - С. 111-117.
2. **Жиброва Т.В.** Традиции Юрьевского университета и хирургической школы Цеге фон Мантейфеля в Воронежском медицинском университете им. Н.Н. Бурденко / Т.В. Жиброва, С.В. Маркова // Сточиковские чтения. Сборник статей 17-ой международной научной конференции 24 мая 2019 г. – ННИИ общественного здоровья им. Н.А. Семашко. - М., 2019. - С. 140-144.
3. **Руженцев С.Е.** «На что жалуетесь?» Г.А. Захарьин – врач дореволюционной России / С.Е. Руженцев, Т.В. Жиброва, Е.В. Колчина, Я.В. Аржаных // История повседневности и образ жизни россиян в веках. – Материалы Всероссийской научно-практической конференции с

международным участием, посвященной 80-летию шадринского государственного педагогического университета. – 2019. – С. 142-146.

4. **Чернышова В.С.** Тумановские в истории медицины России / В. С. Чернышова, Т. В. Жиброва, С. Е. Руженцев // Молодежный инновационный вестник– 2018. – Т. 7. № S2. – С. 30-31.

5. **Лавриненко Е.В.** Династия Земсковых // Молодежный инновационный вестник. - 2019. – Том VIII. Приложение 1. - С. 135-137.

6. **Проценко А.С.** По стопам своих родителей: династия врачей Проценко // Молодежный инновационный вестник. - 2019. – Том VIII. Приложение 1. - С. 170-171.

*Воронежский государственный университет
Доктор исторических наук, доцент кафедры
регионоведения и экономики зарубежных стран
М.В. Кирчанов
Россия, г. Воронеж, тел. 89805447525
e-mail: maksymkyrchchanoff@gmail.com*

*Voronezh State University
Dr. Hab in History, Associate Professor of Chair of
Regional Studies and Foreign Countries Economies
M. V. Kirchanov
Russia, Voronezh, tel. 89805447525
e-mail: maksymkyrchchanoff@gmail.com*

М.В. Кирчанов

ТЮРКИЗМ КАК ПАРАДИГМА ТУРЕЦКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Автор анализирует особенности исторической политики как политики памяти в современной Турции. Предполагается, что историческая политика, с одной стороны, успела стать универсальной формой идеологически и политически мотивированных манипуляций историей в транзитных и национализирующихся обществах, когда история используется элитами как инструмент для «приручения» политически актуального прошлого. Страны Центральной и Восточной Европы и также Россия проводят эту форму исторической политики. С другой стороны, историческая политика в некоторых других странах, где этнический национализм развит больше, чем гражданский проявляется в национализации древней истории, этнической и лингвистической истории. Автор использует методы, предложенные в междисциплинарных штудиях национализмом и идентичностей, интеллектуальной истории, истории идей и археологии идей, которые могут быть использованы для анализа различных форм политики памяти и идеологически мотивированных манипуляций с историей, применяемых политическими элитами для собственной легитимации. Автор статьи анализирует, как современные турецкие интеллектуалы конструируют тюркские образы, актуализируя идеи этнического и лингвистического родства, доказывая позитивное и прогрессивное влияние тюркских предков на их соседей. Автор полагает, что эти формы политики памяти в Турции не мутировали в фольк-хистори, но смогли сохранить академический характер, потому, что акторы турецкой политики памяти активно используют достижения академической историографии. В целом предполагается, что тюркские мотивы в исторической политике современной Турции связаны с развитием идей и концептов этничности и ценностей турецкого этнического национализма.

Ключевые слова: Турция, историческая политика, политика памяти, тюрки, тюркизм, пантюркизм, национализм

M. V. Kirchanov

TURKISM AS A PARADIGM OF TURKISH POLITICS OF MEMORY

The author analyzes the features of politics of memory in modern Turkey. It is assumed that historical politics, on the one hand, became a universal form of ideologically and politically motivated history manipulation in transiting and nationalizing societies, when elites used history as a tool for “taming” of politically relevant past. The countries of Central and Eastern Europe and Russia also pursue this form of historical policy. On the other hand, historical politics in some other countries where ethnic nationalism developed more than civic one expressed in the nationalization of ancient history, ethnic and linguistic histories also. The author uses the methods proposed in interdisciplinary nationalism and identities studies, intellectual history, the history of ideas and the archeology of ideas, which can be used to analyze various forms of memory politics and ideologically motivated manipulations with history, political elites use for their own legitimations. The author of the article analyzes how modern Turkish intellectuals construct Türkic images, actualizing the ideas of ethnic and linguistic kinship, proving the positive and progressive influence of Turkic ancestors on their neighbors. The author believes that these forms of politics of memory in Turkey did not mutate into folk-history, but actualized academic character of historical policy, because the actors engaged in Turkish politics of memory use the achievements of academic historiography actively. In general, it is assumed that Türkic motives in the historical politics of Turkey, on the one hand, were inspired by of ethnicity ideas and concepts of Turkish ethnic nationalism.

Key words: Turkey, historical politics, politics of memory, Türks, Turkism, pan-Turkism, nationalism

Формулировка проблемы. Утверждения о взаимосвязи и зависимости политики и исторической науки давно перестали быть предположениями и допущениями, став общим местом в историографии, сфокусированной на изучении проблем роли и статуса истории как формы знания в различных обществах – от модернизирующихся и транзитивных государства до устойчивых демократий или консервативно стабильных недемократических авторитарных режимов. Если в 19 и 20 веках, в условиях политической и социальной модернизаций, культурных трансформаций традиционных групп в нации как воображаемые сообщества, функционирования как правых, так и левых авторитарных или тоталитарных режимов история была формой политических и националистических мобилизаций, то в 21 веке история актуализировала свои новые социальные функции.

Развитие глобализации и информационного общества, сохранение значительной роли в культурной и интеллектуальной жизни практически всех стран национализма, продолжение существования наций-государств как основных акторов международных отношений – все эти факторы вынуждают элиты искать или выстраивать новые тактики и стратегии как коммуникации с академическими профессиональными группами и сообществами историков, так и использования истории для достижения своих узких целей или легитимации протекающих политических процессов или исторически сложившихся институтов и форм отношений.

Эти тактики использования истории, хотя и имеют общие черты с более ранними политически и идеологическими манипуляциями исторической наукой, тем не менее, они могут быть определены как новое интеллектуальное явление, известное в современной историографии как историческая политика или политика памяти, хотя возможны и более частные дефиниции, среди которых и политика прошлого (*Vergangenheitspolitik* [23; 30; 39]), и политика идентичности (*Identitätspolitik* [38; 43; 48]), и культура памяти (*Erinnerungskultur* [21]), и культура истории (*Geschichtskultur* [46]), и историческое сознание (*Geschichtsbewusstsein* [22]). Практически все эти дефиниции, ставшие академическими неологизмами, в современный русский язык проникли из немецкого и вполне применимы для описания и анализа различных тактик, практик и стратегий, используемых правящими политическими элитами для контроля над исторической памятью и использованием истории ради реализации и защиты своих корпоративных целей и интересов. Историческая политика как политика памяти в смысле ее цензурирования, корректирования, форматирования и ретуширования применяется элитами практически всех стран современного мира. Современная Турция не является исключением из этой универсальной логики политически и идеологически мотивированного использования истории.

Цель и задачи статьи. Поэтому в центре авторского внимания в данной статье будет историческая политика в ее турецком варианте, что определяет как цель, так и задачи исследования. Исходя из того, что тюркизм воспринимается как элемент исторической политики, автор не рассматривает в этой статье историю пантюркизма и его историографию, полагая, что они нуждаются в самостоятельном изучении и не могут быть сфокусированы только до форм и проявлений исторической политики. Целью статьи является анализ тюркизма и пантюркизма как элементов современной исторической политики и политики памяти в Турции. Задачи статьи состоят в изучении роли различных академических и неакадемических форм и версий тюркизма и пантюркизма как изобретенных культурных, интеллектуальных и историографических традиций в современном историческом и частично политическом воображении турецкого общества.

Методология. Цель и задачи, сформулированные в статье, определяют и те методологические принципы, которыми руководствовался автор. Автор, с одной стороны, полагает, что, принимая во внимание особенности культурной генеалогии исторической политики, ее изучение вполне возможно как в рамках современных междисциплинарных штудий национализма [20] и изобретения традиций [44], так и в теоретических контекстах интеллектуальной истории [45] и археологии идей [29]. С другой стороны, следует признать, что цель и задачи статьи не должны вводить потенциального читателя, воспитанного на

традиционной позитивистской историографии, в заблуждение. Поэтому, эта статья не является историографической статьей и тем более не может быть определена как историографический обзор. Автор статьи анализирует не историю исторического знания, но идеологически мотивированные формы использования истории, ее манипуляции и попытки интеграции в политический канон национальной или государственной идентичности.

Историография. Несмотря на то, что историческая политика или политика памяти принадлежат к числу относительно новых явлений, которые характеризуют современную гуманитарную ситуацию, они, тем не менее, практически сразу привлекли внимание исследователей, которые ранее могли специализироваться на интеллектуальной истории, методологии исторической науки или междисциплинарных штудиях национализмов и идентичностей и, хотя первые использования этих дефиниций в их современном понимании могут быть датированы второй половиной 2000-х годов, вероятно, имеет смысл признать, что политика памяти имеет свою историографию [8;9]. Анализируя историографию, сфокусированную на исторической политике, нам, вероятно, следует признать, что она является не очень разнообразной по изучаемым регионам.

Большинство исследований по исторической политике сфокусированы на проблемах политик памяти и прошлого в странах Центральной или Восточной Европы [2;3;8;9]. В ряде случаев в центре внимания исследователей оказывается историческая политика в Германии и Франции [10], но помимо политик памяти в этих странах существуют и другие национальные версии политически и идеологически мотивированных проработок прошлого [5;6;7], которые практически неизвестны в российской современной историографии [4;37]. Одной из таких стран, активно проводящих историческую политику, формы, особенности и результаты которой фактически неизвестны в российской историографии, является Турецкая Республика [1].

Актеры и институты тюркизма как исторической политики. Анализируя тюркизм как форму современной исторической политики Турции, во внимание следует принимать то, что несколько институций занимаются актуализацией принципов тюркизма в турецкой политике памяти. Несколько государственных или общественных, культурно-исторических организаций в своей деятельности актуализируют ценности и идеи тюркизма, визуализируя их во внутренней политике Турции или на международной арене. Среди таких организаций особую роль играет Международный тюркский курултай, съезды которого привлекают активистов тюркских культур и движений, проходя с определенной периодичностью в различных странах тюркского мира.

Турецкая историческая организация (Türk Tarih Kurumu, ТТК) и Турецкое лингвистическое общество (Türk Dil Kurumu, ТДК) являются, вероятно, центральными и ведущими актерами политики памяти в Турции в ее тюркистской и этноцентричной версии, содействуя актуализации официальных и санкционированных политическими элитами точек зрения не только на ключевые события новейшей турецкой истории, но и фактически легитимируя тюркизацию древней истории, включая этнические и языковые контакты тюркских и нетюркских групп, а также дискуссионные проблемы тюркского этнического и лингвистического присутствия в древней истории. Тюркский совет (Türk Keneşi) или Совет Сотрудничества тюркоязычных государств (Türk Dili Konuşan Ülkeler İşbirliği Konseyi) призван визуализировать присутствию тюрков в современном мире как политических акторов. Парламентская ассамблея тюркоязычных стран (Türk Dili Konuşan Ülkeler Parlamenter Asamblesi – TÜRKPА) призвана визуализировать идеи тюркизма политически. Международная организация тюркской культуры (Uluslararası Türk Kültürü Teşkilatı – TÜRKSÖY) представляет крупнейшую международную организацию тюркских стран, которая в своей деятельности призвана визуализировать культурные идентичности тюркских наций и государств. Формально ни одна из этих организаций не занимается исторической политикой или политикой памяти, но фактически все из них принимают участие в формировании исторической повестки дня в тюркских государствах.

Тюркистские социальные ритуалы турецкой исторической политики.

Актуализация тюркистских мотивов в исторической политике современной Турции требует от институций, вовлеченных в политику памяти в качестве акторов, периодических действий и культурных практик, которые имели бы социальное значение и могли бы играть роль факторов политической, этнической и культурной консолидации. Дни турецкого языка (Türk Dil Günü), впервые организованные по инициативе Ататюрка в 1932 году [51] и традиционно отмечаемые ежегодно 26 сентября [24], на современном этапе исторической политики Турции являются универсальной формой визуализации и актуализации идей, принципов и ценностей тюркизма. Дни турецкого языка призваны актуализировать как видимость турецкой идентичности как тюркской, так и визуализировать единство нации. Различные политические, социальные, культурные и экономические акторы и институции вовлечены в политически и культурно значимые практики и ритуалы, связанные с Днем турецкого языка. Энтузиасты исторической политики как политики памяти, вовлеченные в актуализацию символической преемственности, периодически ссылаются на авторитет Ататюрка, утверждавшего, что «язык является национальным богатством, является основным участников в развитии нашего национального самочувствия. Турецкий язык является одним из самых богатых языков... Турецкая нация, которая знает, как сохранить высокую независимость своей страны, должна спасти свой язык от ига иностранных языков» [53].

Среди участников коммеморативной политики, связанных с актуализацией тюркизма, и экономические акторы, например – Turkish Airlines [49]. В проведение Дней турецкого языка вовлечены и учебные заведения [50], что призвано актуализировать преемственность социальных и исторических поколений. 2017 год был объявлен в Турции Годом турецкого языка (Türk Dili Yılı [13]), на протяжении которого власти запустили специальный сайт [14], провели «большое количество научных, культурных и художественных мероприятий», но и предпринимали «социальные, правовые и научные меры для обеспечения правильного и красивого использования турецкого языка, что является неотъемлемой гарантией нашего национального единства» [15].

Дни турецкого языка в современной Турции являются поводом для элит делать политически и идеологически мотивированные послания, которые актуализируют как отдельные, преимущественно – критические или героические моменты, турецкой истории, так и единство исторических, социальных и культурных поколений современной турецкой нации. Например, в 2016 году Президент Турецкой Республики Реджеп Тайип Эрдоган, подчеркивал, что «язык – самый важный показатель того, что каждая нация является независимой, свободной, имеет богатый опыт в сфере культуры, а также традиции, уходящие корнями в прошлое. Стремление турецкого народа к независимости, сохранению своей самобытности, культуры и образа мышления лучше всего проявилось на примере турецкого языка... Несмотря на взаимодействие с различными языками, древний турецкий язык не утратил своей самобытности. В этой связи важную роль играют уникальный образ мышления, научные исследования, выдающиеся произведения литературы, живописи. Необходимо поощрять турецкую молодежь в деле сохранения чистоты языка. Наш общий долг — оберегать турецкий язык и передавать его будущим поколениям. Призываю всех граждан внимательно отнестись к этому вопросу» [11].

Не только Президент, но и другие представители политического класса периодически актуализируют в общественном дискурсе важность и ценность турецкого языка как основы турецкой идентичности. Например, в 2018 году глава региона Малатья в своем выступлении подчеркивал центральное значение турецкого языка в сохранении и развитии турецкой политической и этнической идентичности, полагая, что «наличие идеи нации гарантирует наше будущее... одной из наших важнейших задач должно быть избавление от привычки использовать иностранные слова... следует понимать и осознавать важность и ценность национального языка... Язык – это наша индивидуальность... на протяжении истории враги неоднократно пытались уничтожить турецкий язык и культуру при помощи жестоких и безнравственных заговоров» [16]. Периодические актуализации роли турецкого языка в

общественном дискурсе современной Турции свидетельствует о том, что историческая политика связана самым тесным образом с ценностями и принципами этнического национализма, формы проявления которого в турецкой политике памяти характеризуются значительной гетерогенностью.

Трансплантации тюркской этничности в исторической политике. Другой формой актуализации тюркской компоненты в политике памяти современной Турции следует признать регулярные попытки интеллектуалов распространить тюркскую или прототюркскую идентичность на группы, чье происхождение спорно или на те общности, которые, как доказано в академической историографии, не были тюркскими. Примечательно, что эта форма националистически ориентированной проработки прошлого и стратегия манипуляции исторической памяти характерна не только для современных турецких националистов, но и для национальных активистов в других странах тюркского мира, которые склонны распространять тюркскую этничность или свои национальные идентичности на историческое население тех или иных регионов, на территории которых в настоящее время находятся современные тюркские государства. Жертвами подобной национализации истории и экспорта современной турецкой идентичности и тюркской этничности стали хетты. С формальной и академической точки зрения, хетты, с одной стороны, не имеют ничего общего с современными турками кроме того, что Турция занимает часть территорий, на которых в древности находилось Хеттское Царство.

С другой стороны, хеттская тема с определенной регулярностью актуализируется в общественной жизни Турции. Например, с 2015 году власти Анкары были вынуждены из-за строительных работ переместить один из памятников хеттского периода, что вызвало волну дискуссий, мнения в ходе которых были разнообразны, варьируясь от археологической аргументации до политически мотивированных обвинений в проявлении враждебности в отношении Ататюрка [25]. В рамках турецкой исторической политики не только популяризируется идея тюркского происхождения хеттов, но хеттские образы активно продвигаются в социальных и культурных пространствах современной Турции [17]. Например, власти осознают, что присутствие хеттов в общественных пространствах может стать фактором, привлекающим туристов, что, правда, не мешает им позиционировать хеттов в качестве своих исторических и этнических предков. Власти ряда регионов Турции, где исторически обитали хетты, стали инициаторами проекта «Hitit Yolu», направленного на увеличение числа туристов [47]. Современная историческая политика Турции активно использует хеттские образы, так как ее форматоры и активисты осознают их потенциал в формировании позитивного образа страны. Если некоторые западные СМИ склонны критиковать Турцию, периодически обвиняя ее в нарушении прав человека, то активисты исторической политики в полемики с ними обращаются к хеттскому наследию, пытаясь доказать, что хеттская цивилизация, наследниками которой являются турки, стала известна благодаря таким ее атрибутам как «первая в мире письменная конституция, права женщин и развитая система правосудия» [19].

Муниципальный Центр Современного Искусства Чанкая (Çankaya Belediyesi Çağdaş Sanatlar Merkezi [32]) активно вовлечен в попытки визуализации хеттского наследия в современной Турции, актуализируя роль турецких историков и археологов в изучении хеттов, активности которых в этом направлении воспринимается как часть попыток локализовать хеттское наследие в тюркских контекстах. Тюркское происхождение хеттов периодически актуализируется в дискурсе турецких СМИ [12], а интерес к этой теме поддерживается искусственно. Некоторые СМИ современной Турции активны в своих попытках синтезировать международный академический и турецкий националистический канон, предлагая относительно компромиссные, но фактически этноцентричные интерпретации хеттов и их роли в истории Турции. С одной стороны, может признаваться, что «хетты не были турками, хетты были ариями, народом индогерманской расы. Недавние исследования подтверждают это... нет достаточных доказательств, чтобы утверждать, что хетты — это турки», но, с другой стороны, может утверждаться и то, что «во время

исследований было доказано, что киммерийцы, пришедшие в Анатолию с хеттами, а затем скифы, были турками. Можно сказать, что хетты имеют непосредственное отношение к туркам или древнейшим предкам турок».

В целом же, в отношении хеттов в дискурсе турецкой исторической политики доминирует точка зрения, что «есть другие свидетельства того, что тюрки были тюрками в Анатолии в древние времена» [33]. Хеттские нарративы в современной турецкой исторической политике памяти гетерогенны и весьма противоречивы, особенно – в контексте их академического уровня в силу того, что часто вступают в конфликт с теми точками зрения, которые доминируют в международной хеттологии. Некоторые активисты исторической политики в Турции понимают это, и поэтому пытаются синтезировать ценности политически инструментализированного тюркизма с имитацией академической историографии. Поэтому, в умеренной версии исторической политики может и признаваться то, что хеттский язык был индо-европейским, но при этом параллельно будет утверждаться, что «турки являются наследниками древних анатолийских культур, и, защищая и исследуя полученное нами наследие, мы служим миру человечества» [34].

Если турецкие авторы, вовлеченные в реализацию исторической политики и признают то, что хетты были индоевропейцами, они настаивают, что происхождение их предшественников – хаттов – на этой территории дискуссионно и, поэтому, логично предположить, что если те и не были турками, то вполне могли быть пратотюрками [18]. В частности, в турецких публикациях, посвященных хеттам, можно встретить утверждения, что тюркские предки турок или непосредственно сами турки были очень гуманны, не уничтожали местное население на завоеванных территориях, но мирно и постепенно ассимилировали его – поэтому, некоторые активисты турецкой исторической политики как политики памяти настаивают, что именно современные турки «являются наиболее естественными наследниками хеттской цивилизации и древних анатолийских цивилизаций с точки зрения крови и культуры» [35].

За этими миролюбивыми утверждениями скрыта попытка провести преемственность и доказать континуитет между тюркскими предками турок и теми обитателями Малой Азии, которые принадлежали к другим этническим и языковым группам. Хетты – не единственные жертвы манипуляций с этничностью в современной исторической политике. Этруски, группа со спорным этническим происхождением и лингвистической принадлежностью, также является объектом проекции тюркской этничности. Турецкие активисты исторической политики предпочитают не очень корректно цитировать английского историка Кр. Хэмптона [31], который еще в 1960-е годы патетически декларировал, что этруски не погибли, не оставив культурного и исторического наследия. В рамках манипуляций с историей этруски в турецкой исторической политике фигурируют как «türklerin ilk ataları» или «первые предки турок» [27].

Кроме этого, турецкая историческая политика потворствует неакадемическим исследованиям в области этрусской истории, доказывая, что между тюрками и этрусками существовали многочисленные языковые, культурные и музыкальные общие черты и характеристики [28], которые позволяют воспринимать этрусков как «туранских сынов, которые жили в Италии» или «италийских тюрков» [40]. Современные активисты исторической политики творчески развили предположение английского историка, интегрировав его идеи в турецкий националистический канон, настаивая, что «etrüsk milleti ölmemiştir» [26], то есть «этрусский народ не умер», видя его историческое, культурное, генетическое и языковое продолжение в турках.

Кроме хеттов и этрусков в рамках современной турецкой политики памяти, которая фактически обретает черты политически и идеологически мотивированных националистических манипуляций с историей, жертвами трансплантации тюркской этничности периодически становятся шумеры [52], когда энтузиасты исторической политики [42] проводят явно неакадемические параллели между шумерским и турецким языками [36],

актуализируя «тюркские» корни шумеров [41] и, доказывая то, что первый был тюркским или родственником другим тюркским или в более широком смысле алтайским языкам.

Анализируя исторические манипуляции энтузиастов турецкой политики памяти, во внимание следует принимать, как минимум, два фактора. Во-первых, турецкие интеллектуалы не одиноки в своем стремлении наделять турок великими историческими предками – эта практика фактически обрела универсальное значение для национализмов других тюркских наций, политические активисты которых также склонны воображать хаттов, хеттов, шумеров и этрусков в качестве тюркских предков. Во-вторых, подобные исторические интервенции турецких активистов политики памяти и попытки экспорта турецкой идентичности или тюркской этничности различным группам населения со спорной или установленной принадлежностью к другим языковым семьям свидетельствует о значительной роли факторов этничности и ее значимости для турецкой политики и публичных пространств, которые благодаря исторической политике, выдержанной в рамках национально ориентированной парадигмы, фактически становятся продолжением националистического дискурса.

Предварительные итоги. Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать несколько факторов, которые определяют основные направления, векторы и траектории развития исторической политики как политики памяти в отношении тюркского происхождения турок, родственных наций за пределами Турции, этнизированных версий идентичности в форме *türklük*, а также формы их артикуляции и визуализации в публичных, общественных и культурных пространствах. Интерес турецких интеллектуалов к тюркам имеет гетерогенный характер и множественные проявления.

Во-первых, принимая во внимание значительную роль этнического национализма мы можем констатировать значительную заинтересованность как академических интеллектуалов, так и националистических активистов в поисках тюркских предков современных турок и родственных им наций. Во-вторых, особое внимание в рамках тюркоцентричной версии исторической политики уделяется проблемам *türklük* как этнизированной этничности. В-третьих, обязательным элементом и компонентом исторической политики памяти в ее тюркоцентричной версии следует признать как интерес к истории, литературе и языкам родственных групп за пределами Турции, так и нарочито подчеркнутые проявления тревоги и беспокойства за перспективы сохранения и развития тюркских идентичностей, в первую очередь – в Российской Федерации. Вероятно, именно этноцентризм и склонность турецких историков абсолютизировать фактор этничности в значительной степени определили основные векторы и траектории развития тюркских нарративов и образов, а также формы их актуализации и визуализации в современной турецкой исторической политике памяти. Анализируя тюркские элементы в турецкой исторической политике, следует принимать во внимание и то, что они возникли как следствие нескольких национальных травм связанных как с распадом Османской Империи, так и осознанием турецких интеллектуалов-националистов, что существование турок как нации в первой четверти 20 века могло быть поставлено под сомнение их более консолидированными, политически модернизированными и экономически активными греческими и армянскими соседями, в чьи планы не входило сохранение турецкой государственности.

Поэтому турецкие интеллектуалы и националисты на протяжении длительного времени страдали от ментальной травмы, вызванной падением Империи в результате поражения в первой мировой войне, но турецкий национализм обладал значительным модернизационным и адаптивным потенциалом, что позволило националистам подчинить историографический и интеллектуальный дискурс, поставив историю на службу задачам политической и националистической модернизации. Турецкие националисты, вероятно, применили универсальные стратегии политической и этнической консолидации, обратившись к истории, которая воспринималась ими как доказательство того, что тюрки в целом и турки в частности в прошлом имели великие государственные традиции. Поэтому, турецкие

историки и политики были склонны не только искать проявления великого исторического турецкого прошлого, но и реальные доказательства политической видимости и присутствия родственных тюркских групп на обширных территориях от Азии до Европы.

В этой ситуации особую активность для них обрело нахождение других родственных групп, в качестве кандидатов, на статус которых турецкие интеллектуалы рассматривали тюркские народы, которые к началу 20 века пребывали под контролем Российской Империи, а к 1990-м годам сформировали новые независимые государства в Закавказье и Центральной Азии или смогли визуализировать свои государственные и политические институты на территории Российской Федерации. Анализируя особенности тюркского фактора в турецкой исторической политике, во внимание следует принимать и то, что этнический национализм стал одним из основных стимулов развития турецкого национального воображения в целом и историографии в частности. Политические предпочтения и настроения, которые постепенно оформились в концепт *türklük*, как изобретенную историографическую традицию, не только вынуждали турецких интеллектуалов культивировать нарратив об особой роли, миссии и пути исторического развития тюркского мира, но и развивать политические мифологемы о благотворном тюркском влиянии на другие группы и почти повсеместном прогрессивном присутствии тюрок в различных регионах.

Изучение тюркской истории или «изобретение» и «воображение» тюркского вклада в историю стало полигоном для турецких интеллектуалов, на котором они апробировали различные тактики и стратегии воображения и изобретения этничности. С формальной точки зрения, тюркологию в Турции можно воспринимать как дихотомию. С одной стороны, несомненно, развитие академических исследований тюркской истории, языков, литератур и культур. С другой стороны, тюркские штудии стали компонентом исторической политики и одной из стратегий идеологически мотивированной проработки прошлого и конструирования такой версии исторической, культурной и политической памяти, которая в максимальной степени соотносилась бы с идеологическим каноном и актуальной повесткой дня. Развивая тюркские тренды в исторической политике, турецкие интеллектуалы решают одновременно несколько задач прикладного политического свойства, доказывая и актуализируя, во-первых, видимость тюрок в истории, во-вторых, показывая их значительное пространственно-территориальное распространение, и, в-третьих, утверждая прогрессивное влияние тюркских групп на нетюркские.

В целом, тюркские компоненты в турецкой исторической политике памяти стали фактически частным случаем решения более широкой задачи, предусматривавшей формирование аттрактивного, положительного и привлекательного образа тюрок как группы, которая стала источником распространения прогрессивных политических, социальных, экономических и культурных изменений. Кроме этого тюркологические штудии турецких интеллектуалов и тюркистские компоненты политики памяти используются как повод для актуализации этнической компоненты в турецком националистическом воображении, что, вероятно, свидетельствует о доминировании мифических принципов и ценностей *türklük* как идей этнического и языкового родства над идеями политического национализма гражданской турецкой нации.

Библиографический список

1. **Актюрк Ш.** Историческая политика в Турции: ревизионистская историография бросает вызов официальной версии войны Турции за независимость // Историческая политика XXI века / науч. ред. **А. Миллер, М. Липман**. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 506 – 542.
2. **Астров А.** Эстония: политическая борьба за место в истории // Pro et contra. 2009. № 3 – 4. С. 109 – 124.

3. Историческая политика XXI века / науч. ред. **А. Миллер, М. Липман**. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 648 с.
4. **Кирчанов М.В.** «Проработка прошлого» по-британски: особенности политики памяти в Англии и Шотландии // Историческая экспертиза. 2017. № 4. С. 96 – 109.
5. **Кирчанов М.В.** Историческая политика. политика памяти и война с памятниками в США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 12 (576). С. 63 – 75.
6. **Кирчанов М.В.** Исторический ревизионизм в Болгарии: проблемы истории национального возрождения и политическая ответственность интеллектуалов // Историческая экспертиза. 2019. № 2. С. 57 – 69.
7. **Кирчанов М.В.** Японская оккупация Индонезии: множественность исторических памятней в зарубежной историографии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2016. № 30. С. 134 – 153.
8. **Миллер А.** «Историческая политика» в Восточной Европе: плоды вовлеченного наблюдения. URL.: <http://www.polit.ru/lectures/2008/05/07/miller.html>
9. **Миллер А.** Россия: власть и история // Pro et contra. 2009. № 3 – 4. С. 6 – 23.
10. **Шеррер Ю.** Германия и Франция: проработка прошлого // Pro et contra. 2009. Май – август. С. 89 – 108.
11. Эрдоган: "Турецкий язык является главной ценностью нашего народа". Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган обнародовал послание по случаю отмечаемого 26 сентября Дня турецкого языка. URL.: <https://www.trt.net.tr/russian/turtsiia/2018/09/25/erdoghan-turietskii-iazuk-iavliaietsia-ghlavnoi-tsiennost-iu-nashiegho-naroda-1056548>
12. “Atatürk’ün Türk Tarih Tezinde” Hititler! URL.: <https://www.youtube.com/watch?v=aWq7wT5FvMA>
13. 2017 Türk Dili Yılı Olacak. URL.: http://www.tdk.gov.tr/index.php?option=com_content&view=article&id=768:2017-tuerk-dili-yl-olacak&catid=35:duyurular
14. 2017 Türk Dili Yılı. URL.: <http://turkdiliyili.com/>
15. 2017 yılı 'Türk Dili Yılı' ilan edildi. URL.: <https://www.aa.com.tr/tr/turkiye/2017-yili-turk-dili-yili-ilan-edildi/819890>
16. 26 Eylül Türk Dil Bayramı. URL.: <https://www.timeturk.com/26-eylul-turk-dil-bayrami/haber-1220297>
17. 3 bin 500 yıllık tarih. Kırıkkale’nin Karakeçili ilçesi Büklükale mevkiinde Kültür ve Turizm Bakanlığı kararı ile Japonlar tarafından 2009 yılında başlatılan. URL.: <http://www.ilgazetesi.com.tr/3-bin-500-yillik-tarih-209361h.htm>
18. **Akurgal E.** Hattiler, Hititler ve Güneş Kursu. URL.: <https://turkcetarih.com/hattiler-hititler-ve-gunes-kursu/>
19. Anadolu’nun İlk Devleti Hititler. URL.: <https://www.skylife.com/tr/2016-12/anadolu-nun-ilk-devleti-hititler>
20. **Anderson B.** Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L.: Verso, 1983. 224 p.
21. **Assmann A.** Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur. Eine Intervention. München: C.H. Beck 2013. 231 s.

22. **Borries B. von**, Das Geschichtsbewußtsein Jugendlicher. Erste repräsentative Untersuchung über Vergangenheitsdeutungen, Gegenwartswahrnehmungen und Zukunftserwartungen von Schülerinnen und Schülern in Ost- und Westdeutschland. Weinheim: Juventa-Verlag, 1995. 492 s.
23. **Buschke H.** Deutsche Presse, Rechtsextremismus und nationalistische Vergangenheit in der Ära Adenauer. Frankfurt: Campus Verlag, 2003. 404 s.
24. Dil Bayramı kutlandı. URL.: http://www.tdk.gov.tr/index.php?option=com_content&view=article&id=494:82-dil-bayram-kutlandi&catid=34:basndan
25. **Ercilasun A.B.** Hititler ve Türk Milleti. URL.: <https://turkcetarih.com/hititler-ve-turk-milleti/>
26. Etrusk milleti ölmemiştir! URL.: <https://turkcetarih.com/etrusk-milleti-olmemistir/>
27. Etruskler Türk Mü İdi. URL.: <https://turkcetarih.com/etruskler-turk-mu-idi/>
28. Etruskler Türkistan'dan Anadolu'ya gelmiştir! URL.: <https://turkcetarih.com/etruskler-turkistan-anadoluya-gelmistir/>
29. **Foucault M.** The Archaeology of Knowledge. NY.: Vintage, 1982. 256 p.
30. **Frei N.** Vergangenheitspolitik. Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit. München: Beck, 1996. 460 s.
31. **Hampton Ch.** The Etruscans and the survival of Etruria. L.: Victor Gollancz Ltd, 1969.
32. Hattuşa'nın 106 yılı Ankara'da. Çankaya Belediyesi Çağdaş Sanatlar Merkezi, Hititlerin başkenti Hattuşa'da yapılan kazıların 100 yılı aşkın öyküsünü Ankaralılarla buluşturuyor. URL.: <http://www.ilgazetesi.com.tr/hattusanin-106-yili-ankarada-188125h.htm>
33. Hititler (Etiler) Türk müdür değil midir? URL.: <http://www.ilgazetesi.com.tr/hititler-etiler-turk-mudur-degil-midir-149671h.htm>
34. Hititler Türk Müdür, Değil Midir? URL.: <http://www.genelturktarihi.net/hititler-turk-mudur-degil-midir>
35. Hititler Türk müydü? URL.: <http://www.uzmantv.com/hititler-turk-muydu>
36. Kâzım Mirşan Kêgdesi – Sümer Yazıtları. URL.: <https://turkcetarih.com/kazim-mirsan-kegdesi-sumer-yazitlari/>
37. **Kyrchanoff M.W.** Defunct politics of memory in England and Scotland: British – Eastern European parallels and deferred historical politics. URL.: https://istorex.ru/Maksym_W._Kyrchanoff._Defunct_politics_of_memory_in_England_and_Scotland_British-Eastern_European_parallel_and_deferred_historical_politics
38. **Meyer Th.** Identitätspolitik. Vom Missbrauch kultureller Unterschiede. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2002. 250 s.
39. **Oettler A.** Erinnerungsarbeit und Vergangenheitspolitik in Guatemala. Frankfurt am Main: Vervuert Verlag, 2004. 364 s.
40. **Şahin H.** İtalya'da Yaşamış Turan'ın Çocukları, "Etrusk" Türkleri. URL.: <https://turkcetarih.com/italyada-yasamis-turanin-cocuklari-etrusk-turkleri/>
41. Sümerler Türk kökenli midir? URL.: <http://www.uzmantv.com/sumerler-turk-kokenli-midir>
42. Sümerler Türk müydü? URL.: <http://www.uzmantv.com/sumerler-turk-muydu>
43. **Susemichel L., Kastner J.** Identitätspolitik. Konzepte und Kritiken in Geschichte und Gegenwart der Linken. Münster: Unrast-Verlag, 2018. 152 s.
44. The Invention of Tradition / eds. **E. Hobsbawm, T. Ranger.** Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 330 p.

45. The Worlds of American Intellectual History / ed. **J. Isaac**. Oxford: Oxford University Press, 2017. 391 p.
46. **Thünemann H.** Geschichtskultur revisited. Versuch einer Bilanz nach drei Jahrzehnten // Historisierung der Historik. Jörn Rüsen zum 80. Geburtstag / hrsg. **Th. Sandkühler, H.W. Blanke**. Köln, 2018. S. 127 – 149.
47. Trekking ile Hititleri tanıma fırsatı. Çorum'da Hitit tarihinin tanıtılması amacıyla bir süre önce başlatılan 'Hitit Yolu' projesinde toplam 180 kilometrelik güzergah, trekking (doğa yürüyüşü). URL.: <http://www.ilgazetesi.com.tr/trekking-ile-hititleri-tanima-firsati-84288h.htm>
48. Trigger Warnung. Identitätspolitik zwischen Abwehr, Abschottung und Allianzen. / hrsg. **E. Berendsen, S.-N. Cheema, M. Mendel**. Berlin: Verbrecher Verlag, 2019. 270 s.
49. Türk Dil Bayramı ne zaman?. URL.: <https://www.turkishairlines.com/tr-be/dil-bayrami-kutlu-olsun/>
50. Türk Dil bayramı ve Avrupa Dil günü. URL.: <https://www.mbaokullari.com/tr/istanbul-beylikduzu-kampus/istanbul-turk-dil-bayrami-ve-avrupa-dil-gunu>
51. Türk Dil Bayramı'nın 87. yılı! Türk Dil Bayramı nedir, önemi ne?. URL.: <https://www.sozcu.com.tr/hayatim/kultur-sanat-haberleri/turk-dil-bayraminin-87-yili-turk-dil-bayrami-nedir-onemi-ne/>
52. Türkçe ve Sümerce – Muazzez İlmiye Çığ. URL.: <https://turkcetarih.com/turkce-ve-sumerce-muazzez-ilmiye-cig/>
53. **Yıldız R.** 26 eylül Türk Dil bayramı. URL.: <http://www.trakyagazetesi.com.tr/26-eylul-turk-dil-bayrami-makale,2410.html>

УДК 93

*Елецкий государственный университет имени
И.А. Бунина»
магистр 2 курса, институт истории и культуры
Е.М. Косых
Россия, г. Елец, тел. 8(915)8548066;
e-mail: kdterina.cos@yandex.ru*

*Yelets State University named after
I.A. Bunin
Master student of 2 course, Institute of history and culture
E.M. Kosykh.
Russia, Yelets, tel. 8(915)8548066;
e-mail: kdterina.cos@yandex.ru*

Е.М. Косых

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА РОССИИ –
Г. ЕЛЬЦА В ГОД РАСПАДА СССР
(ПО МАТЕРИАЛАМ МЕСТНЫХ АРХИВОВ)**

В статье рассматриваются особенности состояния экономического пространства г. Ельца в 1991 году. На основе материалов, полученных в ходе работы в Архивном комитете администрации г. Ельца автор вводит в научный оборот экономические и статистические данные ранее не имевшие своего представления. Кроме того, представлен анализ основных областей экономического пространства г. Ельца на заключительном этапе общей истории СССР.

Ключевые слова: история, СССР, Городской Совет народных депутатов, архив, Елец, экономика.

Е.М. Kosykh

**ECONOMIC SPACE OF A PROVINCIAL TOWN OF RUSSIA – TOWN OF YELETS IN
THE YEAR OF THE COLLAPSE OF THE USSR (ON THE MATERIALS OF LOCAL
ARCHIVES)**

The article discusses the features of the state of the economic space of Yelets in 1991. On the basis of the materials obtained in the course of work in the Archival Committee of the administration of Yelets, the author introduces into scientific circulation economic and statistical data that previously had no representation. In addition, the analysis of the main areas of the economic space of Yelets at the final stage of the General history of the USSR is presented.

Key words: history, USSR, City Council of people's deputies, archives, Yelets, economics.

История социально – экономического развития СССР на заключительном этапе своего существования крайне любопытная тема научно-исследовательского характера. Интерес представляет не только содержательный аспект экономической политики СССР в период «перестройки», но и специфика её отражения на местах. В условиях общей трансформационной активности и турбулентности «перестроечных» реформ 1 квартал 1991 года показал, что кризисные явления в экономике СССР достигли своей напряжённости. Так, по сравнению с 1 кварталом 1990 года ВВП (валовой национальный продукт) СССР снизился на 8%, национальный доход – на 10%, а производительность труда – на 9%. Кроме этого, резко сократилась инвестиционная деятельность, а объём экспортно-импортных операций уменьшился на одну треть.

Особое критическое положение сложилось на потребительском рынке страны. Резко увеличился спрос на рынке, но при отсутствии его удовлетворения, практически все товары народного потребления перешли в разряд дефицитных. Отметим, что снижение темпов производства в СССР в данный период было связано с ухудшением общего ресурсного обеспечения народного хозяйства. Причинами данного, на наш взгляд выступили следующие:

1. разрушение хозяйственных связей;
2. массовые остановки предприятий из-за отсутствия сырья и материалов;
3. рост забастовок;
4. развитие межнациональных конфликтов.

Кроме того, усилению кризисной ситуации в стране в значительной мере поспособствовало развитие инфляционных процессов и обесценивание рубля.

Обозначенные деструктивные явления в экономическом пространстве СССР рассматриваемого периода нашли своё отражение и на местах. В свете заявленной темы рассмотрим данное на примере г. Ельца как крупного городского центра в составе Липецкой области.

Отметим, что элементы рыночных отношений на предприятиях города Ельца начали внедряться как раз к 1991 году. Большинство из них перешло на хозрасчет. Таким образом, благосостояние работников стало напрямую зависеть от результатов их деятельности и финансовых показателей организаций, на которых они работают. Вместе с тем, кризисные явления в экономике СССР в последний год его существования отрицательно отразились на данной действительности. Так на основе материалов полученных в ходе работы в Архивном комитете администрации г. Ельца отметим, что в 1 квартале 1991 года общий объем промышленного производства предприятий города по сравнению с прошлым, 1990 годом, снизился на 6,3% (по СССР данный показатель составил 5% - прим. авт.). Снижение промышленного производства автоматически повлекло за собой падение показателей и в остальных отраслях социально – экономического пространства г. Ельца. Так, 19 предприятий города Ельца сократили в рассматриваемый период темпы роста объема собственной продукции (больше всего «Прожекторные угли» - 98,5%, а меньше всего – «Птицекомбинате» - 29,4%). Однако, несмотря на это, большинство предприятий план всё же выполнили, но осуществлено это было только за счет постановки ими перед собой явно заниженных по сравнению с данными прошлых лет планов по производству. В качестве примера можно привести Кирпичный завод г. Ельца. На данном предприятии план производства был выполнен на 168,4%, темп роста – 95,5%, а высокий процент перевыполнения плана получен в результате того, что план 1-го квартала 1991 года завод установил на уровне 56,7% от значения прошлого года. Таким образом, были достигнуты «красивые цифры» в 960 тысяч рублей и зафиксирован факт перевыполнения предприятием плана на 68% [1].

Архивные материалы показывают, что данная практика не была единичной. Выполнили и перевыполнили план за счет занижения показателей и такие крупные предприятия г. Ельца как НПК «Энергия», завод «Прожекторные угли», Сахарный завод. Фактически 32 предприятия города из 42 установили себе план на 1-й квартал 1991 г. ниже, чем за аналогичный период 1990 года.

Вместе с тем, справедливо будет заметить, что небольшое количество предприятий г. Ельца, работая в сложной кризисной ситуации, не снизили темпы производства и поставили план не ниже уровня 1990 года. К данной категории следует отнести Машиностроительный завод – план был выполнен на 110%, Энергомеханический завод – 100,7%, Хлебокомбинат – 121,4% [1].

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Большинство елецких промышленных предприятий в 1 квартале 1991 года работало хуже, чем в аналогичный период 1990 года. При этом, чётко просматривается падение объемов производства, которое местные промышленники сознательно закладывают при годовом планировании своей работы.

Однако, несмотря на тенденцию к падению объемов производства, меры по предотвращению этого были приняты - руководители елецких предприятий пообещали работать не ниже уровня 1990 года.

Но, как это часто бывает, директора не сдержали своих обещаний - к формированию плана 1991 года большинство предприятий города отнеслись проще и приняли его на уровне

госзаказа. При этом трудовой коллектив работал лишь на план, не учитывая его заниженную планку. Так же следует заметить, что контролирующие службы на самих предприятиях следили лишь за производством нужного объема продукции, а вот выделить под неё ресурсы, графики производства, фонд заработной платы было труднее. Но ориентируя коллектив на заниженный объем планирования, промышленники г. Ельца сознательно пошли на снижение объемов производства и других показателей. Повышение оптовых цен, выход на свободные цены по ряду предприятий на продукцию производства позволило многим предприятиям и при меньших объемах производства получить большую прибыль.

Выполнение плана поставок в целом по городу составило 98,2%. Недопоставлено продукции на 3124 тыс. руб[1].

Рис. 1. Поставки продукции, г. Елец

Елецкий завод гидроагрегатов недопоставил продукции своим потребителям из-за невыполнения плана производства в связи с отсутствием централизованных поставок металлопроката заводами Руставским, Волжским, Первоуральским, а также недопоставкой комплектующих изделий Липецким тракторным, Харьковским, Челябинским, Кировским заводами.

Основной причиной невыполнения плана Табачной фабрикой г. Ельца явилось отсутствие импортных запчастей и недостаток квалифицированных рабочих – машинистов.

Известковый завод нуждался в непрерывной работе печей для обжига гидратной извести, и по этой причине не произвел запланированное количество продукции.

Завод строительных материалов недопоставил продукции на 220 тыс. руб. из-за невыполнения плана производства по причине простоя столярного и керамического цехов, так как отсутствовали пиломатериалы, а оборудование данных цехов было неисправно.

Состояние потребительского рынка.

В январе-марте 1991 года промышленностью города было произведено товаров народного потребления, включая алкогольного потребления, на сумму 170 млн. р., что почти на 3 млн. руб. (5%) меньше, чем за соответствующий период 1990 года. Несмотря на то, что план был занижен на 22,7 млн. руб. (12,7%) и был выполнен на 108,9%, уровень заработной платы сократился на 8,5% [1].

По итогам первого квартала 1991 г. выпуск продуктов питания был снижен по сравнению с соответствующим периодом 1990 года на 4,5 млн. руб. (16%). Производство алкоголя в 1 квартале 1991 года увеличилось на 5,8%. Выпуск непродовольственных товаров

для населения (не считая легкую промышленность) снизился по сравнению с 1 квартала 1990 года на 7,3% [1].

Большинство предприятий легкой промышленности (Кожзавод, Швейная фабрика, «Ельчанка», ПХО «Елецкие кружева») дали прирост по товарам народного потребления по сравнению с соответствующим периодом 1990 года на 9,9%. Однако объемы фондовых поставок этих предприятий для г. Ельца в общем объеме производства малы.

В качестве примера можно привести следующие предприятия: «Елецкие кружева» поставляет для города только 5,2% своей продукции, трикотажная фабрика – 3,5%, швейная фабрика – 4,8%, а остававшаяся продукция уходила в крупные города страны.

На VIII сессии исполнительного комитета Городского Совета г. Ельца (от 25.04.1991) было отмечено, что малые цеха предприятий, производящих товары народного потребления слабо работали над обновлением ассортимента [3].

На выставке промышленных новинок 30.11.1990 года, проводимой Липецким облисполкомом, предприятиями г. Ельца было отобрано 18 образцов по производству ТНП.

За 1 квартал 1991 года было освоено новых видов ТНП на общую сумму 303,4 тыс. р.:

- Завод Гидропривод освоил производство лыжных креплений в количестве 18,5 тыс. шт. (12,2 тыс. р.)
- НПК «Энергия» освоил производство пластмассовых вешалок в количестве 12,2 тыс. шт. (22,2 тыс. р.)
- Трикотажная фабрика – новые изделия в количестве 19,5 тыс. шт. (269 тыс. р), однако этого всего было недостаточно для удовлетворения потребностей рынка.

Потребительский рынок г. Ельца в марте 1991 года характеризовался взрывом покупательского ажиотажа. Во второй половине месяца, предшествующей введению новых цен, с полок магазинов были скуплены все товары. Естественно, все плановые показатели торгующих организаций были выполнены (план товарооборота на 127%, темп роста – 12,2%) [1].

Несмотря на выполнение и перевыполнении фондовых поставок по продовольственным товарам, их отгрузка шла неритмично, а товарные запасы не позволяли обеспечить бесперебойную торговлю. По многим непродовольственным товарам в 1 квартале фонды не были доведены, а отгрузка к уровню 1990 года сокращена по одежде, обуви, трикотажным изделиям, чулочно-носочным изделиям, электротоварам, тканям и моющим средствам [1].

Наполняемость потребительского рынка, по решению №29 от 24.01.1991 г. исполнительного комитета Городского Совета народных депутатов г. Ельца, велось за счет использования права на закупку производственных товаров по ценам договоренности и хозяйственной самостоятельности торгов, переведенных в 1991 году на арендную форму хозяйственных отношений.

За 1 квартал 1991 года было закуплено на 1,115 млн. руб. непродовольственных товаров (рис. 2) [1].

Рис. 2. Закупка непродовольственных товаров.

Продовольственных товаров за это же время было закуплено на 612 тыс. руб. (рис. 3).

Рис. 3. Закупка продовольственных товаров.

Общая сумма децентрализованного закупа составила в 1 квартале 1,727 млн. руб.

План по платным услугам был выполнен на 120,5% (1045 тыс. руб.). Рост к 1990 году составил 12,4% (675,7 тыс. руб.). Однако из 100 предприятий, учреждений и организаций города, которые оказывают платные услуги населению – 12 не выполнили план 1 квартала, 21 – снизило темпы роста [1].

Причинами этого могли стать: 1. снижение спроса населения и заявок на ремонт квартир, транспорта, строительного материала в связи с повышением цен; 2. Снижение спроса на туристические путевки по СССР в связи со сложной экономической, экологической и национальной обстановкой.

По итогам первого квартала 1991 Г. лишь 11 кооперативов (из 19 зарегистрированных) отчитались за свою деятельность. Выручка от реализации продукции составила 637 тыс. руб. Также было зарегистрировано 24 малых предприятий. Всего малыми предприятиями было выпущено продукции на 428,3 тыс. руб. [1]

Прибыль предприятий и организаций в январе-марте составила 38 млн. руб. и возросла в связи с повышением оптовых цен в 1,3 раза.

Доля средств, остающийся в распоряжении предприятий, возросла на 4,7%, в том числе фонду оплаты труда (на 5%). Денежные выплаты и поощрения за счет прибыли и других источников возросли на 2,1%.

Выработка объема продукции на 1 работника снизилась на 1,9% (в целом по СССР этот показатель 9%). При этом, за счет роста фонда оплаты труда и сокращении численности работающих на 4,7%, среднемесячная заработная плата на 1 работника выросла на 9,9% [1]. Отсюда и следует тенденция начала 1991 года, когда при меньших объемах производства получали большую прибыль и, соответственно, большую заработную плату.

Капитальное строительство.

В 1 квартале 1991 г. план капитальных вложений в г. Ельце был выполнен на 96,6%, темп роста составил 103% (в том числе и строительно-монтажные работы – 88%). Недоосвоение капиталовложения произошло по причине неудовлетворительной работы треста «Елецстрой», не выполнившего строительно-монтажные работы в объеме 320 тыс. руб. За квартал введено в эксплуатацию 5258 кв. м жилой площади. Весь ввод жилой площади был произведен согласно плану Управления Капитального Строительства (УКС) горисполкома. Кроме введенного жилья было построено отделение связи и сберегательная касса. Согласно плану 1 квартала предусматривалось строительство детского сада на 140 мест в поселке Аргамач (160 тыс. р.). Однако, из-за нарушения плана поставки железобетона Липецким трестом «Железобетон».

Коммунальное строительство.

За исследуемый нами период в сфере коммунального строительства было освоено 441 тыс. р (96%). Оставшиеся 19 тыс. р должны были использоваться на реконструкцию водозабора №1. Однако, из-за нехватки автотранспорта для производства земляных работ, строительство задержалось.

На 9 сессии исполнительного комитета Елецкого ГорСовета (07.05.1991 г.) проблема недоосвоения средств была обсуждена и проанализирована [3]. Депутаты пришли к выводу, что основной причиной данного факта стала неудовлетворительная работа треста «Елецстрой», который выполнил план на 97% (в основном за счет объектов промстроительства) и не довыполнил объемы строительно-монтажных работ по жилищному строительству и социально значимым объектам.

Капитальный ремонт

Планом капитального ремонта жилого фонда в 1 квартале предусматривалось освоение 90 тыс. руб. Фактически было освоено 56,8 тыс. руб. (63,1%). Невыполнение плана объясняется недопоставкой трестом «Липецкгражданстрой» кооперативу «Елец» строительных материалов:

Таблица 1

Планы поставки строительных материалов, г. Елец, 1991 г.

№	Строительные материалы	Потребность	Выдано
1	Шифер	180 листов	-
2	Трубы диаметр 25 мм и 32 мм	800 м	300 м
3	Конвекторы	100 шт	50 шт
4	Вентеля диаметром 15 мм и 120 мм	59 шт/ 50 шт	-
5	Блоки дверные	50 шт	-
6	Блоки оконные	14 шт	-

Продолжение табл. 1

7	Рубероид	2 тыс. кв. м.	-
8	Стальная кровельная	1 тонна	-
9	Сталь оцинкованная	1 тонна	-

Руководитель ремонтно-строительного управления (РСУ) треста «Липецкгражданстрой» товарищ Шумейко перестал контролировать работу кооператива «Елец», несмотря на то, что последний создан при РСУ на правах субподряда. [2]

Таким образом, после всех перечисленных нарушений договоренности депутатами ГорСовета г. Ельца создать свое, муниципальное управление по вопросам капитального ремонта жилого фонда, дабы в будущем не находиться в зависимости от различных кооперативов [3].

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что несмотря на сложную экономическую ситуацию все предприятия города работали неплохо – дефицит продуктов и рост цен хоть и нарастал, но ещё не был ощутим. Для стабилизации ситуации на рынке было принято несколько стратегических решений: 1. Усилить контроль за работой торговых организаций; работникам данных организаций принимать личное участие в организуемых проверках. 2. Улучшить организацию государственной комиссионной торговли. 3. Горисполкому: регулярно рассматривать на совещаниях вопросы работы ведомственного контроля торговых организаций. 4. Разработать план расширения ассортимента и увеличения объемов выпускаемых в городе товаров народного потребления. 5. На территориях рынков установить дежурство правоохранительных органов для оперативного принятия мер против спекулянтов.

Однако, несмотря на все старания власти, следует отметить и отрицательные явления – фальсификацию данных планирования на предприятиях, невыполнение плана из-за нарушений поставок, постепенное увеличение безразличия со стороны контролирующих органов. Политический, экономический, социальный и этнический кризис начинал брать вверх по всей стране.

Библиографический список

1. Доклад о социальном и экономическом развитии г. Ельца // Архив Елецкого Совета народных депутатов – Елец. – 1991 г. - Фонд 1, Опись 1, дело 1583. – С. 115-122.
2. Приложение к протоколу №8 // Архив Елецкого Совета народных депутатов – Елец. – 1991 г. - Фонд 1, Опись 1, дело 1583. – С. 105-114.
3. Протокол №8 сессии исполнительного комитета Совета народных депутатов 8 // Архив Елецкого Совета народных депутатов – Елец. – 1991 г. - Фонд 1, Опись 1, дело 1583. – С. 1-9.
4. Семёнов А.К. Елецкое городское самоуправление за 225 лет / А.К. Семёнов, Т.В. Полякова // Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина. – 2014. – 240 с.

*Елецкий государственный университет
Кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории и историко-культурного наследия
О.В. Клевцова
Россия, г. Елец, тел. 8-960-158-25-99;
e-mail: ksenijmel@yandex.ru
Кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории и историко-культурного наследия
О.Г. Некрылова
Россия, г. Елец, тел. 8-960-158-25-99;
e-mail: nekrylova_80@mail.ru*

*Yelets State University
PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the
chair of History and Historical and Cultural Heritage
O.V. Klevtsova
Russia, Yelets, tel. 8-915-857-98-94;
e-mail: ksenijmel@yandex.ru
PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the
chair of History and Historical and Cultural Heritage
O.G. Nekrylova
Russia, Yelets, tel. 8-915-857-98-94;
e-mail: nekrylova_80@mail.ru*

О.В. Клевцова, О.Г. Некрылова

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

В статье рассматривается история становления и развития женского образования в России. Авторами предпринята попытка анализа степени востребованности грамотности среди женщин на различных этапах развития общества. В ходе исследования была проанализирована мемуарная литература, законодательные акты. Авторы приходят к выводу, что становление системы женского образования проходило во второй половине XVIII в., оно было ориентированно на изучение иностранных языков.

Ключевые слова: история женского образования, религиозное воспитание, реформы Екатерины Великой.

O.V. Klevtsova, O.G. Nekrylova

SOME ASPECTS OF HISTORY OF FORMATION WOMEN'S EDUCATION IN RUSSIA

The article deals with the history of formation and development of women's education in Russia. The authors attempt to analyze the degree of demand for literacy among women at different stages of development of society. The study analyzed the memoir literature, legislative acts. The authors conclude that the formation of the system of women's education took place in the second half of the XVIII century, it was focused on the study of foreign languages.

Key words: history of women's education, religious education, reforms of Catherine the great.

Социальное положение женщины у каждого народа в различные исторические периоды является показателем уровня развития его культуры, духовно-нравственных и религиозных традиций. Школьное образование представляет собой основу нации. Формированию российской системы женского образования, получившей широкое распространение в период царствования Екатерины II, предшествовал определенный опыт женского просвещения.

До принятия православия и утверждения Византийского влияния на Руси не существовало женского затворничества. Женщина владела волостями, набирали дружину, участвовала в жизни племени, давала советы князьям в делах. В народе женский пол считали хитрым, а раньше это считалось признаком ума и мудрости [4.С.3]. Из древне девочек учили в христианской добродетели, прививали основы и правила «домостроительства».

Девочка знакомилась с правилами внутренней организации семьи в условиях ведения натурального хозяйства.

Князь Владимир Святой признавал необходимость обучения женщин. Он с уважением смотрел на свою бабушку Ольгу, «считал ее мудрейшей из всех людей». Со своей женой Анной он часто советовался по церковному уставу и другим государственным делам. По совету митрополита Леонтия, Владимир в 1101 г. открыл в Киеве два училищных монастыря – мужской и женский. Киевское женское училище было не только первым женским училищем в России, но и в Европе.

Лихачева Е.О. отмечает, что за обучение в домонгольский период брали плату, так называемую «книжную дачу», т.е. кроме оплаты едой и одеждой при «каждом переходе к новой книге, от азбуки к Часослову и от Часослова к Псалтырю, ученик или ученица обязаны были принести мастерице завязанный в платок горшок молочной каши и полтину денег» [5. С.7]. Иногда учительницы брали отдельную плату за каждый предмет: за азбуку, Часослов или Псалтырь.

В XIII-XV вв. значительно возрастает роль монастырского образования, что было связано не только с внешними факторами, но и внутренней организацией духовной жизни в русском обществе. Стремление русской женщины к жизни в монастыре, поддерживалось как обществом, так и религиозными учениями об иноческой жизни как высшем идеале человеческого существования. Соловьев С.М. справедливо отмечал: «Историк не решится ответить на вопрос: чтобы стало с нами в XIV в. без церкви, монастыря и терема?». Но тут, же признает, что удаление женщины из общества стало спасительным средством и «было для него вредно, ибо содействовало ещё большему огрубению его нравов» [13.С.341].

XVII в. привнес небольшие изменения, как в систему женского образования, так и в положение женщин в российском обществе. Именно на женщин возлагается обязанность заботиться об образовании подрастающего поколения. В исторической литературе приводится содержание программы обучения не только мальчиков, но и девочек в царских семьях. Сохранились сведения, что царевичей начинали учить чтению с пятилетнего возраста, а письму с семи лет. Преподаваемые предметы – букварь, часослов, псалтырь, Евангелие, церковное пение царевнами изучались в том же объеме и порядке, с той лишь разницей, что последних учили не дяки, а учительницы – мастерицы. Примечательно, что 1634 г. царь Михаил Федоров подарил своей дочери шестилетней царевне Ирине турецкий кафтан, когда та начала изучать Часослов.

Существует ряд примеров в истории, когда девочки из богатых семей умели читать и писать [7.С.289-290]. Так, например, в частной переписке князя П. Хованского и его жены находим подтверждение вышесказанному. Князь, привыкший получать письма из дома, написанные рукой жены, был обеспокоен и задавал вопрос в своем очередном письме к сыну, по какой причине сама мать не написала [15.С.316]. Еще одним подтверждением наличия грамотности среди бояр и князей служит письмо жены думного дворянина И. Ларионова. Она обратилась к супругу с просьбой писать письма уставом, чтобы их дочь Катюша смогла прочесть послание отца. Написание уставом текста давало возможность читать четкие и крупные буквы, в отличие от скорописи.

Таким образом, с одной стороны на протяжении всей русской истории до Петра I русские правители не проявляли заботы об общем образовании российского общества или отдельных его классов, с другой не регламентировали и не ограничивали данный процесс социальными рамками.

В эпоху Петровских преобразований ситуация меняется. Переход России в «новое время» произвел и кардинальный переворот в образовательной сфере. Благодаря принятию указа об ассамблеях дамы попали под пристальное внимание окружающих. Они должны были уметь вести светские беседы, поддерживать разговор с многочисленными иностранными подданными при царском дворе. Женщина, знающая иностранный язык, чувствовала себя более уверенно на ассамблеях, а также могла рассчитывать на удачную партию в браке.

Сохранились воспоминания иностранцев о присутствии на ассамблеях в России. Они упоминают о том, что девушки, мало знакомые с немецким языком ни чего не могли сказать, а те, кто могли поддержать разговор «нет доступа за толпящимися вокруг них вельможами и императорскими камер-юнкерами». Среди таких умниц вельможи отмечали княжну Черкасскую, подчеркивая, что о ее воспитании «тщательно заботятся», или дочь князя Д. Кантемира, которая знает греческий и итальянский языки [3.С.101-102].

Соотечественники мужского пола начали восхищаться образованными женщинами после знакомства с европейской модой и традициями воспитания. Граф А. Матвеев, находясь в Париже с дипломатической миссией описывал свои впечатления при знакомстве с французскими дворянками. «Особливо же женский пол из высокородных фамилий, которых изрядством голосов пения, и особою манерою танцев, и игрою музык на всяких разных инструментах, и открытостью любительных своих и добронравных поступков, особливо же и иностранным, превосходит все европейския народы. Поистине с несказанным удивлением достойно упомянуть, что ни единая особа мужска, женскому полу из благородных фамилий найтись не может, которая б вышеобъявленных обучений по-своему честному воспитанию обучена не была. ... ни самой женский пол Франции ни какова зазору отнюдь не имеет во всех честных обращаясь поведеньях с мужским полом, как бы самые мужи со всяким сладким и человеколюбным приемством и учтивостью» [10.С.197].

Представители царской фамилии прекрасно понимали, что женское образование играет большую роль и стремились обучить своих дочерей. Внучка Петра I, великая княжна Наталья, уже в детстве в совершенстве владела французским и немецким языками [10.С. 247]. Три дочери царя Иоанна Алексеевича, средняя из которых стала впоследствии императрицей Анной Иоановной, по инициативе царицы Прасковьи, несмотря на ее архаическое миропонимание получили полноценное образование под руководством учителей из Франции и Германии. Сестра Петра царевна Наталья, также знала несколько иностранных языков и написала небольшую комедию, получившую название «Комедиантские действия»

Исследователь русской культуры Ю.М. Лотман сообщает, что русское дворянство после реформ Петра I переживало глубочайшие изменения не только в быту, но и в самоопределении, изменились нормы поведения, культура общения. Старые принципы воспитания и обучения были признаны устаревшими, а европейские признавались правильными [8.С.66].

Но предпринятые реформы практически не поколебали установившиеся архаические взгляды на воспитание и образование женщин. В петровском письменном памятнике «Юности честное зерцало», помещен специальный раздел, относящийся к девицам, рекомендации которого носят традиционный православно-христианский характер. Добродетели женщины — любовь к Богу, смирение, молитва, почтение к родителям, трудолюбие, приветливость, милосердие, стыдливость, чистота телесная, воздержание и трезвость, целомудрие и бережливость, щедрость, верность, молчаливость и т. д. Преобладание высоконравственного православного воспитания в сочетании с основами западноевропейской культуры и определило неповторимые особенности русского женского характера, воспетого в нашей классической литературе.

Первой русской женщиной - писательницей была Екатерина Александровна Сумарокова в последствии она стала женой известного писателя Я.Б. Княжнина. К ней с уважением относился Шувалов и Ломоносов. Женщина творила свои стихи под мужским именем, так как ее отец считал, что общество не поддержит ее творчество.

В этот период традиционным местом «повышенного» обучения женщин оставался монастырь, многие монахини были грамотны. Реализация идеи о передаче монастырям на обучение и воспитание девочек-сирот была заложена ещё в годы старшего брата Петра I царя Федора Алексеевича [5.С.62]. Петровский проект об образовании детей-сирот в монастырях также предусматривал обучение девочек грамоте и счету с пяти лет, различным

«мастерствам женским». Нововведением станет обучение иностранным языкам. Но проект не получил поддержки при последователях Петра I [1.С.1382].

Существовал еще один проект известного государственного деятеля Ф. Салтыкова. Он имел опыт знакомства с английским женским образованием. Салтыков предлагал упразднить часть монастырей и на их базе открыть школы для девочек 6-15 лет дворянского сословия. Детей должны были отправлять учиться под принуждением, в случае отказа на родителей возлагался штраф. Учениц предполагалось учить грамоте, счету, иностранным языкам, музыке и вокалу, танцам. Основной целью Салтыкова было уравнивать «женский наш народ ... с европейскими государствами равно». Но проект не был реализован из-за отсутствия материальных средств. Идеи Салтыков оказались востребованными значительно позже. Заложенные в проекте принципы стали актуальны для домашнего воспитания девочек-дворянок. Именно в таком ключе проходило обучение будущего президента Российской академии Е. Р. Дашкова. Рано потеряв родителей, Екатерину взял на воспитание к себе дядя – канцлер М.И. Воронцов. Она получила великолепное воспитание: владела четырьмя иностранными языками, музицировала, прекрасно танцевала и рисовала. Екатерина Романовна желала большего. Она рано начала самостоятельно и критически мыслить, «страстно желала образовать себя» [12.С.207]. Дашкова занялась самообразованием, увлеклась литературой и стала одной из образованнейших русских женщин своего времени.

Не смотря на попытки Петра Великого установить в стране общее образование женское образование до Екатерины Великой не продвинулось вперед. С началом реформаторской деятельности Екатерины II в духе «просвещенного абсолютизма» последовал ряд реформ и в области образования. В обществе того времени стала господствовать мода на активное участие в светской жизни. Дамы стали заинтересованы в получении хороших знаний по музыке, пению, танцам и иностранным языкам. Для ведения бесед с кавалерами необходимо разбираться в поэзии, философии и других науках. Большинство богатых родителей стремились нанять домашних педагогов и воспитателей. Уровень знаний большинства женщин оставался не высоким. Исследователь женского образования В.О. Михневич, писал, что «хорошее женское образование было в те времена редкой роскошью, которою могла пользоваться только богатая знать, и, следственно, являлось вполне аристократическим. Масса женщин среднего класса усваивала только внешнюю оболочку образования и, главное, светскости, а в сущности, стояла на крайне низком уровне умственного развития» [14.С.18].

Императрица Екатерина II имела свои личные взгляды на образование. Она считала, что необходимо создать условия, при которых дети захотят обучаться. Она рекомендовала с отрочества читать историю, нравоучительных книг.

В годы правления императрицы Екатерины Великой было принято решение об издании «Генерального учреждения о воспитании обоего пола юношества» от 12 марта 1764 г. Этот документ дал дорогу формированию системы женского образования и подготовки будущих высококвалифицированных кадров [2.С.102]. И если первые пансионы содержались невежественными иностранцами, то с принятием «Генерального учреждения» женское образование пойдет по догоняющему принципу развития.

Когда устав учрежденного Екатериной II «Общества благородных девиц» был разослан по всей России с целью, чтобы данные учреждения могли посещать девочки каждой дворянской семьи, по стране почти не оказалось желающих учиться. Именно по причине низкой активности граждан императрица сузила проект до самых скромных размеров. К сожалению, дамы выходили из данного заведения с очень низким уровнем знаний, научных сведений и овладели только латинским и французским языками, знали танцы, пение и музыку. Открытие общественного учебного заведения для знатных девушек не встретило отклика и положительных отзывов. Данная система образования не смогла вытеснить домашнее обучения с нанятыми гувернантками иностранного происхождения.

В мае 1764 г. был объявлен указ Екатерины II «О воспитании благородных девиц в Санкт-Петербурге при Воскресенском монастыре». К указу был приложен Устав и штат «сего Воспитательного Общества». В указе зафиксировано, что данное учебное заведение создается для воспитания благородного юношества.

Реформаторские начинания в системе женского образования, способствовали сглаживанию различий между подготовкой детей противоположного пола. Уже во второй половине XIX в., писатель В. Я. Стоюнин сообщал о том, что специализация в воспитании была осуждена. В обществе необходимо взрастить человека в соответствии с тем уровнем, которое он занимает в обществе. По мнению Стоюнина, произошло единение системы женского и мужского воспитания, не допускались нравственные и умственные превосходства одного пола над другим. Именно по этой причине образование должно сблизиться «подчинив себе те воспитательные специализации, какими задавались прежде в отношении, как мужчины, так и женщины» [3.С.329].

Французский посланник при дворе Екатерины II Л.Ф. Сегюр писал: «Женщины ушли далее мужчин по пути совершенствования. В обществе можно было встретить много нарядных дам, девиц, замечательных красотой, говоривших на четырех-пяти языках, умевших играть на разных инструментах и знакомых с творениями известнейших романистов Франции, Италии, Англии. Между тем мужчины, исключая сотню придворных... большею частью были необщительны и молчаливы, важны и холодно-вежливы и, по-видимому, мало знали о том, что происходило за пределами их отечества» [10.С.329].

Таким образом, основываясь на тех немногочисленных исторических сведениях, мы приходим к выводу, что русские женщины не были изъяты из системы образования, поскольку такой системы до петровских преобразований, просто не существовало. Этому свидетельствует и тот факт, что в древнейшей литературе, не сохранилось ни одного литературного памятника созданного женщиной. Женское образование второй половины XVIII в., несмотря на недостатки, оказалось без жесткого государственного контроля и стало приобретать общеобразовательный и гуманитарный характер. В основу системы было положено изучение иностранных языков и знакомство с достижениями в области искусства. В результате многие женщины из привилегированного общества оказались гораздо более начитанными, чем их современники мужчины.

Библиографический список

1. **Вебер Х.Ф.** Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях // Русский архив. 1872. Т. 6.
2. **Гришин А.В., Гришин В.А.** Формирование государственной образовательной политики во второй половине XVIII века. // Вестник Брянского государственного университета. – 2012. -, № 1-1. - С 101-109.
3. **Днепров Э.Д., Усачева Р.Ф.** Среднее женское образование в России. – М., 2009. – 275 с.
4. Дневник камер-юнкера Берхольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 г. Ч. 2. - М., 1860. – 242 с.
5. **Зинченко Н.Е.** Женское образование в России: исторический очерк. – М.: Книга по Требованию, 2012 – 54 с.
6. **Лихачева Е.О.** Материалы для истории женского образования в России (1086—1796). Т. I. - СПб., 1890. -887 с.
7. **Каленцова Т.В.** Становление отечественного женского образования в XI- первой половине XVIII вв.: историко-педагогический анализ // Молодой ученый. - 2014.-№16. - С. 336-341.
8. **Пушкарева Н.Л.** Женщины Древней Руси. - М., 1989. – 286 с.

9. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Ученые записки Тартуского университета. № 411. Труды по знаковым системам. № VIII. - Тарту, 1977. – 168 с.
10. Русский дипломат во Франции (записки Андрея Матвеева). - Л., 1972. – 301 с.
11. Россия XVIII в. глазами иностранцев. - Л., 1989. – 542 с.
12. **Салтыков Ф.С.** Пропозиции // Памятники древней письменности. - СПб., 1891. – 36 с.
13. **Семина В.С.** Крыкова И.В. Великие просветительницы в культурном пространстве России XVIII века (Екатерина II и Екатерина Дашкова) // Аналитическая культурология. - 2007. - № 2. – С. 206-212.
14. **Соловьев С.М.** Сочинения: В 18 кн. Т.4: История России с древнейших времен/ Отв. Ред Н.А. Иванов. – М.:Голос, 1994. - 768с.
15. **Стоюнин В.Я.** Избранные педагогические сочинения / сост. Г. Г. Савенок; Акад. пед. наук СССР. – М. : Педагогика, 1991. – 367 с.
16. Частная переписка кн. П. Хованского, его семьи и родственников // Старина и новизна. Кн. 10. – М., 1905. – 184 с.

Воронежский государственный технический
университет
Кандидат исторических наук, доцент кафедры
композиции и сохранения архитектурно-
градостроительного наследия
П. А. Попов
Россия, г. Воронеж, тел. 8-908-141-96-04;
e-mail: pavelpopov3000@mail.ru

Voronezh State Technical
University
PhD in History, Associate Professor of Composition and
Preservation of Architectural and Urban Heritage
Chair
P. A. Popov
Russia, Voronezh, tel. 8-908-141-96-04;
e-mail: pavelpopov3000@mail.ru

П.А. Попов

ПЕРВЫЕ ЛЕТОПИСНЫЕ УПОМИНАНИЯ О ВОРОНЕЖЕ В КОНТЕКСТЕ КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ ТОПОНИМИИ

В статье дается новая взаимосвязанная трактовка двух первых упоминаний в русских летописях слова *Воронеж*, а также топонима *Онуза*, который обычно гипотетически рассматривается историками в связи со вторым упоминанием Воронежа. Показано, что истолкование первых упоминаний, которое много лет считалось спорным и трудноразрешимым, может стать непротиворечивым, если опираться на комплексное топонимическое исследование, ранее проведенное автором статьи, – на изучение самого термина *Воронеж* с полным учетом всех данных смежных наук. Воронеж рассматривается как природно-историческая область, а ее объясненное название – как ценный источник для трактовки исторических событий.

Ключевые слова: историческая топонимика, историческая география, история градостроительства, русская летопись, природно-историческая область *Воронеж*, летописный *Воронеж*, летописная *Онуза*, происхождение названия *Воронеж*, происхождение названия *Онуза*, урочище *Узел*, нашествие Батыя, монах Юлиан, Семилукское городище

P.A. Popov

THE INITIAL CHRONICLE MENTIONS OF VORONEZH IN THE CONTEXT OF COMPLEX STUDY OF ANCIENT TOPONYMY

The article gives a new interrelated interpretation of the two initial mentions of the word *Voronezh* in Russian Chronicles, as well as the toponym *Onuza*, which is usually hypothetically considered by historians in connection with the second mention of Voronezh. It is shown that the interpretation of the first mentions, which for many years was considered controversial and intractable, can become consistent, if we will base on the comprehensive toponymic study, previously conducted by the author of the article, – on the studying of the term *Voronezh* with full accounting of all data of related sciences. Voronezh is reviewed as a natural-historical region, and its explained name is a valuable source for interpreting historical events.

Key words: historical toponymy, historical geography, history of urban development, Russian chronicle, natural-historical region *Voronezh*, chronicle *Voronezh*, chronicle *Onuza*, etymology of the name *Voronezh*, etymology of the name *Onuza*, *Uzel* natural boundary, Baty Invasion, monk Julian, Semiluky hillfort

Тема раннего Воронежа – где он находился и что собой представлял – остается животрепещущей не только в краеведении, но и в целом в русской истории. Она связана с событиями общероссийской значимости, зафиксированными в летописях. Истолкование этих событий обросло и научными гипотезами, и множеством «дилетантских» предположений и идей. К сожалению, обычно каждая версия рассматривалась в отрыве от комплексного рассмотрения широкой топонимической темы, связанной с объяснением названия *Воронеж*.

По нашему убеждению, такая ошибка, допускаемая уже на методологической стадии, как раз и приводит к множеству несовместимых друг с другом версий, не позволяя качественно приблизиться к истине.

Еще больше версий по поводу происхождения топонима *Воронеж*, точнее, названия реки, по которой назван современный город Воронеж. Но, собственно, в научной литературе выдвигались только четыре версии. В 1947 г. ленинградский лингвист и историк А. И. Попов высказал, как он ее сам назвал, «мысль», о том, что *вор* может быть сходно с мордовским словом *вир* (*вер*, *вёр*), в переводе «лес» [1.С.226]. Впоследствии ученый отказался от своей мысли, получив скептические отклики. Однако искусственное филологическое теоретизирование продолжил историк-краевед А. В. Кожемякин, считая, что на слово *Воронеж* похоже выражение «лесная защита» в двух ветвях мордовского языка: *вирьнеже*, *вирюнежет* [2]. Пользуясь словарем немецкого слависта М. Фасмера, где название реки предположительно произведено от славянского слова *вороной* (то есть «черный», «темный»), рязанский историк Н. П. Милонов выдвигал мысль: реку могли назвать по темному цвету воды [3]. Однако он не приводил доказательств; более того, последующие биологические исследования показали чистоту, прозрачность воды в реке, протекавшей среди лесных почв.

Собственно, единственная попытка комплексного исследования топонима была предпринята воронежским историком В. П. Загоровским в 1971 г., а затем в 1977 г. его работа вышла вторым изданием. По его гипотезе, топоним изначально произошел на Черниговской земле от древнеславянского антропонима *Воронег*, а затем был искусственно занесен переселенцами на приток Дона [4]. Однако спустя почти полвека видны и все несовершенства примененной здесь методологии. Она хотя и использовала данные исторической географии, но делала сильный, модный для советского времени, социальный уклон и игнорировала истины, известные в топонимике еще в 1960-е гг.: что, осваивая реки или географические области, народ называл их прежде всего по природным признакам; что в европейской России названия достаточно протяженных рек первичны, а городов – вторичны.

Сюда же следует обязательно добавить идею крупного ученого-географа Ф. Н. Милькова, высказанную в 1983 г., к сожалению, только вскользь в научно-популярном издании: *Воронеж* – от слова *воронь* («чернь»), от обилия чернолесья (дубовых лесов) [5.С.4–5].

В 2015–2016 гг. П. А. Поповым было предпринято новое исследование [6;7], где впервые применен тот полномасштабный комплексный топонимический анализ, который требуется при изучении забытых древнеславянских названий природного толка, с системным применением данных из смежных областей нескольких наук: истории, археологии, исторической географии, истории градостроительства, палеоботаники, лингвистики. В частности, привлечены современные археологические данные А.З. Винникова о первом плотном заселении славянами р. Воронеж в VIII–IX вв. и его мнение о появлении здесь названия *Воронеж* именно в это время [8.С.185,241–242]. (Однако если археологи когда-нибудь предложат иную датировку поселений, то и датирование топонима придется скорректировать.) Для анализа древней топонимии, тесно связанной с природой, крайне необходима опора на биологические данные. В данном случае привлечены гидрология и в особенности палеоботаника, которая на основании данных почвоведения делает вывод о произрастании дубрав в междуречье рек Дон и Воронеж по крайней мере в течение четырех последних тысячелетий [9.С.6; 10.С.178.].

В новом исследовании опровергается стройная, но достаточно утопичная версия В. П. Загоровского «о трех Воронежах» из-за того, что невозможно доказать существование, во-первых, имени *Воронег*, во-вторых, первого черниговского города, якобы основанного Воронежом, в-третьих, второго *Воронеза* на р. Воронеж, якобы названного переселенцами в XI–XII вв., а тезис о переносе названия второго города на реку не выдерживает критики с позиций географии [7.С.159–160,197–201]. Результаты исследования показали наиболее вероятную древнеславянскую этимологию слова с корнем *ворон-* (праславянский *voгn-*) в значении «чёрный, или тёмный» и характерным суффиксом *-еж* (*-аж*, *-ож*). Топоним

обозначал не одну реку и не один город, а значительную географическую область с одноименной рекой – территорию, покрытую сплошным чернолесьем (лиственными лесами, в современной терминологии – дубравами). Народ в течение большей, холодной, части года выделял «вороной» цвет по стволам и ветвям, и это была самая выдающаяся примета ландшафта. В исследовании впервые определены границы исторического чернолесья: от слияния р. Воронеж с Доном (около нынешнего г. Воронежа) до летописных Воронежских лесов на территории Тамбовской и Липецкой областей. Территория охватывает бассейн р. Воронеж, междуречье Воронеж – Дон, сопредельные земли. Введено понятие *природно-историческая область (ПИО) Воронеж* в связи с ее освоением славянским населением. Здесь имелось множество природных удобств для создания хорошо укрытых и защищенных поселений: лесные и водные преграды, высокие мысы и овраги правобережья р. Воронеж. В VIII – начале XI вв. на самых удобных мысах – в низовьях р. Воронеж, в узкой части междуречья Воронеж – Дон – существовал один из древнейших на Руси градостроительных комплексов. Здесь обнаруживаем упорядоченное гнездо «градов» и селищ длиной около 42 км. Доныне уцелевшая Воронежская нагорная дубрава с остатками нескольких «градов» являет собой уникальный природно-археологический комплекс, по существу, мирового значения. В центре гнезда, на холме над современным пос. Рыбачьим простирается главное городище площадью около 9 га – один из крупнейших славянских центров в Европе. Затем в XII–XIII вв. центр тяжести градостроительства, выраженного русского, переместился в среднее и верхнее течение реки, где население осталось главным носителем макротопонима *Воронеж* (до конца существования Рязанского княжества) и где макротопоним наконец-то вошел в сохранившиеся летописи. В районе устья реки градостроительное гнездо исчезло на рубеже X и XI вв. и впоследствии оказалось не отраженным в летописях – имеем существенный пробел в общероссийской истории. Тем не менее, славянско-русское население не покинуло низовья полностью, так что отсутствие преемственности в топонимии представить невозможно [7. С.9–216, 240–286].

В то же время предложены методы расшифровки аналогичных топонимов на Руси. Поиск аналогов всегда обязателен. Так, в случае с Воронежем это реки *Ворона*, *Воронежка* (бывшая *Вороняя*, *Воронегя*), *Воронка* (бывшая *Воронья*) и очень многие другие в различных российских и украинских регионах, а также псковское городище *Воронач* (*Воронич*). Повсюду широко росли лиственные леса, о них сейчас удастся разыскать бесспорные свидетельства в документах XVII в. и в картографии XVIII в. Вероятно также урочище с чернолесьем на Черниговщине у пос. Воронеж, ныне украинского (известен лишь с XVII в., а название раскопанного древнерусского селения не установлено). Показано, что, к большому сожалению, в узких филологических исследованиях древней топонимии часто используются недопустимые гадания по внешней форме слов и игнорируется самая первая составляющая – историко-географическая. Как следствие, имеем множество нерасшифрованных названий, и среди них целый массив забытых славянских географических терминов выдается за иноязычный [6.С.423–427; 7.С.137–166, 176–196]. А ведь на пагубное пренебрежение исторической географией еще в 1940-е гг. указывал историк С. Б. Веселовский [11.С.32–33].

Теперь, только после комплексного раскрытия сущности природной и исторической картины, устраняем многие препятствия к трактовке первых упоминаний Воронежа в летописях. Сразу напомним, что летописцы не раз переписывали более древние летописные своды, не сохранившиеся до наших дней, и, вероятно, местами добавляли необходимые пояснения, чтобы тексты были понятны для людей, живших несколько веков спустя. Могут иметь место описки. Но это не дает основания утверждать о «фальсификации» событий или текстов, как порой пытаются заявлять историки, встречающиеся со сведениями, которые они бессильны объяснить, или с кажущимися нестыковками сюжетов. Как раз на основе системного объяснения слова *Воронеж* и разрешается целый ряд противоречий.

Первое упоминание встречается в нескольких летописях под 6685 г. «от сотворения мира», то есть под 1177 г. «от рождения Христова». «В понедельник Федоровой недели» (первая неделя Великого поста) неподалеку от города Владимира, на реке Колокше

случилась битва между дружинами владими́ро-сузда́льского князя Всеволода Большое Гнездо и рязанского князя Глеба. В дружине Глеба был его шу́рин Ярополк Ростиславич. Владимирцы разбили рязанцев, Глеб попал к ним в плен, а Ярополку удалось бежать. Вскоре Всеволод потребовал от рязанцев, чтобы те выдали Ярополка (следовательно, беглец находился на своей территории), и угрожал, что пойдет на Рязань. Обдумав ультиматум, рязанцы без труда разыскали Ярополка и отвезли его во Владимир. Местность, где пытался спрятаться беглец, – *Воронож* (*Воронаж*, *Вороняж*, *Воронеж*).

Из старейшей Лаврентьевской летописи (XIV в.): *«Рязанцы же здумаша, рекуще: «князь наш и братья наши погыбли в чюжем князи», ехавше в Воронож, яша его сами и приведоша его в Володимер»*. В другом варианте списка вместо *«ехавше в Воронож»* – *«ехавше в Воронаж»* [12.С.365–366]. Из Ипатьевской летописи: *«Рязанци же сдумавше рекоша: «князь наш и братья наша погыбли в цюжем князи» – и ехавше Воронаж, и яша его сами, и приведоша его в Володимер»*. В другом варианте списка вместо *«ехавше Воронаж»* – *«ехавше в Вороняж»* [13.С.410]. Существенные дополнения появляются в поздней Никоновской летописи в XVI в. Они, как видно из контекста записей, не надуманы составителями, а, скорее всего, взяты из подробных ранних списков, пусть и не дословно цитированы. То же касается и Воронежа: *«Резанци же реша в себе, глаголюще: «сих ради князей Ростиславичев и нашим князем беда бысть и изгибоша; идем убо в Воронож и имем его», отбежа бо князь Ярополк Ростиславич в Воронож, и тамо прехожашие от града во град, от многие печали и скорби не ведый себя камо ся дети. И тако шедшие в Воронож, изымаша его, и ведоша в Володимер...»* В той же летописи встречаются другие варианты: вместо *«идем убо в Воронож»* – *«идем убо в Воронеж»*, а вместо *«И тако шедшие в Воронож»* – *«И тако шедшие в Воронеже»* [14.С.5].

С XIX в. велись острые дискуссии, что же означало слово *Воронеж* – реку, город или даже Воронежское княжество (которое нигде не фигурирует). Иногда ученые, которые специально не занимались вопросом летописного Воронежа, лишь механически, очень легковверно заносили *Воронеж* как ойконим в список городов XII в. Среди них оказался и академик М. Н. Тихомиров (1946, 1956, посмертное издание книги 2008 г.), к мнению которого иногда пытаются апеллировать, – но мнение как таковое отсутствует [15.С.46]. С лингвистической точки зрения, летописный предлог «в», конечно, не мог указывать только на гидроним; во всех веках говорили пойти «на реку» или «к реке», а не «в реку». Если же считать, что в летописях употребляется макротопоним для обозначения географической области, всё становится на свои места. Понятно, для чего в Никоновской летописи уточнили деталь, уже не вполне ясную поздним читателям. Добавив, что Ярополк переходил «тамо» «от града во град», внесли значительную ясность. Конечно, в таком случае «тамо» – не отдельно взятый город, а территория с несколькими или многими «градами». Необходимо обратить внимание и на дальнейшее повествование: за Ярополком пошли опять-таки «в Воронож», а не «на Воронеж», не на реку, хотя река там тоже текла и течет донныне.

В.П. Загоровский в своей поздней энциклопедии провидчиво и уверенно трактовал летописный Воронеж как «историко-географическую область» [16.С.53]. Но здесь отсутствует определение «природная», а главное, совершенно нет, казалось бы, совершенно необходимой связи с гипотезой «о трех Воронежах» того же автора. Причина очевидна: в гипотезе В. П. Загоровского нет места природе, *Воронежу* отведена главная роль второго города и имеется лишь робкое пояснение того, что в области *Воронеж* мог быть и одноименный город (неясно, по какому принципу выделенный среди других городов) [4.С.6].

Лишь в конце советского периода стала вырисовываться археологическая картина по поводу того, какие же населенные пункты могли уместиться в летописную (не долетописную) ПИО *Воронож* (*Воронож*, *Воронеж*). Ранее на высоком правом берегу р. Воронеж только на двух городищах были обнаружены слои XII–XIII веков: в низовьях – на Животинном (но там был небольшой древнерусский поселок на месте древнеславянского «града»), в среднем течении – на Романовом, в окрестностях современного г. Липецка (В. П. Загоровский пытался выдать его за второй гипотетический город Воронеж). Также в 1960-е –

1970-е годы экспедиции В. П. Левенка и В. И. Матвеевой изучали обнаруженные вблизи Липецка – на Матыре, левобережном притоке Воронежа, – селища Каменное и Казинка, датированные XII–XV вв. и названные по современным селам. Наконец, на рубеже 1980-х и 1990-х гг. к исследованиям подключился археолог Н. А. Тропин, давший селищам итоговую социальную интерпретацию. Открытые, неогороженные поселения оказались крупными сельскими торгово-ремесленными центрами – в особенности Казинка, которая со второй половины XII в. приобрела административные функции над округой, а после монголо-татарского нашествия, со второй половины XIII в., испытала экономический подъем. Автор удачно выделяет «поселенческие модели» на исследуемой территории и к той же модели, что и Казинка, относит Романово городище с прилегающей группой меньших селищ, где новые поселенцы появились «не ранее рубежа XII–XIII вв.» (и использовали более ранние оборонительные укрепления?) [17.С.19,35]. Значит, составители Никоновской летописи могли вполне причислить, в их понятии, такие центры к «градам». Селениям нового типа уже не требовалось прежняя защищенность природой и искусственными крепостями – древесно-земляными ограждениями (отчего и происходит слово «град»). Но по своей функциональности они стояли в одном ряду с поселениями городского типа.

Н. А. Тропин предпринял попытку трактовки летописного *Воронежа* как «волости» – политико-административной единицы [17.С.33]. Но в источниках такая единица не названа. Да и как увидеть данную «волость» исходя из поселенческих моделей? Получаем в одной волости почему-то два выраженных центра на близком расстоянии – Романово, Казинка. Между тем, в верховьях р. Воронеж, на удалении 65–70 км от Романова городища, у слияния двух рек Воронеж, сконцентрирована большая группа других селищ (о них пойдет речь ниже). Так в чем же – объединяющее начало местности при такой полицентричности населенных пунктов? Выходит, только в выдающемся масштабном чернолесном ландшафте, в обозначенной нами ПИО, о которой автор не знал. Для феодального летописного *Воронежа* градостроительная ситуация в ПИО стала значительно отличаться от прежнего древнеславянского гнезда, где в системном расположении общинных «градов» четко выделялся главный административный центр (невозможно не предположить, что там он мог повторять название всей области *Воронеж* или иметь название в значении «главный город Воронежа» – это тема для отдельного исследования).

Современные археологи А. Д. Пряхин и М. В. Цыбин, исследователи Семилукского городища, предлагали отождествить именно его с летописным *Воронежем*. В 1980-х гг. они воистину совершили открытие, доказав существование здесь самого южного, пограничного из всех древнерусских предмонгольских «градов». Городище находится на территории современного районного г. Семилуки, на р. Дон, напротив нынешнего г. Воронежа. По мнению А. Д. Пряхина, в 1177 г. потерпевшему поражение Ярополку было выгодно бежать до самого дальнего «града» [18.С.108–126]. На окраине рязанских земель, в низовьях р. Воронеж, этот «град» имел оборонное значение наряду с Животинным городищем вблизи с. Староживотинное. Но, в отличие от Животинного, где в глухом непроходимом месте на базе бывшей древнеславянской крепости был сторожевой поселок, Семилукское отличалось городским характером, развитыми экономическими функциями. По существу, требуется исправить карту Руси, до сих не выправленную в школьных учебниках. Однако топонимическое предположение А. Д. Пряхина и М. В. Цыбина казалось для многих ученых невероятным в связи с расположением «града» не на р. Воронеж, а на Дону, да еще примерно в 19 км от устья р. Воронежа, да на противоположном берегу Дона. Однако это городище попадает на территорию, обозначенной нами ранней ПИО *Воронеж* – на край великого чернолесья, которое захватывало и правый берег Дона! Более того, поселение существовало и ранее в VIII–XI вв. и, по сведениям археологов, жизнь на нем не прерывалась. Так удастся примирить все точки зрения. Правда, трудно допустить, что имя бывшего города Семилукского городища могло быть абсолютно идентичным с названием местности *Воронеж*. Получается, что городок в большей степени отмечает край не летописного

древнерусского *Воронежа*, а раннего древнеславянского *Воронежа*, а там был совсем другой главный «град».

В то же время только теперь удастся понять в полной мере, почему Ярополк бежал именно «в Воронеж». Не столько из-за дальности, сколько из-за ландшафтной труднодоступности ПИО – из-за дремучих дубрав и приречных ольшаников, из-за глубоких и наполненных родниковой водой оврагов, широких и топких болотистых территорий. Уже сама река Воронеж с геометрической точки – не линейное явление. Даже ее уникальная пойма, ширина которой местами больше 3 км, со многими русловыми разветвлениями, затонами и прибрежными топями, с островами, также покрытыми лесом, была громадной по площади территорией – областью. Куда же именно бежал Ярополк? Учтем и расстояния, которые рязанский князь успел бы преодолеть в реальности, и его легкую поимку, а также летописные слова «от града во град» – подразумевается достаточное скопление поселений, а не отдаленные пограничные пункты. И тогда получим вывод: наиболее вероятный район бегства – это верхнее и среднее течение реки, территория современных Тамбовской и Липецкой областей. Ярополк вполне мог доскакать до селищ, обнаруженных вблизи Липецка. Надо еще иметь в виду, что его бегство пришлось на переход от зимних погодных условий к летним. Вероятно, еще не оттаяли реки и болота, и можно было использовать ледовое русло как быструю прямую дорогу. Но тогда не стояли или, еще хуже, подталяли снега: все равно быстрый дальний путь до Дона и обратно, на мой взгляд, сомнителен.

В верховьях р. Воронеж, там, где она делает огромную петлю, донные уцелели крупные лесные массивы: Иловый в Тамбовской области и Добровский в Липецкой (дубравы превращены в смешанные леса). Напротив, средняя часть бывшей ПИО *Воронеж* оказалась значительно оголенной. На левом побережье Воронежа, на Матыре лес частично вырублен в 1970-х гг. при создании Матырского водохранилища. На правом берегу – вопиющая картина: во всей округе Липецка и к западу до Дона сплошной лес уничтожен в течение нескольких веков. Многочисленные исследователи не имели представления об общем великом чернолесье, поэтому не могли понять, что такое исконный и искомый *Воронеж*, он же *Воронож*, *Воронаж*, *Вороняж*...

Ряд авторов пытался связать события 1177 г. с поселком Воронеж, ныне находящимся на территории Украины. Но даже в чисто гипотетической форме такие выкладки не выдерживают критики. Рязанцы могли уверенно отыскать и поймать Ярополка только на своей территории. А место нынешнего пос. Воронеж было владением Черниговского княжества, из которого Муромо-Рязанское выделилось задолго до 1177 г. (как считается, в 1127 г.).

Замечу также, что В. П. Загорский писал как о некоем любопытном феномене об употреблении даже в документах XVI–XVII вв. по отношению к новой крепости Воронеж на р. Воронеж (к современному городу) давних вариаций *Воронеж*, *Воронаж*, *Воронож*, *Вороняж* [4.С.24]. Теперь они становятся неувидимыми. «Разнобой» ярко показывает живые славянско-русские суффиксы с одинаковым смыслом – результат обширности или интенсивности действия – в данном случае сильного «зачернения» лесами (а вовсе не составной корень *-нег*, который искал автор гипотезы о «трех Воронежах») [7.С.167–194]. Последний слог в давние века мог быть ударным или безударным – в древнерусском языке ударение не играло большой роли. Вероятно, не случайно в Никоновской летописи как в наиболее поздней появляется суффикс *-еж* с указанием на завершенность действия (а также на принадлежность объекта к чему-либо) в отличие от *-ож*, *-аж*, *-яж*. Он и закрепился.

Второе упоминание – чрезвычайно значимое. Оно обозначено 1237 годом в связи с трагическими событиями: хан Батый начал завоевание Руси, в результате был уничтожен (и впоследствии не восстановлен на старом месте) г. Рязань – центр княжества, в пределы которого входила часть большая часть бассейна р. Воронеж, а в зону влияния – вся река. Запись в Никоновской летописи: «Того же лета приидоша от восточныя страны на Рязанскую землю, лесом, безбожнии татарове, с царем их Батыем, и пришедше сташа первое станом по Онозе, и взяша ю и пожгоша...». Русские князья – рязанские, муромские и

пронские, – решив дать бой завоевателям, «выидоша противу их в Воронож», но потерпели поражение [14.С.105]. Есть и другие варианты текста той же летописи: вместо «в Воронож» – «в Воронеж», вместо «станом по Онозе» – «сташа... ту Онузе». Тверская летопись дает вместо «по Онозе» – «о Нузле» и добавляет топоним *Черный лес*: «Зимоваша окаанныи Татарове под Черным лесом, и оттоле приидоша безвестно на Рязанскую землю лесом, с царем их Батием; и прьвое приидоша и сташа о Нузле, и взяша ю, и сташа ту станом». Затем аналогично Никоновской: «выидоша противу их в Воронож» [19.С.366]. В «Повести о разорении Рязани Батием» – в более поздних списках XVI–XVII вв. – сделали уточнение: указали реку, знакомую современникам. Батый «ста на реке на Воронеже близ Резанския земли» [20.С.9].

Разночтения в летописях сразу указывают на технические несовершенства, допущенные при переписывании текстов, на разноречивость в передаче забытого, уже тогда непонятного, древнего названия – то ли города, то ли реки, где остановился Батый. С одной стороны, древний объект вроде бы тождественен реке Воронеж; с другой – понятно, что реку, в отличие от населенного пункта, нельзя «сжечь». В разгадке головоломки безуспешно участвовали многие поколения известных и забытых историков, географов и краеведов, начиная с С. М. Соловьева, М. П. Погодина, П. П. и В. П. Семеновых-Тян-Шанских, И. И. Дубасова и кончая современными тамбовскими и воронежскими краеведами. Как водится, непонятный топоним обычно объявляют иноязычным, почему-то не стараясь в первую очередь искать русский корень в названии русского географического объекта. Проявляется и «местечковость»: многие авторы пытаются открыть «Онозу» («Онузу») в той местности, где они живут или где проводят исследования. Несколько тамбовских рек удачно «подходят» для расположения «Онузы» исходя лишь из тех соображений, что это бывшие подступы к основной территории Рязанского княжества. Рассмотрение ПИО *Воронеж* позволяет по-новому справиться и с проблемой пресловутой «Онузы» (намеренно не убираю кавычки).

Во-первых, запись в Тверской летописи можно трактовать как очень удачное – краткое, но емкое – указание на сущность ПИО *Воронеж*. Татары стояли под черным лесом (очевидно, в низовьях) и дальше пошли опять лесом – так показана линейная протяженность лесов. В отличие от твердого древнеславянского понятия *вороной*, древнерусским определением лиственного леса стало *черный*. И новый летописец, конечно, пишет: *черный*. Можно предположить, что остатками *Черного леса* являются сохранившиеся в окрестностях г. Воронежа дубравы: Воронежская нагорная и Шиловская. Но летописец не вправе менять известный древний макротопоним. Русские войска вышли в *Воронож*: скорее всего, это указывает на наибольшую устойчивость во времени макротопонима в верховьях реки Воронеж – там, где леса были самыми широкими. Вышли в *Воронож* (не на *Воронож*) – конечно, туда же, в знаменитую географическую местность, в тот же лес, куда пришел враг.

Заодно блестяще подтверждается мнение о *Черном лесе* историка В. В. Каргалова, исследователя передвижения Батия. Он считал, что во время похода Батия черные леса росли только в пойме р. Воронеж или в междуречье Воронежа и Дона [21.С.30–31].

Рассмотрим теперь, что такое «Онуза» («Оноза»). Собственно, слово в именительном падеже женского рода сконструировано поздними исследователями, в летописях его нет. Но не начать ли перевод в именительный падеж с того варианта топонима, который дает более подробная и последовательная летопись – Тверская? Тогда получаем: предлог *о* означает *около*, а если принять, что слово *Нузле* мужского рода, в именительном падеже будет – *Нузел* или *Нузл*. Остается убрать лишнюю первую букву, добавленную переписчиками и публикаторами при передаче непривычных сочетаний предлогов с непонятным топонимом, чтобы получилось понятное русское слово *Узел*, или *Узл*. Согласно словарю И.И. Срезневского, в древности в этом слове вместо *е* писали также твердый знак: *узъл* [22.Стб. 1173]. Позвольте, но именно так еще в XVIII в., не сомневаясь, прочитал летописи известный историк В. Н. Татищев, автор первого капитального труда по русской истории! Он работал непосредственно с подлинными, еще не опубликованными, текстами. Считая топоним гидронимом и употребляя его в предложном падеже, В. Н. Татищев пишет про татар: «И

придя, стали сначала на реке Узле...». В подзаголовке на полях издания 1774 г. топоним указан в именительном падеже мужского рода: «Узл р.» [23.С.466]. Только историк не задумывался над смыслом названия. Напрасно несколько современных авторов утверждают, якобы у Татищева – «река Узла». Еще более нелепым выглядит перевод советского краеведа П. Н. Черменского, который переименовал запись из Троицкой летописи «от Нухле» (описка?) в смешное «река Нухля». Впрочем, он ориентировался на привычный «фантом» «Онуза» и пытался «переделать» его в реальную тамбовскую р. Узовку [24].

Итак, где же в ПИО *Воронеж* мог существовать географический объект *Узел* и что могли там сжечь? При изучении картографии напрашивается единственный вывод: узловым было уникальное слияние двух рек Воронежей в один Воронеж. Южнее современного г. Мичуринска Лесной Воронеж и Польной Воронеж соединяются под острым углом, образуя при устье вытянутый междуречный треугольник. На карте речной узел хорошо выделяется в форме буквы Y. В древности слияние рек происходило в окружении леса, в общем чернолесье. Далее необходимо привлечение данных археологии, полученных в течение раскопок 1950-х – 1990-х гг., но, главное, доведенных до блестящего результата С. И. Андреевым лишь недавно, в 1999 г. В целом на берегах трех рек Воронежей вблизи их слияния выявлены 22 селища древнерусского времени. Непосредственно около речного узла, в районе нынешнего села Новоникольского Тамбовской области, обнаружены сразу шесть селищ конца XII – XV вв. [25]. Этот комплекс находится как раз в конце Ногайской дороги, по которой кочевники совершали набеги на Русь в позднем средневековье. Все исследователи сходятся в том, что здесь сохранялись стратегические оборонительные традиции как в домонгольское время, так и гораздо позже, при строительстве Белгородской черты. Не случайно тут же возле Урляпова брода сохранился Урляпов вал XVII в.

Отсутствие городища XIII в., то есть хорошо укрепленного населенного пункта, на речном узле, как раз и работает в пользу отождествления «Онузы» с *Узлом*. Татары легко, без боя, сожгли *Узел*, то есть русские поселки. И остановиться им требовалось именно здесь, ибо далее к северу начиналась зона укрепленных позиций Рязанского княжества. Видимо, *Узел* – одновременно и гидроним, и название всего урочища со слиянием рек и селищами.

Жаль, что сам С. И. Андреев пытался совместить «Онузу» с раскопанным им Никольским городищем в верховьях р. Цны [26.С.16] – вне бассейна р. Воронеж и без изучения макротопонима *Воронеж*, несмотря на его прямую летописную связь с *Узлом*.

Оказывается, моя локализация «Онузы», то есть *Узла*, не нова. Предположения о том, что «она» (он) находится в этом стратегическом месте, высказывали еще в 1890 г. тамбовский краевед И. И. Дубасов (но следов поселения тогда не обнаружили) [27] и в 1902 г. географы П. П. и В. П. Семеновы-Тян-Шанские, прямо указавшие на Никольскую станцию железной дороги при с. Ново-Никольском [28.С.369–370]. Почему, казалось бы, правильные версии не стали общепризнанными? Они основывались лишь на логике военных событий и поэтому не могли быть завершены без данных нескольких наук.

Таким образом, ряд авторов делал верные догадки, но только в своих узких областях знаний. При комплексном подходе к изучению ПИО *Воронеж* все знания, собранные к началу XXI в., уверенно складываются в непротиворечивую и самую вероятную картину.

Остается еще вопрос: как же враг смог столь легко одолеть хваленую неприступную область, ее природные преграды? Батый решил напасть в начале зимы, что кратко указывает Тверская летопись и что уверенно доказывает В. В. Каргалов [21.С.5,30–31]. Реки становились не преградами, а удобными путями передвижения, броды теряли значение. Поэтому Батый коварно подошел не по открытой степной дороге, впоследствии названной Ногайской, а по широкой долине р. Воронеж, спрятанной лесами, – уже заледенелой, но еще не занесенной сугробами. Поэтому его легкий проход «лесом» стал полной неожиданностью для русских. Чтобы скрытно пройти в низовьях реки мимо сторожевого поста Животинного городища, Батыю неизбежно пришлось прижаться к левому восточному берегу и углубиться в лес. Но там были обширные топкие затоны и болота в устье р. Усмань. Преодолеть их можно было только в мороз. Далее в верховьях реки Воронеж татары должны были

неминуемо отступить от широкой долины, чтобы обойти с востока громадную речную петлю р. Воронеж – не делать длинный опасный и бесполезный крюк. И тогда они направляются через лес как раз к *Узлу* – имеем полное соответствие и с логикой военного похода.

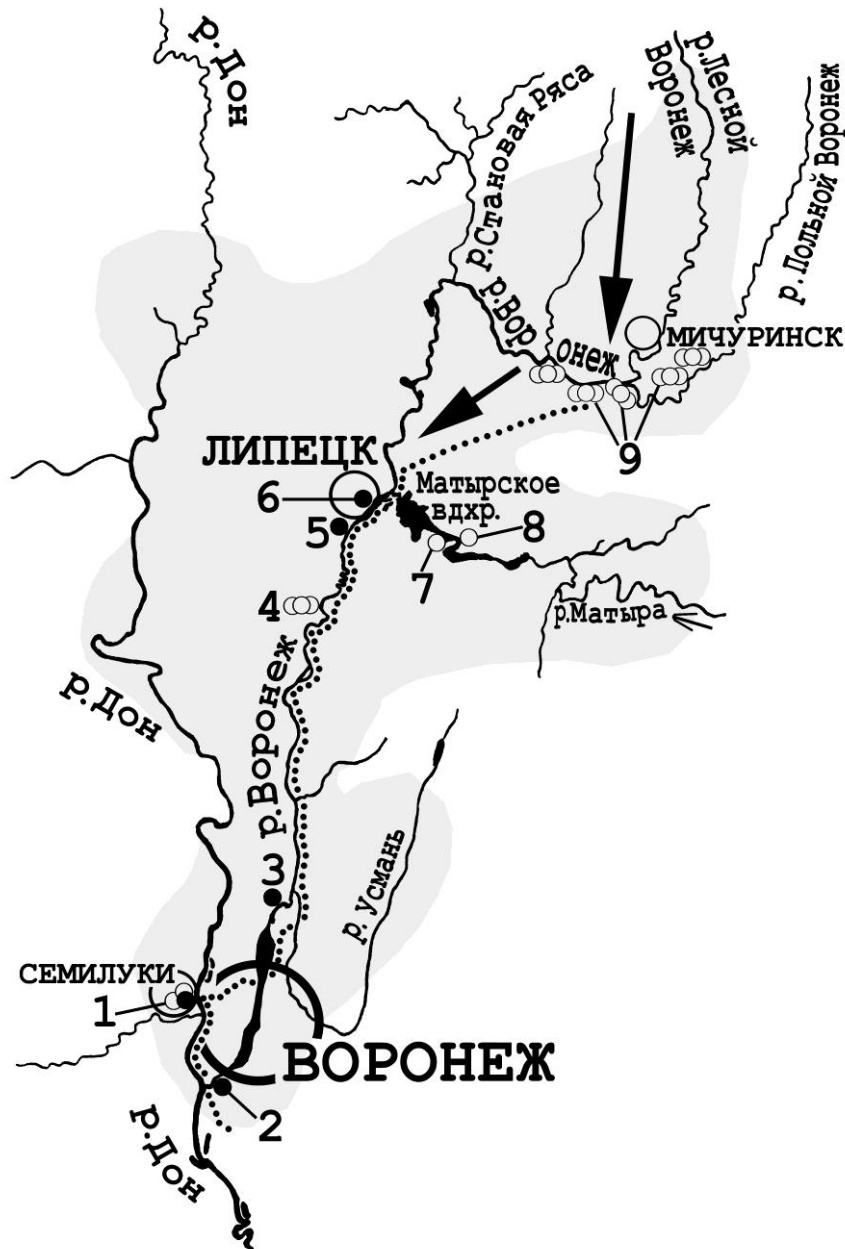
Такая версия событий полностью подтверждается и записками венгерского монаха Юлиана, побывавшего на Руси в 1237 г., как раз во время Батыева нашествия. Многие историки ставили под сомнение достоверность этого источника. Но нашему комплексному исследованию и он не противоречит – напротив, дополняет деталями, вполне вписывающимися в общую картину. Надо только понимать, что подлинник писан не на некоем древневенгерском языке, а на латыни, и далее очевидны сложности расшифровки и перевода на венгерский, а затем на русский языки. При такой сложной неоднократной транслитерации топонимов, услышанных и записанных Юлианом, неизбежны искажения. Они и привели к буквенной бессмыслице, ставшей камнем преткновения историков.

В 1940 г. исследователь и переводчик С. А. Аннинский осуществил в СССР четвертое издание записок (первое на русском языке) с комментариями. В частности, Юлиан сообщает, что вторая часть войск Батыя *«уже нападала на границы Рязани»*, а третья *«остановилась против реки Дона, близ замка Воронеж (Ovcheruch), также княжества русских»*. Стоя на Дону, татары для завоевания Руси *«ждут того, чтобы земля, реки и болота с наступлением ближайшей зимы замерзли»* (со слов бежавших русских). Двойное название замка дано публикаторами. С. А. Аннинский в сноске пояснил, что в основном рукописном варианте письма Юлиана значится название *Ovcheruch*, но в другом списке – *Orgenhusin*. Предыдущий публикатор Л. Бендефи вписал *Воронеж* в скобках, С. А. Аннинский элементарно переписал [29.С.86]. Так он повторил распространенную ошибку насчет того, что современный г. Воронеж упоминался в летописях еще в 1177 г. Но и за его ошибку впоследствии цеплялись многие краеведы, пытаясь отождествить г. Воронеж с *Ovcheruch (Orgenhusin)* и из патристических чувств удлинить возраст города. В этом случае мы имели бы еще одно упоминание слова *Воронеж*. В. П. Загоровский решительно отвергал такое тождество [4.С.15], и я с ним полностью согласен. Оба варианта совершенно не похожи на *Воронеж*.

Тем не менее, для русского городка надо искать русское название. Подчеркиваю, *Ovcheruch* и *Orgenhusin* – один и тот же ойконим, а не два разных. В ранее проведенном исследовании уже был осуществлен анализ искажений букв при переписывании слов с поиском приемлемого исходного русского варианта. Предварительные наиболее удачные результаты поиска: *Очернач*, *Очернуч*, *Очернаж*, что предположительно можно расшифровать как «город около чернажа, то есть обширной черной территории», или *Овчернач*, *Овчернуч*, *Овчернаж* – возможно, «этот (тот) город чернажа» [7.С.335–338].

Не исключаю другого похожего слова, но по итогам рассмотрения всех данных не могу не сделать вывод: наиболее вероятный кандидат на загадочный «замок» – Семилукское городище! Во-первых, оно находилось на краю чернолесья, и древнерусское население, в отличие от древнеславянского, все чаще говорило про *черный* цвет леса, не про *вороной*. Не случайно *Очернаж*, а не «*Оворонаж*». Как бы то ни было, мы опять реабилитируем версию о принадлежности Семилукского городища к области *Воронеж*. Во-вторых, даже если внимать не топонимическим деталям, а только историческим и топографическим, – и они у Юлиана соответствуют летописным данным. Здесь, в низовьях, около черного леса, татары ждали морозов (а другое войско в это время отвлекало внимание рязанцев, нападая, но не побеждая). Но не на широком устье р. Воронеж, а немного выше на Дону, около нейтрализованной русской крепости, было подходящее место для стана. От Дона напротив Семилукского городища отходит крупный длинный лог к водоразделу Дона и Воронежа (теперь по нему впадает из г. Воронежа в Дон сточный ручей Голубой Дунай). Минуя водораздел, татарам удобно было сразу проникнуть в другой крупный, очень глубокий, буерак (ныне территория городского парка «Динамо») и таким совершенно скрытым лесным путем попасть на р. Воронеж. Можно предположить, что в глубокой древности, во время выбора места для крайнего древнеславянского, а затем и древнерусского «града», учитывали этот стратегический проход поперек междуречья. При обратном скрытом

движении через буераки с восточной стороны, от р. Воронеж, враг упирался бы в городище на противоположном берегу Дона. Несомненно, благодаря замечательному ландшафту междуречья в нем поставили и нынешний г. Воронеж. Однако Батый и здесь превратил удобства противника в свои удобства. По существу, выбор ПИО *Воронеж* для основного пути нападения предрешил завоевание Руси.

Объекты природно-исторической области *Воронеж* и события в ней в летописное время (при совмещении с современной картой). Основные установленные (1, 3, 4, 5, 7, 8, 9), а также спорные (2, 6) древнерусские населенные пункты: 1 – Семилукское городище с группой селищ; 2 – малоисследованный объект в урочище Червлёный Яр (в конце XIX – начале XX в. зафиксированы остатки неатрибутированных земляных укреплений и предметы монгольского периода); 3 – Животинное городище; 4 – группа селищ у с. Крутогорье; 5 – Романово городище; 6 – плохо сохранившийся памятник археологии «Липецкое городище» (оспаривается наличие укреплений и слоя XIII в.); 7 – селище Казинка; 8 – селище Каменное; 9 – вероятный Узел (ошибочно «Онуза»): группы селищ при слиянии р. Польной и Лесной Воронеж вблизи г. Мичуринска, на территории с. Новоникольского и др. Серым фоном показана приблизительная территория бывшего чернолесья. Стрелками обозначены вероятные направления бегства князя Ярополка в 1177 г., точечной линией – вероятный путь войска Батыя в 1237 г. Схема П. А. Попова

В-третьих, исторической картине соответствуют результаты раскопок Семилукского городища. Другого населенного пункта, который подходил бы под нужное упоминание «замка», не известно во всем регионе (во всяком случае, еще не известно). Враг не мог оставить в стороне военную крепость, вдобавок окруженную, как выяснили археологи, несколькими селищами. Исследователи установили, что «град» прекратил существование после нашествия Батыя: это видно и по характеру керамики, и по человеческим останкам. Еще в 1927 г., когда городище было открыто блистательным поисковиком Н. В. Валукинским, на склоне мыса нашли скелеты со следами расчленения [30].

В следующий раз летописи обращаются к воронежской топонимии в связи с событиями на русской земле в 6791–6792 (1283–1284) гг. Фигурируют *Вороножские леса* (не «Воронье»). Топоним не цвет леса обозначает, а является производным от макротопонима *Воронож*. По существу, это **третье упоминание** и конкретизация верхней части ПИО *Воронеж*. Иловайский и Добровский леса – остатки летописных лесов. Однако историческая ситуация связана со сложной проблемой локализации *Липецкого княжества* и соответственно летописного *Липецка* и поэтому требует рассмотрения в отдельной статье.

А в нижней части ПИО во время ордынского режима, безусловно, также сохранялось привычное название *Воронеж*, несмотря на рассмотренные упоминания *Черного леса*. По крайней мере, так именовали широкую долину реки – постоянное цепкое связующее звено всей области. И гидроним закрепился навечно.

Библиографический список

1. **Попов А. И.** К вопросу о мордовской топонимике / А. И. Попов // Советское финноугроведение. – Саранск : Мордов. гос. изд-во, 1948. – Т. 2: Филол. докл. на конф. по вопр. финно-угор. филологии в Ленинграде в 1947 г. – С. 203–230.
2. **Кожемякин А. В.** О происхождении слова «Воронеж» / А. В. Кожемякин // Материалы конф. по изучению южнорус. говоров и памятников письменности (6–8 дек. 1962 г.). – Воронеж, 1964. – С. 103–106.
3. **Милонов Н. П.** Топонимика и некоторые вопросы из истории Древней Руси / Н. П. Милонов // Учен. зап. Рязанского пед. ин-та. – Рязань, 1957. – Т. 16. – С. 140–141.
4. **Загоровский В. П.** О древнем Воронеже и слове «Воронеж» / В. П. Загоровский. – Изд. 2-е. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. – 104 с.
5. **Мильков Ф. Н.** Город Воронеж и Подворонежье / Ф. Н. Мильков // Природа и ландшафты Подворонежья. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1983. – С. 4–24.
6. **Попов П. А.** Комплексный подход в топонимических исследованиях в связи с историей русского градостроительства (на примере Центрального Черноземья) / Попов П. А. // Девятые всероссийские краеведческие чтения (Москва – Воронеж, 15–19 мая 2015 г.). – М. : ИЦ «Краеведение» ; Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2016. – С. 423–434.
7. **Попов П. А.** Воронеж: древнее слово и древние города, а также древние леса и древние реки России / Попов П. А. – Воронеж: Кварта, 2016. – 608 с.; URL: <https://cloud.mail.ru/public/Efs2/HuQWbgaWw>.
8. **Винников А. З.** Дорогами тысячелетий: Археологи о древней истории Воронежского края / А. З. Винников, А. Т. Синюк. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2003. – 280 с.
9. **Григорьевская А. Я.** Флора дубрав городского округа город Воронеж: биогеографический, экологический, природоохранный аспекты / А. Я. Григорьевская, Д. С. Зелепукин. – Воронеж : Воронеж. обл. тип. – изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2013. – 260 с.
10. **Ахтырцев Б. П.** Разновозрастные палеопочвы легкого гранулометрического состава в нижнем течении р. Воронежа и их эволюция в эпоху бронзы и последующее время / Б. П. Ахтырцев, А. Б. Ахтырцев, Л. А. Яблонских // Пастушеские скотоводы Восточно-Европейской степи и лесостепи эпохи бронзы : историография, публикации. – Воронеж, 2005. – (Серия: Археология Восточно-Европейской лесостепи. – Вып. 19) – С. 173–179.

11. **Веселовский С. Б.** Топонимика на службе у истории / С. Б. Веселовский // Исторические записки. – М., 1945. – Т. 17. – С. 24–52.
12. Летопись по Лаврентьевскому списку / Изд. Археогр. комис. – СПб., 1872. – XIV, 512, 63 с.
13. Летопись по Ипатскому списку / Изд. Археогр. комис. – СПб., 1871. – 706 с.
14. Полное собрание русских летописей / Изд. Археогр. комис. – СПб., 1885. – Т. 10: VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью: [продолжение]. – 244 с.
15. **Тихомиров М. Н.** Древнерусские города / М.Н. Тихомиров. – [Изд. 3-е, стереотип.]. – СПб. : Наука-СПб., 2008. – 349 с.
16. **Загоровский В. П.** Воронежская историческая энциклопедия / В. П. Загоровский. – Воронеж : Истоки, 1992. – 251 с.
17. **Тропин Н. А.** Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья в XII–XV вв. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Н.А. Тропин. – М., 2007. – 44 с.
18. **Пряхин А. Д.** Археология... Наследие / А. Д. Пряхин. – Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1988. – 184 с.
19. Полное собрание русских летописей / Изд. Археогр. комис. – СПб., 1863. – Т. 15: Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. – 504 с.
20. Повесть о разорении Рязани Батыем в 1237 году : Волоколамский список XVI в. // Воинские повести древней Руси. – М.; Л. : Изд-во Академии наук СССР. – 374 с.
21. **Каргалов В. В.** Монголо-татарское нашествие на Русь. XIII век / В. В. Каргалов. – М. : Просвещение, 1966. – 135 с.
22. **Срезневский И. И.** Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский; Изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Император. академии наук. – СПб. : Тип. Император. академии наук, 1903. – Т. 3. – 1684, 272 стб.
23. **Татищев В. Н.** История Российская с самых древнейших времен : в 4 кн. / В. Н. Татищев. – М. : Император. Моск. ун-т, 1774. – Кн. 3. – 536 с.
24. **Черменский П. Н.** Два спорных вопроса топонимики древней Рязанщины / П. Н. Черменский // Археогр. ежегодник за 1959 г. – М., 1960. – С. 14–15.
25. **Андреев С. И.** Комплекс средневековых памятников в верховьях р. Воронеж / С. И. Андреев // Археологические памятники Восточной Европы : межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж : Воронеж. гос. пед. ун-т, 2005. – С. 192–196.
26. **Андреев С. И.** Юго-восточное Рязанское пограничье в XII – XV вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. И. Андреев. – Тамбов, 2005. – 22 с.
27. **Дубасов И. И.** Где была Онуза, на которой стояли татары зимой 1237 г. // Известия Тамбовской губернской ученой архивной комиссии. – Тамбов, 1890. – № 27. – С. 13–16.
28. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества / сост. В. П. Семенов, И. П. Семенов, П. П. Семенов и др.; под ред. В. П. Семенова; Изд. А. Ф. Девриена. – СПб., 1902. – Т. 2. – 717 с.
29. **Аннинский С. А.** Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе / С. А. Аннинский // Исторический архив. – М.; Л., 1940. – Т. 3. – С. 71–90.
30. **Пряхин А.Д.** Раскопки многослойного Семилукского городища / А. Д. Пряхин, М. В. Цыбин // Археологические памятники эпохи бронзы Восточноевропейской лесостепи : межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1986. – С. 58–71.

*Нижегородский государственный университет им.
Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал
Студент 5 курса Историко-филологического
факультета
Шашков В.А.
Россия, г. Арзамас, тел. 9873993649;
e-mail: vlad-shashkov@mail.ru*

*Nizhny Novgorod State University named after N.I.
Lobachevsky, Arzamas branch
Student of Faculty of History and
Philology
Shashkov V.A.
Russia, Arzamas, tel. 89873993649
e-mail: vlad-shashkov@mail.ru*

В.А. Шашков

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОЛЛАНДЦЕВ В ЯПОНИИ: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ

Статья посвящена истории развития японо-голландских отношений в период с начала XVII до XIX веков. Раскрывается роль Уильяма Адамса в зарождении данных отношений в первой четверти XVII века. В статье анализируются причины сохранения отношений с Голландией, как единственной европейской страны, имеющей право вести торговую деятельность на территории Японии. Автор, опираясь на труд Филиппа Франца фон Зибольда, описывает быт на острове Дэдзима, который играл роль единственного порта в Японии, открытого для внешней торговли. Отношения между странами развивались в условиях увеличения надзора японских властей за деятельностью европейцев. Условия жизни голландцев были весьма суровы, каждое их действие строго регламентировалось японской властью. Несомненно, только экономические интересы удерживали голландцев в Японии. Это позволило сохранить торговый и культурный обмен между Японией и Европой.

Ключевые слова: Япония, Голландия, голландско-японские отношения, Филипп Франц фон Зибольд, Дэдзима, голландцы в Японии.

V.A. Shashkov

DUTCHERS ACTIVITY IN JAPAN: HISTORY OF RELATIONSHIP DEVELOPMENT AND LIVING CONDITIONS

The article is devoted to the history of the development of Japanese-Dutch relations in the period from the beginning of the XVII to XIX centuries. The role of William Adams in the origin of these relations in the first quarter of the XVII century is revealed. The article analyzes the reasons for maintaining relations with the Netherlands, as the only European country that has the right to conduct trading activities in Japan. The author, relying on the work of Philip Franz von Siebold, describes life on the island of Dejima, which played the role of the only port in Japan, open to foreign trade. Relations between the countries developed in the face of increased supervision by the Japanese authorities over the activities of Europeans. The living conditions of the Dutch were very harsh, each of their actions was strictly regulated by the Japanese authorities. Undoubtedly, only economic interests kept the Dutch in Japan. This made it possible to preserve trade and cultural exchange between Japan and Europe.

Key words: Japan, Holland, Dutch-Japanese relations, Philip Franz von Siebold, Dejima, the Dutch in Japan.

Голландцы на территории Японии появились значительно позже португальцев и испанцев, однако голландско-японские отношения были более длительными и сыграли весомую роль в культурном и товарном обмене между странами. Первая экспедиция голландцев в Японию, отправленная 2 августа 1595 года, закончилась неудачно. Организаторам не удалось полностью покрыть свои расходы даже спустя 2 года после возвращения. Однако попытки на этом не закончились. В 1598 году была отправлена вторая экспедиция, которая оказалась весьма удачной, несмотря на большие потери. Так, из пяти кораблей, отплывавших из Голландии, Японии достиг только один. Это было судно «Лифде», штурманом которого был англичанин Уильям Адамс.

Адамс произвел на японского правителя Иэясу Токугава настолько сильное впечатление, что сразу получил пост советника в свите сегуна. Уильям Адамс успешно использовал свое положение в Японии для оказания помощи голландским и английским купцам, а также для нанесения вреда испанцам и португальцам. В 1609 году к берегам Японии прибыла целая Голландская флотилия [4.С.240-241]. Голландцы, пообещав не вести религиозной пропаганды и не участвовать в незаконных делах, получили торговую факторию в Хирадо. В 1613 году такое же разрешение было получено англичанами. Важно отметить, что японскому правительству миссионерская деятельность португальцев и испанцев внушала серьезные опасения [6].

Активная деятельность англичан и голландцев позволяли японскому правительству постепенно уменьшать торговые обороты с Испанией и Португалией, а также переходить к открытой фазе борьбы с христианством. В 1612 году вышел указ правительства об изгнании христианских миссионеров из Японии. Данный указ сильно пошатнул позиции португальцев и испанцев, однако окончательный удар был нанесен подписанием Голландией и Великобританией в 1619 году договора о захвате в водах Дальнего Востока испанских и португальских кораблей. Всех служителей церкви, находившихся на кораблях, передавали японскому правительству, которое чаще всего казнило пленников. Известно, что в это время в Нагасаки было сожжено тридцать испанских миссионеров, пойманных голландцами и англичанами [2.С.345].

Однако со временем активность англичан и голландцев привела к недовольству японского правительства, которое терпело убытки от их пиратских нападений на китайские суда, перевозивших португальские и испанские товары. В сентябре 1621 года сегун издал указ о запрете пиратства вблизи Японских островов. Это нанесло удар, в первую очередь, по экономическим интересам англичан, которые и без того испытывали в Японии проблемы в связи с непопулярностью английского текстиля и высокой конкуренцией голландцев. В 1623 году члены английской фактории полностью покинули Японию [2.С.356]. Начиная с этого времени, порядка более двух веков голландцы имели монопольное право среди всех других европейцев на торговлю с Японией.

С 1631 года торговая деятельность голландцев начинает подвергаться ограничениям. Внук Иэясу Токугава сёгун Иэмицу ввел ряд жестких правил, которые наносили существенный экономический вред голландцам. Наиболее важные были связаны с вводом фиксированных цен на определенные группы товаров, в частности на шелк-сырец в 1633 году.

В 1637 году произошло антиправительственное восстание под христианскими лозунгами в княжестве Симабара на острове Кюсю. Оно вызвало широкий общественный резонанс и привело к жестоким мерам японского правительства по запрещению торговой и миссионерской деятельности европейцев, за исключением Голландии, оказавшей помощь в подавлении Симабарского восстания [7].

Несмотря на содействие голландцев японскому правительству, ограничительные меры в отношении их деятельности усиливались. В 1640 году голландцы построили большой каменный склад для своих товаров. На его фронте была нанесена дата окончания строительства по христианскому календарю. Это вызвало возмущение японского правительства, которое приказало разрушить все сооружения, на которых имелись подобные надписи [2.С.338-339].

Тяжёлым ударом для голландцев стал перенос их фактории на остров Дэдзима, который ранее принадлежал португальцам. Причина переноса именно на этот остров объяснялась тем, что Дэдзима находился в непосредственной близости от Нагасаки, и полностью контролировался японским правительством. К тому же залив Нагасаки занимал выгодное положение для захода судов. С этого времени вся внешняя торговля Японии должна была вестись в Нагасаки, который остался единственным открытым портом.

Дэдзима (в некоторых источниках Дезима [3]; в переводе с японского – «передовой остров»: дэд – перед, зима – остров) представлял собой искусственный остров,

предназначенный для единственного места жительства голландцев в Японии. Другое название острова – Цукисима («построенный остров»). Он имел длину 236 шагов и ширину – 82 шага и напоминал японский веер [5].

Важно отметить, что за весь период деятельности Дэдзимы, как единственного места нахождения голландской фактории в Японии, положение дел на острове оставалось практически неизменным. Единственное, что изменялось во времени, это прибыли голландцев. До конца XVII века голландцы получали значительный доход от торговли с Японией, но затем их прибыли начали понижаться. К примеру, к середине XVIII века торговый оборот Голландии с Японией сократился втрое. Однако даже пониженная прибыль голландцев была достаточной для продолжения торговой деятельности в Японии.

Яркой личностью в истории как острова Дэдзима, так и всех японо-голландских отношений является немецкий ученый-естествоиспытатель Филипп Франц фон Зибольд (1796-1886). В период с 1823 по 1829 и с 1859 по 1862 гг. он возглавлял голландскую факторию, а в перерывах работал врачом в Дэдзиме. За это время Зибольд написал ряд научных исследований, среди которых семитомная «Япония», «Фауна Японии», «Флора Японии». Большой интерес вызывают отрывки из описаний путешествий ученого, в которых он рассказывает о положении дел в Дэдзиме.

Любая деятельность в Дэдзиме строго регламентировалась, начиная от захода судна в порт до расчета дохода голландских купцов и их отплытия. При появлении иноземного судна японские караульные сообщали об этом в Нагасаки, а на само судно высылались шлюпка с японскими служащими, которые опрашивали моряков о названии корабля, причинах их визита, пути, по которому они прибыли в Дэдзиму, грузе, содержащемся на корабле, и количестве экипажа. Все ответы записывались и передавались вышестоящим лицам во главе с наместником Дэдзимы, которые впоследствии разрешали или отклоняли право захода в порт для судна. При получении положительного ответа судно должно было оставить определенную часть экипажа, которая направлялась в Нагасаки в качестве заложников. Как только их расселяли по указанному месту жительства, на судно отправлялась делегация под предводительством японского чиновника в сопровождении членов голландской фактории для осмотра судна. В случае, если выявлялись какие-либо несоответствия указаниям экипажа, то судну запрещалось входить в порт Дэдзимы. Однако даже при таких условиях иностранцам могли оказать безвозмездную помощь, если им не хватало провизии на обратный путь, или, если корабль требовал срочного ремонта. Как только проблемы были решены, судно должно было отплыть. Если на судне проблем не обнаруживали, то экипажу давалось право на торговлю в голландской фактории. При этом все имеющееся оружие, порох, ядра, а также предметы религиозного характера (кресты, священные писания, иконы и т.п.) передавались на хранения японским служащим до отплытия иноземного судна [3].

Каждый член экипажа и его вещи (если это только не президент голландской фактории) подвергались тщательному осмотру, японские служащие также наблюдали за каждой выгрузкой и погрузкой иноземного судна. Зибольд приводит интересный пример. Так, президент голландской фактории Бломгоф привез с собой жену, ребенка и няню. Губернатор Нагасаки посчитал это строгим нарушением договора и объявил привезенных Бломгофом людей контрабандой. Только путем долгих переговоров членам семьи президента фактории разрешили высадиться в Дэдзиме [3]. Подобная принципиальность японских служащих объясняется строгим правилом, которое существовало с самого начала основания фактории в Дэдзиме – на остров могут высаживаться только члены голландской фактории.

Остров от японского берега отделяла высокая стена, а связь с Нагасаки проходила по одному каменному мосту, охраняемому японскими караульными, которые пропускали в Дэдзиму только тех, кто имел на это право и только в определенные часы. Караульные подвергали осмотру каждого, кто входил или выходил с острова. Однако, если в порту не было голландского судна, ворота в Дэдзиму были закрыты для любого желающего.

Строительством домов в Дэдзике занимались японцы, голландцы не могли вносить никаких изменений во внешнюю отделку зданий. Но им было не запрещено менять интерьер [2.С.360]. Так, голландец мог заказать необходимую мебель у японских мастеров или же купить ее у своих соотечественников. Для этого голландец должен был обратиться с соответствующей просьбой к японскому служащему, который носил португальское название компрадор. Он договаривался с японскими мастерами или участвовал в покупке голландской мебели. Цены на продукцию для голландца назначались японскими служащими, как правило, они были выше на половину обычной рыночной цены. Полученный доход шел в качестве заработной платы караульным. Важно отметить, что голландцы лично не участвовали в торговле. Весь товар голландского судна, предназначенный для продажи, передавался японским служащим, которые сами назначали на него цену. Как только весь товар был распродан, японцы передавали сумму президенту фактории за вычетом своей доли. Голландцы не только не получали денежных средств до момента отплытия с Дэдзики, но им вообще было запрещено иметь при себе деньги. Это делалось для того, чтобы исключить возможность подкупа японских караульных. Кроме этого, голландцам строго запрещалось иметь при себе оружие. От этого запрета частично освобождался только президент фактории. Такие ограничения были также распространены на японских купцов, которые в соответствии с социальным делением занимали низшее место в социальной иерархии [1.С.160].

Существует мнение, что голландцы были обязаны формально отречься от христианской веры для получения права нахождения в Дэдзике. Все религиозные обряды как на самом острове, так и на кораблях, были строго запрещены [2.С.360]. Это мнение ошибочно. Как отмечает Зибольд, христианские службы не запрещались, но их нельзя было проводить публично. Несомненно, это ограничение было связано с антихристианскими указами первой половины XVII века, которые выступали как против любого вида миссионерской деятельности, так и против самой христианской веры [3].

В Дэдзике в период пребывания Зибольда было всего одиннадцать постоянных жителей: президент голландской фактории, врач, бухгалтер, смотритель магазинов и два его помощника, пять служащих фактории. В качестве прислуги голландцы должны были нанимать японцев, которые имели право находиться в Дэдзике до захода солнца. Однако, если кто из японцев заболел на острове, он в срочном порядке должен был быть перевезен в Нагасаки, так как японцам было запрещено умирать в Дэдзике. Любой посетитель Дэдзики должен был получить пропускной билет для возможности входа и выхода с острова, а также поклясться в том, что не будут сообщать иноземцам никакой информации, касающейся положению дел в Японии, ее религиях и языке. Особое место среди всех японских служащих в голландской фактории занимали переводчики (60-70 человек). Но даже они не имели права свободно взаимодействовать с голландцами без надзора за их переговорами японского чиновника [3].

Вся жизнь голландцев в Японии жестко регламентировалась, исключения не составляли и их внутрисемейные отношения. При рождении ребенка голландец должен был доложить об этом уполномоченному японскому служащему, который переселял новорожденного в Нагасаки и давал ему японское гражданство. Чтобы увидеть своих детей, родители должны были первоначально сообщать японскому служащему о своем желании. Встречи с детьми проводились в Дэдзике, при этом всё это проходило с такими же ограничениями, как и для любого другого посетителя, т.е. необходимо было получить разрешение от японского служащего, и встреча была ограничена до заката солнца [3]. Кроме того, отцы имели возможность оказывать своим детям материальную поддержку, а также помощь в получении образования. Зачастую, если отец имел высокий пост в фактории, он мог направить свое влияние на получение для своего взрослого сына должности в Нагасаки или другом месте, однако должность не должна была пересекаться с деятельностью фактории.

Член голландской фактории мог посетить Нагасаки при получении разрешения. Кроме этого, для права вступления на японскую землю голландцу было необходимо взять с собой делегацию из японских служащих, которых он был обязан кормить. Любой японец, знакомый хотя бы с одним членом делегации, мог присоединиться [3]. Поэтому выход в Нагасаки для голландца был весьма обременительным. При этом голландец мог только посещать культовые религиозные сооружения, чайные дома, где всегда был обязан угощать своих проводников. В частные дома входить строгойше запрещалось. С заходом солнца иностранец должен был покинуть Нагасаки.

Кроме этого, у голландцев существовала обязанность совершать ежегодные поездки в Эдо на встречу с сегуном. Несмотря на то, что данные поездки требовали значительных затрат со стороны голландской фактории, это была единственная возможность для голландцев оказаться за пределами города Нагасаки. После 1790 года голландцы совершали поездки в Эдо раз в четыре года, а в следующие 3 года они должны были отправлять через японских уполномоченных подарки из фактории в Эдо. Это было вызвано тем, что доходы фактории уменьшились примерно в два раза [3], поэтому ежегодные поездки в Эдо стали для голландцев непосильными.

Таким образом, японо-голландские отношения развивались в условиях увеличения надзора японских властей за деятельностью европейцев. Не раз перед голландской факторией стояла угроза полного прекращения торгового обмена с Японией, особенно в первой половине XVII века. В последующее время отношения между странами развивались в условиях японской политики самоизоляции и были территориально ограничены факторией в Дэдзима. Условия жизни голландцев были весьма суровы, каждое их действие строго регламентировалось японской властью. Несомненно, только экономические интересы удерживали голландцев в Японии. Это позволило сохранить торговый и культурный обмен между Японией и Европой. Стоит отметить, что кроме Голландии внешняя торговля Японии велась с Китаем и Кореей. Однако любые экономические контакты с этими государствами также осуществлялись под строгим надзором сегуната Токугава.

Библиографический список

1. Дил Уильям. Япония. Средние века и начало Нового времени. М.: Вече, 2011. – 464 с.
2. Жуков А.Е. (Отв. ред.) История Японии. Том 1. С древнейших времён до 1868 г. М.: Институт востоковедения РАН, 1998 — 659 с.
3. Зибольд Ф. Голландцы в Японии // Книга японских обыкновений. ("Восточные арабески"): [Электронный ресурс] URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1840-1860/ZCVVUZ/hollaender_japan_1847.htm (Дата обращения: 21.08.2019)
4. Лещенко Н. Ф. Япония в эпоху Токугава. М.: Крафт, 2010. – 352с.
5. Навлицкая Г. Б. Нагасаки. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1979. – 240 с.
6. Шашков В.А., Сорокина Т.Б. Деятельность европейцев в Японии в начале XVII века // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. №7 (35). – С. 96-102
7. Японский Н. Избранные ученые труды Святителя Николая Архиепископа Японского. Япония с точки зрения христианской миссии. [Электронный ресурс] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Japonskij/izbrannye-uchenye-trudy-svjatitelja-nikolaja-arhiepiskopa-japonskogo/#0_2 (Дата обращения: 20.08.2019)

УДК 93

*Государственный архив Саратовской области
Кандидат исторических наук, ведущий архивист
отдела комплектования ведомственных архивов и
делопроизводства
Ж. В. Яковлева
Россия, г. Саратов, тел. 89173207005;
e-mail: zhanna-yakovleva2015@yandex.ru*

*State Archive of the Saratov
Region
PhD in History, Leading Archivist of the picking
department, departmental archives and paperwork
Zh. V. Yakovleva
Russia, Saratov, tel. 89173207005;
e-mail: zhanna-yakovleva2015@yandex.ru*

Ж.В. Яковлева

**ВУЗЫ, ЭВАКУИРОВАННЫЕ В Г. САРАТОВ И САРАТОВСКУЮ ОБЛАСТЬ
ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ**

В статье показана деятельность вузов, которые во время Великой Отечественной войны были эвакуированы в Саратов и Саратовскую область. Государство понимало значимость сохранения интеллектуального потенциала страны. Эвакуация вузов проходила довольно организованно, в результате практически без потерь удалось сохранить процесс подготовки специалистов-профессионалов высшего уровня, столь необходимых в науке, образовании и народном хозяйстве СССР.

Ключевые слова: Саратов, Саратовская область, эвакуация, Великая Отечественная война, вузы.

J.V. Yakovleva

**HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS EVACUATED TO THE CITY OF
SARATOV AND THE SARATOV REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR:
PAGES OF HISTORY**

The article shows the activities of universities that were evacuated to Saratov and the Saratov Region during the Great Patriotic War. The state understood the importance of maintaining the country's intellectual potential. The evacuation of universities took place in a rather organized manner, as a result of which practically without loss it was possible to preserve the process of training professional specialists of the highest level, so necessary in the science of education and the national economy of the USSR.

Key words: Saratov, Saratov region, evacuation, The Great Patriotic War, higher education institutions

Процессы перемещения высших учебных заведений имеют свою довольно давнюю историю. Термин «перемещенные университеты», впервые прозвучал на научной конференции в 2005 году в Ростове-на-Дону. Этот термин был применен к учебным заведениям, которые в силу определенных обстоятельств были вынуждены на какое-то время или навсегда переехать на новое место и там продолжить свою деятельность [1.С.133].

Необходимость в перемещении университетов появилась практически с их появления в Европе. Примером может служить Болонский университет, который в XIII веке в результате конфликта студентов с городскими властями и местными жителями решил переехать в Падую, где положил начало местному университету. Вынуждено перебравшись в Кембридж в том же XIII в. часть профессоров и студентов Оксфорда из-за обострившихся отношений университетов с жителями города.

В XX веке перемещение университетов имело место, например, в Китае в ходе японской агрессии и Второй мировой войны (1937-1945 гг.). Некоторым из этих университетов пришлось менять место пребывания по несколько раз.

Однако следует отметить, что китайские университеты были в основном малочисленны, и переезжать им приходилось на сравнительно небольшие расстояния.

Перемещения университетов происходили и в России. В период Отечественной войны 1812 г. Московский университет срочно эвакуировали в Нижний Новгород, но Москва была вскоре освобождена, поэтому в Нижнем Новгороде университет не успел развернуть свою деятельность. Закрытие Виленского университета в 1832 г. после польского восстания 1830–1831 гг. привело к его частичному перемещению в Киев, где был создан Императорский университет св. Владимира [2.С.75]. Во время Первой русской революции обсуждался вопрос о перемещении Варшавского университета в один из городов в центре России, в том числе в качестве варианта предлагался и Саратов. В годы Первой мировой войны из западных районов Российской империи был эвакуирован ряд университетов: Варшавский в Ростов-на-Дону, Киевский в Саратов, Юрьевский в Воронеж.

В период Гражданской войны из-за голода и большевистских репрессий массы студентов и преподавателей стихийно покидали столичные университеты и перемещались по стране из одного университетского города в другой, а то и концентрировались в крупных городах на окраинах России, где не было университетов. Находились энтузиасты, которые при поддержке местных властей открыли университеты в Баку, Тифлисе, Ташкенте, Владивостоке, Екатеринославле и других городах.

Но особо массовый характер перемещение вузов приобрело в годы Великой Отечественной войны, когда были эвакуированы на Восток Московский, Ленинградский, Киевский, Харьковский, Днепропетровский, Одесский, Воронежский, Ростовский университеты и многие другие высшие учебные заведения. Это было самое массовое перемещение высших учебных заведений. Такого масштаба перемещения высших учебных заведений мировая история не знала. Вузы оказались в тяжелой ситуации с началом войны. Несмотря на многие сложности, Советское руководство смогло выделить силы и средства на их эвакуацию, перестройку их работы. Они получили новые задачи и приступили к их выполнению. Вузы внесли значительный вклад в подготовку и приближение Победы. Эвакуация вузов проходила довольно организованно, в результате практически без потерь удалось сохранить процесс подготовки специалистов-профессионалов высшего уровня, столь необходимых в науке образовании и народном хозяйстве СССР [3.С.83].

Одним из мест, куда осуществлялось перемещение вузов, стала Саратовская область. Особенностью Саратовской области явилось её прифронтовое положение в 1942–1943 гг. Решением Исполнительного комитета Саратовского областного совета депутатов трудящихся от 7 июля 1941 года «О размещении в г. Саратове организаций, учреждений и рабочих и служащих, эвакуированных с прифронтовой полосы» было решено на время войны уплотнить организации и учреждения, а также население г. Саратова. И установить норму полезной жилплощади на человека – 4,5 кв. м. [4.Л.34]. Принятые меры позволили обеспечить жильем всех эвакуированных специалистов и членов их семей. В Саратов и Саратовскую область из других регионов было перемещено 8 вузов.

В Саратове и области в те годы оказались Ленинградский государственный университет, Государственный институт театрального искусства, Московская государственная консерватория, Московский экономико-статистический институт (г. Энгельс Саратовской области), Ленинградский юридический институт (с июля 1942 г. в г. Балашов), Киевский технологический институт силикатов (с августа 1941 г. в г. Вольск), Харьковский педагогический институт иностранных языков (г. Маркс), Ворошиловградский сельскохозяйственный институт (г. Балаково) [5.С.331].

Эвакуация в Саратов коллектива Ленинградского университета и их совместная работа стала одной из самых ярких и знаменательных страниц в истории Саратовского университета.

С началом войны и приближением фронта к Ленинграду началась эвакуация жителей и предприятий. В отношении Ленинградского государственного университета было принято

решение отправить в г. Елабугу научно-исследовательские институты и лаборатории, работавшие на оборону, а преподавателей и студентов оставить в городе. Никто не мог предвидеть, что блокада города будет такой длительной и тяжелой для его жителей.

К концу зимы 1941-1942 гг. было решено вывезти оставшихся студентов и преподавателей по «Дороге жизни» на восточный берег Ладожского озера, а оттуда железнодорожными эшелонами в Саратов.

Решение ехать именно в Саратов принял ректор ЛГУ А.А. Вознесенский. Была возможность ехать работать на Кавказ, но Вознесенский сказал: «Мы едем работать, а не отдыхать», ведь в Саратове была хорошая база для работы университета [6.С.67].

Распоряжением СНК СССР от 1 марта 1942 г. было принято предложение Всесоюзного комитета по делам высшей школы и Ленинградского горисполкома об эвакуации Ленинградского государственного университета в Саратов. Саратовский облисполком должен был оказать необходимое содействие преподавателям и студентам вуза в размещении [7.Л.78]. 3 марта 1942 г. в адрес обкома и облисполкома поступило сообщение из Комитета по делам высшей школы, уведомлявшее их об этом факте [8.Л.27]. Студенты и преподаватели ЛГУ, начиная с 11 марта 1942 г., прибывали в Саратов тремя эшелонами. Всего оказалось 550 преподавателей и студентов [9.С.154].

На пути в Саратов и в течение всего времени пребывания в этом городе коллектив Ленинградского университета чувствовал внимание со стороны правительства. Это сказывалось, прежде всего, в удовлетворении нужд и запросов университета, связанных с его работой на новом месте и с материальным обеспечением профессорско-преподавательского состава и студентов» [10.С.169]. Забота партии и правительства выразилась в ассигновании больших средств специально для лечения преподавателей и студентов Ленинградского университета, в дотациях в виде продовольствия, одежды, мануфактуры, бумаги, в предоставлении угля для отопления. Правительство оказывало знаки внимания и доверия Ленинградскому университету, что выразилось в приравнивании Московского и Ленинградского университетов к вузам оборонного значения, в повышении стипендий аспирантам и студентам, предоставлении двум университетам – Московскому и Ленинградскому – права выработать новый университетский устав.

Партийные и советские органы Саратова со своей стороны сделали очень многое для того, чтобы после блокадной зимы ленинградцы поправили свое здоровье, приспособились к новой обстановке, возобновили свою деятельность, как того требовала военная обстановка. Однако, несмотря на все усилия советских и партийных органов возник целый ряд проблем с размещением прибывших ленинградцев, которые требовали оперативного решения. Некоторые так, до конца, и не удалось решить.

Уже 12 марта 1942 г. на заседании бюро обкома ВКП(б) суровый выговор получили ряд работников Саратовского городского Совета за то, что «обслуживание и размещение организовано преступно плохо». На самом деле, столь негативные выводы были малооправданными. Относительно незначительные проблемы в организации питания и медицинского обслуживания ленинградцев применительно, например, к рядовым рабочим, вряд ли вообще заслужили бы внимания. Однако применительно к эвакуированной ленинградской интеллигенции эти вопросы были более чем серьезны. То есть, можно сказать, что размещение интеллигенции и организация её работы по значимости занимали первое место, наряду с размещением важных госслужащих, даже выше размещения самых главных эвакуированных предприятий. Во многом это было обусловлено тем, что относительно небольшому количеству эвакуированного научного контингента обеспечить организацию приема было проще [11.Л.47–48].

Власти старались не забывать о немногочисленной, но важной категории эвакуантов - интеллигенции. Нередко их интересы ставились выше интересов местных организаций, что свидетельствовало об особом отношении к этой категории эвакуированного населения. Примечательным в данном случае является решение Саратовского облисполкома от 19 августа 1943 г., согласно которому в связи с увеличением численности учащихся ЛГУ и СГУ

на 1943/44 г. учебный год были предоставлены дополнительные помещения. Они были изысканы из части зданий, занимаемых служащими госпиталя в бывшей гостинице «Россия» (на 5 этаже), и из общежития школы ФЗО на Вольской улице (два этажа), причём эти помещения освобождались в месячный срок. Ответственность за ремонт помещений, который необходимо было завершить к 25 сентября 1943 г., возлагалась на А.А. Вознесенского [12.Л.4], являвшегося ректором обоих вузов. По схожему сценарию в конце сентября 1943 г. 250 студентам ЛГУ, за счёт уплотнения зданий Саратовского автодорожного института, было предоставлено новое общежитие, а часть студентов была размещена в частных домах [13.Л.97].

Представители ЛГУ были размещены по четырём общежитиям. Профессорско-преподавательский состав жил в общежитии на Кировском проспекте. Им были предоставлены лучшие комнаты, однако они немногим отличались от других. Просторная столовая была грязная, а умывальники и уборные находились в антисанитарном состоянии. Бельё стирали и сушили в комнатах. Стульев и кроватей не хватало, поэтому спали на полу или по двое. Также студенты и преподаватели располагались в общежитии на ул. Вольской. Первые два этажа были сданы заводу № 614 под школу ФЗО. Мебелью были обеспечены полностью, но на всё общежитие работала лишь одна уборная [14.Л.24-27].

Тем не менее, по решению ректората ЛГУ занятия возобновились уже 1 апреля, т. е. через 10 дней после прибытия в Саратов третьего эшелона. К занятиям приступил 361 студент (часть студентов ЛГУ по болезни не могла выехать из Ленинграда). Профессорско-преподавательский состав ЛГУ (на 1 апреля 1942 года насчитывал 189 человек: 49 профессоров, 81 доцента и старшего преподавателя, 59 ассистентов), активно включились в учебную и научную работу [10.С.169].

Это имело большое значение – учебный год не был потерян, и все имели возможность, после потрясений блокадной зимы, окунуться в деловую атмосферу, вновь включиться в трудовую жизнь, в борьбу советского народа с ненавистным врагом.

Коллектив Саратовского университета тепло, по-дружески принял ленинградских коллег. Было сделано все возможное, чтобы помочь ленинградцам быстро оправиться от последствий голодной блокады, как можно успешнее вести учебную и научную работу. 13 апреля 1942 года состоялось первое после переезда в Саратов заседание Ученого совета ЛГУ. Ученый совет выразил благодарность советским и партийным организациям Саратова, Саратовского университета за внимание и помощь и призвал весь коллектив умножить усилия, направленные на укрепление оборонной и экономической мощи Родины. Ученый совет утвердил план научной работы на 1942 год.

Завершая первый военный учебный год, университет начал подготовку к новому учебному году. Были приняты меры по увеличению контингента студентов и кадров преподавателей. Деканаты установили связи со студентами ЛГУ, по разным причинам оказавшимися вне Саратова. И уже к 15 июля 1942 года были восстановлены и вновь приняты в ЛГУ 72 человека; 160 человек письменно заявили о желании восстановиться к началу нового учебного года [10.С.66].

Еще одним по статусу крупным учебным заведением, эвакуированным в Саратов, была Московская государственная консерватория, разместившаяся на базе Саратовской консерватории. Здесь быстро наладилось и развивалось такое же плодотворное сотрудничество преподавателей и студентов двух вузов, как это происходило в университетах (ЛГУ и СГУ). И студенты консерваторий не только организовали и осуществляли учебный процесс, но и проводили большую культурно-просветительскую работу с воинами и населением, неоднократно выезжали с концертами на фронт.

В г.Саратов должны были эвакуировать и другие вузы. Так, Воронежский сельхозинститут должен был разместиться в Саратовской области, что следует из следующего документа: «22 августа. Председателю Облисполкома тов. Власову И.А.: «По поручению секретаря Обкома ВКП(б) т. Комарова, направляем Вам телеграмму, поступившую от директора Воронежского сельхозинститута с просьбой сообщить о

положении с размещением этого института в Саратовской области. Пом. секретаря Обкома ВКП(б) Г. Цикин.» [15.Л.30]. В соответствии с распоряжением СНК СССР от 3 марта 1942 г., Ленинградский учетно-экономический институт должен был эвакуироваться на базу Саратовского кредитно-экономического института. Последующим распоряжением председателя Комитета по делам высшей школы при СНК СССР т. Кафтanova институт переадресовали в другую область [15.Л.29]. Ленинградский институт Советской торговли также планировали эвакуировать в Саратов на базу кредитно-экономического института. Далее, в соответствии с Распоряжением СНК СССР от 3 марта 1942г. Ленинградский институт механизации с/х должен был разместиться на базе Саратовского института механизации [15.Л.28]. Последующим распоряжением Кафтanova институт направили в другую область. Из Распоряжения от 5 марта 1942 г. следует, что в г. Энгельс в техникум кинематографии должен был приехать Ленинградский институт киноинженеров [15.Л.32]. Ленинградский театральный институт планировали эвакуировать также в г. Энгельс в помещение Энгельского театрального училища [15.Л.33].

Как уже отмечалось выше, всего в области находилось восемь эвакуированных вузов. Но, если у Ленинградского государственного университета в плане размещения сотрудников и студентов дела шли относительно неплохо, то положение малых вузов, размещённых в районах области, в материальном отношении было очень тяжёлым, участвовать в общественной деятельности в силу большого количества внутренних проблем они не могли [16.Л.79-80]. Сказанное относится к Киевскому технологическому институту силикатов, Ворошиловградскому СХИ, Харьковскому институту иностранных языков. В них не хватало учебников, оборудования, кадров. Научные работники вынуждены были больше заботиться о своём существовании, нежели о научной и общественной деятельности. Нередко в таких вузах на лекциях присутствовало по 2-3 человека и т.д.

Однако не все они работали плохо. Украинский институт механизации сельского хозяйства разместился в Дергачёвском районе в помещениях и усадьбе бывшего опытногелиевого завода. Сумев сохранить свой профессорский состав, институт получил и местное оборудование, технику, мастерскую. По словам директора Гликберга в таких условиях «можно работать высокопроизводительно» [17.Л.54-57].

Ворошиловградский СХИ, размещённый на базе Ивановского сельхозтехникума в Балаково, испытывал многочисленные материальные трудности. Ухудшали ситуацию и «неправильные взаимоотношения склочного, беспринципного характера», сложившиеся между работниками СХИ и техникума. Процесс оттеснения местных преподавателей возможно работниками более высокого статуса вызывал понятную обиду, чувство наступления на свои права [18.Л.37-38].

Таким образом, из вышеотмеченного следует, что не все вузы, Распоряжениями СНК СССР адресованные эвакуироваться в Саратов и Саратовскую область, смогли разместить в нашем регионе. О причинах переадресации можно догадываться – планирование и осуществление эвакуации происходило в условиях ведения боевых действий, когда критические изменения обстановки на фронтах требовали принятия экстренных, не всегда до конца просчитанных решений. В Саратове и Саратовской области, в силу ограниченного развития инфраструктуры, не нашлось места для всех вузов, не хватило помещений и материальной базы.

О большинстве эвакуированных на территорию Саратова и Саратовской области вузов информация отрывочная и противоречивая.

Не были забыты и «малые» учебные заведения, которые, как правило, размещались в районах области. В Марксовском районе бюро райкома ВКП(б), выполняя указание по укреплению высших учебных заведений, в отношении Харьковского педагогического института иностранных языков (июнь 1942 г.) постановило развернуть работу по обеспечению набора учащихся, улучшению состояния помещений для студентов и преподавателей, развитию подсобного хозяйства [19.Л.154–155].

Находившийся с ноября 1941 г. в Саратове ГИТИС продолжал свою работу в эвакуации. По воспоминаниям О.Б. Сиротининой, ГИТИС приютила Консерватория [20. С.80]. Летом 1942 г. был выпущен очередной актерский курс. Сотрудники института, актерская молодежь обратились в Комитет по делам искусств при СНК СССР с просьбой сделать этот выпуск фронтовым театром. Просьба была удовлетворена. С 16 июля 1942 г. саратовский выпуск ГИТИСа стал фронтовым театром, художественным руководителем которого был И.М. Раевский, в состав театра вошли молодые талантливые актеры (затем известные артисты театра и кино) В. Полупарлев, Б. Моргунов, Б. Горбатов, А. Малков, О. Зими́на, Ю. Щербаков и др. Осенью 1942 г. они выехали на Калининский фронт. В 1941–1943 гг. преподаватели и студенты Московского института неоднократно участвовали в работе саратовских артистических бригад на различных фронтах войны, а в декабре 1943 г. основной состав ГИТИСа был реэвакуирован в Москву.

Не со всеми приехавшими в Саратов и саратовскую область вузами обстояло все относительно гладко в плане материально-технической базы. Например, Ленинградский юридический институт (ЛЮИ), который вначале эвакуировался в Саратов, столкнулся с нехваткой помещений. В связи с этим институт вообще не смог начать учебный год, а в феврале 1942 года секретарь Саратовского обкома ВКП(б) Е.П. Колущинский наложил запрет на размещение вуза в Саратове по этой причине. В итоге ЛЮИ в июне 1942 года отправили в Балашов, однако и там помещений не нашлось. Эту проблему пытался решить директор института, обращаясь в обком ВКП(б) [21.Л.172]. Но начать учебный год в Балашове также не удалось. В августе здание, переданное институту, было сильно повреждено вражеской бомбой.

Дальнейшая судьба вуза в документах не прослеживается, но в газете «Коммунист» размещено объявление о приеме на 1 курс дневного и вечернего отделений Ленинградского юридического института им. Калинина в г. Балашове. В объявлении сказано, что институт готовит работников суда и прокуратуры. Таким образом, можно предположить, что институту все же предоставили помещения для работы в нашей области [22].

Схожие проблемы возникли у Киевского технологического института силикатов, который эвакуировался в августе 1941 года в Вольск, имея лишь 9 преподавателей. В городе ему выделили помещение на улице Красногвардейская, 7 [23]. Но сил для организации учебного процесса не хватило, и вуз не работал.

Однако в той же газете «Коммунист» за 1942 г. находим информацию, что Киевский технологический институт силикатов объявил набор студентов в 1942 – 1943 учебном году на факультеты: 1. Механический; 2. Технологический [24]. В архиве находим сведения, что: «...контингенты студентов на 20 декабря: 1 курс – 108, 2 курс – 22, 3 курс – 15, 4 курс – 14. Всего – 159 студентов. Институт выпустил в течение 1942 г. в январе месяце – 40 инженеров, в декабре месяце – 32 чел.» [25.Л.12-13]. Из архивных данных следует, что Киевский технологический институт силикатов в Вольске во время эвакуации все же функционировал.

И снова напрашивается вывод, что и этот вуз все-таки работал. Дальнейшую информацию о вузе находим в архивных документах, из которых видно, что проблему нехватки помещений старались решить. Об этом свидетельствуют официальная переписка, отчеты и другие архивные документы.

Подробная справка, написанная директором института, проливает свет на этапы судьбы вуза в Саратовской области: «Киевский технологический институт силикатов после эвакуации, по решению Саратовского областного исполкома и Вольского горисполкома, разместился в здании ремесленного училища № 5 и получил там в свое распоряжение три аудитории и одну комнату для размещения канцелярии. Привезенное частично оборудование поэтому не было установлено и сейчас находится в складских помещениях. Общежитие на 80 человек было предоставлено институту в 4-х километрах от учебного корпуса на заводе «Коммунар».

После моих неоднократных ходатайств, а также вмешательства Обкома и Облисполкома г. Саратова решением Вольского исполкома в ноябре месяце разрешено

институту и техникуму стройматериалов проводить теоретические занятия во вторую смену в здании школы №16. Лабораторная база техникума, которой пользуется и институт силикатов оставлена в здании ремесленного училища. Помещений для организации крайне необходимых институту лабораторий и кабинетов Вольским Горисполкомом не предоставлено.

Кроме этого решением Вольского Исполкома общежитие на заводе «Коммунар» передано воинским частям, взамен его в городе соответствующих помещений не предоставлено и студенты с трудом размещены по домам.

«При школе №16 открыта столовая, но не открытого типа, а вместе с ремесленным училищем. Это приводит к большой скученности и влечет к частым опозданиям на лекции первой пары, т.к. не успевает в установленное по графику время всех накормить.

Питание студентов состоит из одного блюда (щи) на обед и такого же блюда на ужин, иногда бывают каши...» [25.Л.12-13]. Из этой справки-отчета видно, что всегда оставалась проблема нехватки жилых помещений и учебных аудиторий и складских помещений. Питание студентов не было организовано должным образом (также по причине нехватки помещений), к тому же питание было скудным, а это не могло не отразиться на работоспособности и умственной деятельности студентов. Но, учитывая военное время, можно сделать вывод, что, несмотря на указанные изъятия в организации жизни эвакуированных в Саратов и Саратовскую область вузов, сделано было много для налаживания деятельности эвакуированных преподавателей и студентов.

Почти все эвакуированные вузы столкнулись не только с проблемой нехватки жилья, но и с нехваткой учебных и подсобных помещений, оборудования и книг для адекватного функционирования. В частности О.Б.Сиротинина в своих воспоминаниях и интервью говорит о том, что к моменту приезда ЛГУ даже в библиотеке СГУ не было в достаточном количестве художественной литературы. Преподаватели брали единственный экземпляр на одну ночь и на квартире преподавателя, либо в общежитии собирались студенты и вслух читали этот единственный экземпляр [20.С.80]. Эвакуированные столкнулись и с другими бытовыми проблемами, а именно, проблемой обеспечения питанием, с антисанитарией, проблемой со стиркой белья, нехваткой дров для обогрева жилых помещений и учебных аудиторий. Одна из проблем состояла в отсутствии присмотра воспитателями за малолетними детьми эвакуированных. Все это видно из официальных отчетов, которые хранятся в фондах ГАНИСО.

Представители интеллигенции, особенно из Украины и Белоруссии, так же как и другие граждане, нередко прибывали без летней одежды, разутые и голодные. Поскольку их деятельность имела особое значение, а также в силу их малочисленности, всех их максимально быстро старались устроить по специальности, накормить и одеть. Правда, это не всегда касалось представителей небольших учебных заведений, о них часто забывали. Например, положение преподавателей Ворошиловградского СХИ было признано неудовлетворительным. Жилищные условия не отвечали нормам. В столовой вуза качество обедов было очень низким [26.Л.38].

Лучше обстояли дела у Московского экономическо-статистического института ЦСУ Госплана СССР. В тяжелые для страны годы Великой Отечественной войны деятельность института не прекращалась. В условиях эвакуации в г. Энгельс ежегодно проводились наборы студентов [27], шел прием в аспирантуру на специальности: «Промышленная и сельскохозяйственная статистика и демография» [28], работал Ученый совет, было защищено около 20 диссертаций. На фронт ушли сотни студентов, преподавателей и сотрудников института, многие из них погибли на войне.

Резэвакуация театров, музыкальных коллективов, музеев, учебных заведений проводилась с санкции высших государственных учреждений. Еще летом 1942 г. Саратов покинул МХАТ, в сентябре 1943 г. – Московская консерватория, в декабре 1943 г. – ГИТИС. Таким образом, в Москву в 1943 г. вернулись ведущие театральные и музыкальные коллективы [29.С.94;100]. В 1944 г. из области проводилась резэвакуация вузов.

В целом, к лету 1944 г. на территории области оставался лишь один эвакуированный вуз – Киевский технологический институт силикатов (в Вольске) [30.Л.57].

Имеющаяся информация говорит, о том, что, с одной стороны, условия работы и жизни во многих этих вузах, особенно находившихся на периферии, были существенно хуже, чем у сотрудников ЛГУ или Московской консерватории, поскольку по своему статусу они были ниже, а, следовательно, их обеспечение проходило по остаточному принципу. С другой стороны, несмотря на большие сложности, все эти вузы смогли организовать свою работу, осуществляли учебный процесс и за годы войны подготовили немало кадров для экономики и культуры нашей страны.

Перемещение вуза сложный процесс. Но история показала возможность таких перемещений, особенно во время ВОВ. Многие перемещенные вузы смогли не только выжить в тяжелое для страны время, продолжить свою научную и учебную деятельность, работать на оборону, но и вернуться обратно, а затем с благодарностью вспоминать время в эвакуации и тех людей, которые спасли их кадры, их науку и просто жизнь.

Библиографический список

1. **Аврус А.И.** История российских университетов / А. И. Аврус. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – 85 с.
2. **Аврус А.И.** Пребывание Ленинградского университета в Саратове (1942-1944 гг.) / А. И. Аврус // История Петербурга. – 2009. – № 2. – С. 75-80.
3. **Круглянский М.Р.** Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны / М. Р. Круглянский. – М.: Высшая школа, 1976. – 314 с.
4. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф.Р - 461. Оп.4. Д. 122. Л. 34.
5. **Козурман С.О.** Некоторые аспекты пребывания эвакуированной вузовской интеллигенции в Саратовской области в годы Великой Отечественной войны / С. О. Козурман // Музей в региональном пространстве: презентация исторического наследия культурная и общественная миссия: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 125-летию Саратовского областного музея краеведения. – Саратов: изд-во «Новый ветер», 2011. – С. 331-340.
6. **Семёнов В.Н.** Ректоры Саратовского университета: факты жизни и деятельности / В. Н. Семёнов. – Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 1999. – С. 304.
7. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 1. Д. 2331. Л. 78.
8. Там же. Д. 2757. Л. 27.
9. **Аврус А.И.** Саратовский университет в годы Великой Отечественной войны / А. И. Аврус // Доклады Академии военных наук. – 2005. – № 3 (15). – С. 151-154.
10. **Мавродин В.В.** Ленинградский университет: 1819-1944 / В. В. Мавродин. – М.: Советская наука, 1945. – 182 с.
11. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2679. Л. 52; Д. 2687. Л. 47–48.
12. ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 218. Л. 4.
13. ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 6. Д. 135. Л. 97.
14. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3332. Л. 24-27.
15. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2757. Л. 30.
16. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2862. Л. 79-80.
17. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2751. Л. 54-57.
18. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3332. Л. 37-38.
19. ГАНИСО. Ф. 4254. Оп. 2. Д. 2. Л. 154–155.
20. **Сиротинина О.Б.** Жизнь вопреки, или я счастливый человек: воспоминания / О.Б. Сиротинина. – Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 2009. – 292 с.

21. ГАНИСО. Ф. 594. Оп.1.Д.3119. Л.172.
22. Коммунист. №154. 1942. 2 июля.
23. Цемент. 1943. 29 января.
24. Коммунист. №158. 1942. 7 июля.
25. ГАНИСО. Ф. 594. Оп.1. Д. 2863. Л. 12-13.
26. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3332. Л. 38.
27. Коммунист №143. 1942. 19 июля.
28. Коммунист №173. 1942. 24 июля.
29. **Голуб Ю.Г.** Судьбы российской художественной интеллигенции в условиях сталинского режима / Ю.Г. Голуб, Д.Б. Баринов. – Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 2002. – 187 с.
30. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3883. Л. 57.

УДК. 930.85

*Елецкий государственный университет им. И.А.
Бунина
Студентка Института истории и культуры
В.А. Дерикот
Россия, г. Елец, тел. 8 (920) 531-26-96
E-mail: vika79601263977@yandex.ru*

*Yelets state University named After
I. A. Bunin
Student of Institute of history and culture
V.A. Dericot
Russia, Yelets, tel. 8 (920) 531-26-96
E-mail: vika79601263977@yandex.ru*

В.А. Дерикот

РЕЙВ-ДВИЖЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПРАКТИКЕ КОНЦА XX СТОЛЕТИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЗАРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

В статье рассматривается рейв-движение, как отличительная черта российской молодёжной культуры конца XX века, в частности, важнейшие события, люди, внёсшие вклад в развитие этой культуры, а также динамика от зарождения до спада.

Ключевые слова: массовая культура, молодёжь, субкультура, рейв-движение.

V.A. Dericot

RAVE MOVEMENT IN RUSSIAN CULTURE PRACTICE OF THE LATE XX CENTURY: HISTORICAL ASPECT OF ORIGIN AND DEVELOPMENT

The article considers the rave movement as a distinctive feature of the Russian youth culture of the late twentieth century. In particular, the most important events, people who contributed to the development of this culture, as well as the dynamics from inception to decline.

Key words: mass culture, youth, subculture, rave movement.

В 1990-е годы трансформация политической среды, неизменно повлекла за собой и трансформацию культурной. На примере постсоветского пространства мы чётко прослеживаем процесс культурной перестройки. Новый виток в отношениях России и стран Запада, повлёк за собой увеличение заимствований из их культуры. Со второй половины 80-х – 90-х годов в российской массовой культуре уже существовали различные западные субкультурные течения (рок, хип-хоп) Но в данной статье мы рассмотрим другое музыкальное движение – рейв. Проследим развитие данного явления от зарождения в России до спада, рассмотрим портрет участников, а также культурный вклад рейв-движения.

Что такое рейв? Что он значил для России и молодёжи того времени? Культура рейва весьма интересна и многогранна, она может объединять людей абсолютно разных мировоззрений и взглядов на жизнь, в отличие от культуры хиппи или же скинхедов. Целевая аудитория поклонников электронной музыки весьма широка. Сначала, это были люди от 15 до 30 лет, по большей части интеллектуально развитые и с разносторонними интересами. На рейве можно было встретить и человека из высшего света, директора художественной галереи, и обыкновенного тусовщика.

По мере распространения культуры рейва по стране, аудитория менялась и начала охватывать более широкую аудиторию, художники и прочие творческие люди уходили на дальний план, на переднем были обычные люди, поклонники вечеринок. Здесь есть лишь два объединяющих фактора: любовь к модной музыке и танцам. Рейв можно охарактеризовать как музыкально-танцевальное движение; его приверженцы максимально обезличены, тут царит пацифизм и унисекс. Что касается внешнего вида, то их отличали яркие, насыщенные цвета в одежде, пластиковые солнцезащитные очки, короткие крашенные волосы у молодых людей, окрашенные в яркие цвета пряди у девушек. Также был невероятно популярен пирсинг. Однако нельзя сказать, что рейвера всегда можно сразу определить по одежде, тут всё немного сложнее. Это были обычные люди, они могли вести разный образ жизни. Да, встречались, конечно, и настоящие тусовщики, заложники цикла сон-тусовка-сон, но всё же большая часть людей становилась настоящим рейвером ночью, а днём жила своей обычной жизнью.

Rave (англ.) – (бред, бессвязная речь, весёлое сборище, вечеринка) массовая дискотека с выступлением диджеев, также общее название поклонников и исполнителей электронной музыки [1]. Россия редко когда поспевает за всеми модными тенденциями, так же было и с культурой рейва. Он пришел к нам из Великобритании, там в конце 1980-х, распространилась музыка «эйсид-хаус» – «черный», радикальный вариант диско. Затем мода на подобную музыку начала проникать и в страны бывшего СССР. С чего всё началось в России? Памятным местом для поколения отечественных рейверов является дом № 145 на набережной реки Фонтанки. Здесь в 1989 году одну из квартир захватывают молодые художники Михаил Воронцов и братья Хаасы: Андрей и Алексей [2]. Там уже жили их друзья. Дом переоборудовали в сквот (незаконно занятое помещение). Таких расселенных и пустовавших зданий было много в конце 80-х. Их занимали музыканты, художники, творческие люди и просто тусовщики. Это были люди, идущие в ногу со временем, они тянулись ко всему новому, в том числе и к новой музыке, музыке техно.

Вслед за этим на Фонтанке начинаются вечеринки. Это были не дискотеки в привычном нам понимании, а скорее художественные акции. О диджеях тогда ещё и речи быть не могло, профессионалов ещё не было, музыку слушали на кассетных магнитофонах, иногда бабинных. Некоторые умельцы пытались заигрывать на бабинах как западные диджеи на пластинках. Одним из них был Евгений Рудин (диджей Грув). Свою успешную карьеру он начинал как раз в подобных сквотах, миксуя на бабинных магнитофонах. Со временем квартира друзей превращается в некий авангардный клуб — «Танцпол», — и они начинают брать деньги за вход. Тусоваться туда приходят художники, кинорежиссёры, сценаристы и дизайнеры, радиоведущие, туристы-иностранцы, приезжие знаменитости. Так, однажды в доме №145 во время милицейского рейда задержали участников бельгийской музыкальной группы Technotronic.

Писатель Илья Стогов в интервью документального фильма «Всё это Рейв» говорил о том, что в Петербурге рейв является художественным ответвлением музыкального движения. Он вспоминает, что братья Хаасы реализовывали различные артхаусные идеи. Например, однажды в их клубе всю вечеринку у стены танцевали профессиональные балерины, когда вокруг под техно отрывалось несколько сотен молодых людей. Или же другой пример — организаторы набили битком всю квартиру воздушными шарами, что тоже было своего рода перформансом [3].

Со временем рейв наращивает поклонников, и квартиры уже недостаточно. Молодёжь ищет площадки побольше. В 1989 году в Дворце культуры работников Связи на реке Мойке Тимуром Новиковым была организована акция. Это была выставка художников, карнавал; завершал её приглашённый диджей Янис из города Рига. Он показал молодёжи, как сводить музыку на пластинках. Пожалуй, это событие можно считать началом рейв-движения в России.

Несмотря на то, что изначально рейв проник в Санкт-Петербург, там он был распространён в узких кругах. Москва же пустила его в массы. Рейв уже успел полюбить

молодёжи, однако практически все вечеринки были нелегальными. Всё изменилось 14 декабря 1991 года, когда Иван Солмаков и Евгений Бирман организовали в огромном выставочном павильоне «Космос» первую легальную масштабную рейв-вечеринку «Гагарин Party» (рис.1).

Рис. 1. Афиша вечеринки «Gagarinparty»

Помимо огромного количества простой молодёжи (около трёх тысяч человек), на это мероприятие явились также и медийные личности, а также были приглашены космонавты. Среди гостей был дважды Герой Советского Союза, космонавт Георгий Гречко, однако данное мероприятие не пришлось ему по вкусу. В интервью, данном Питерскому каналу 100 ТВ, он сказал, что ожидал большего, «а получилась какая-то танцулька с пьянкой, причём пьянка довольно низкосортная, а водки было больше, чем танцев» [3]. После колоссального триумфа первой вечеринки организация второй была лишь вопросом времени. На вторую вечеринку, «Гагарин Party 2», пришло еще больше людей — пять тысяч. «Гагарин Party» открывает эпоху масштабных вечеринок: тысячи рейверов танцуют на велотреке в Крылатском, в фойе Московского дворца Молодежи, в подвалах стадионов, в бывшем бомбоубежище. После распада СССР эти объекты не используются, и их легко арендовать. Рейв стал неотъемлемой частью культуры новой российской молодёжи.

С началом 1993 года наступает новый виток в развитии рейва. Художники с Фонтанки братья Хаас после путешествия по США и Европе вернулись в Россию с новыми идеями. Вместе с Тимуром Новиковым, Денисом Одингом, Георгием Гурьяновым, Андреем Неароновым они основали легендарный клуб «Тоннель» по адресу Любанский пер., 2Б, в стенах санкт-петербургского бомбоубежища. Он обошёлся им в 2 тысячи долларов. Идея открыть клуб в бомбоубежище пришла из Германии. Берлин был мировой столицей рейва, там уже давно использовались пустовавшие военные помещения в различных, в том числе и развлекательных целях. «Тоннель» сразу стал невероятно популярным местом. На его открытие 7 мая 1993 года приехали известные диджеи из Парижа — Дидье Сен-Клер и Ла'квариум. Клуб стали посещать самые продвинутые художники, музыканты и тусовщики «новой волны» [5]. Интерьер заведения можно назвать апокалиптическим. Мощные трубы под потолком, массивные металлические двери, серые стены напоминают о бывшем назначении помещения. Однако по оснащению клуб «Тоннель» в СПб мог сравниться с лучшими развлекательными заведениями Европы. Система вентиляции была настолько мощной, что в помещении могли находиться сотни курильщиков. Дорогая заграничная акустика не имела аналогов в стране. Лазерная техника и световые приборы создавали

неповторимую атмосферу настоящего рейва. На внушительной территории располагалось четыре танцпола, три зоны отдыха, три бара, имиджевый магазин и музей электронной музыки. Москва становится догоняющим в погоне за новыми тенденциями. Здесь в 1994 году главным событием года в молодёжной среде становится открытие клуба «Птюч», самого прогрессивного места города на 5-ом Монетчиковском переулке, 5. Это был важнейший контркультурный клуб с электронной музыкой, чьей аудиторией были рейверы, художники, теле- и радиоведущие, богема и бизнесмены. В очереди у клуба можно было встретить писателя Владимира Сорокина и политика Старовойтову, на сцене читал стихи Дмитрий Александрович Пригов и Игорь Холин. Стены были украшены телевизорами с видеоартом. Изначально заведение задумывалось как видеогалерея, выставка современного искусства или дизайн-пространство.

Игорь Шулинский тогда был главным редактором журнала «Птюч» и соучредителем клуба. «Мы увлекались идеями Тимоти Лири, читали Кастанеду, нам казалось, что мы живем именно в то время, когда все в этой стране можно изменить, и сделали место, где все перемешивались. Мы были никому не известные задроты из Сокольников, а через несколько месяцев стали самыми популярными людьми в Москве. В «Птюче» читал стихи Дмитрий Пригов, а на экране ему в голову вживляли видеоопухоль Сергей Шутов и Владимир Могилевский; выступал Игорь Холин, «Ночной проспект» играл свою программу. В начале 1990-х появился Тимур Мамедов, Ланский, они были в оранжевых шапках и назывались рейверами. А нас — меня, Ваньку Салмакова — называли личинками. Мы считались слишком умными. Мы были дети интеллигентов, нам очень хотелось из этого выбраться, мы в тот момент ненавидели своих родителей. Это был момент «вырывания интеллигентного сердца из груди». Мы вырывали свое сердце, как Данко, и светили другим людям, которые стояли по 40 минут и платили по 20 долларов, чтобы войти в клуб «Птюч». И мы отдали им свое сердце, а также почки и печень, и они все это съели [1].

Но в какой-то момент самым важным стало не искусство, а выставки и танцы, такое энергично животное движение, и мы не стали этому сопротивляться. Мы танцевали, придумывали вечеринки, наряжались и впервые в истории культуры совпали по времени со всем миром — обычно мы опаздывали лет на 20. В нашем клубе играла лучшая музыка, таких клубов по миру было пара десятков. Какой-то мудака потом написал, что «Птючи» были популярнее, чем сейчас Сергей Шнуров, — да мы были популярнее, чем Иисус Христос, как сказал Джон Леннон». «Птюч» радикально отличался от всего. Все, что было до него, — либо самодеятельность, либо солидол, как ManhattanExpress и «Пентхаус» — для неожиданно появившейся прослойки богатых людей. Клубов тогда открывалось множество, но только «Птюч» в Москве и «Тоннель» в Питере были местами, которые следили за стилем. Они даже чем-то похожи: оба в бомбоубежище, но «Птюч» был более рафинированным — творческая атмосфера, богема, элита, художники, рейверы, какие-то иранские принцы — кого там только не было» [5].

В рамках набирающего популярность рейв-движения стоит отметить ещё одно значимое событие. В 1993 году состоялся первый российский Openair – вечеринка на территории военно-артиллерийского музея под открытым небом. Договорившись с управляющим музея, промоутеры организовали милитари-пати. По словам Валерия Крылова, директора военно-исторического музея, часть денег от продажи билетов пошла на помощь музею. Первая аудио- и видеотехника была приобретена на средства, вырученные с концерта [3]. Фантазия промоутеров на этом не остановилась. Петербург вдохновлял их на новые локации, а из-за стремительной инфляции в эти годы за наличные деньги можно было договориться с массой памятников культуры, загородными дворцами, фортами Кронштадта и другими значимыми местами северной столицы.

Но не только Москва и Санкт-Петербург были в авангарде модных событий. Фестиваль «KaZантип» в Крыму стал ещё одним значимым мероприятием. Одним из самых ярких событий оказался фестиваль 1995 года, который провели на недостроенной АЭС в посёлке строителей Щёлкино на мысе Казантип. Его организатором был Никита Маршуно.

Он смог собрать около 1000 любителей электронной музыки и экстремальных видов спорта. В последующие годы «KaZантип» только увеличивал свою популярность: на фестиваль приезжали диджеи из России, Украины, Белоруссии, бывших стран СССР и Европы. Именно 1995, 1996 и 1997 годы сделали «Казантип» таким популярным, Количество гостей каждый год увеличивалось. Массовость поглотила индивидуальность мероприятия, и со временем фестиваль стал «попсовым», потеряв истинных фанатов рейва и его светлую суть и в конце концов превратившись в абсолютно коммерческий проект.

С середины 90-х рейв-движение активно захватывает Москву. Вместе с одноимённым клубом рождается и журнал для продвинутой молодёжи «Птюч» — своего рода «Библия современного рейвера». Там поднимались очень смелые темы. Чего стоит только заголовок «Никто не любит нас, наркоманов». «Птюч» говорил о сексе, наркотиках, современных трендах в мировой музыке и моде, об интересных людях и ярких событиях. Постоянно публиковались интервью с диджеями, модными дизайнерами и просто с интересными модными людьми, обзвечивались лучшие вечеринки и клубы в России и за границей. Тексты были больше похожи на личные записи, дневники, делясь со зрителем тем, что переживали их авторы. «Птюч» не учил жить, не учил как правильно или нет, он просто делился с читателями впечатлениями и знаниями о модной молодёжной культуре. У него не было лицемерия, его создатели действительно жили той жизнью о которой писали, они были погружены в ту атмосферу и не пытались выдавить из себя очередную статью, чтобы заработать денег, оперируя модными словами того времени. Оттого он и был таким популярным. Журнал просуществовал до 2003 года.

Пожалуй, такими же популярными, как и «Птюч» в середине 90-х были наркотики. Они к этому времени стали синонимом слова «рейв» и заполонили не только две столицы. На руинах Союза было сложно контролировать оборот запрещённых веществ, и их можно было спокойно приобрести в любом клубе. Сложно представить, сколько талантливых (молодых и не очень) людей загубили свои судьбы. Употребляли тогда всё: вместе с зарубежной музыкой в страну хлынули и зарубежные препараты, а что нельзя было приобрести, делали сами. Ниже приведена статистика [6]. (Рис.2)

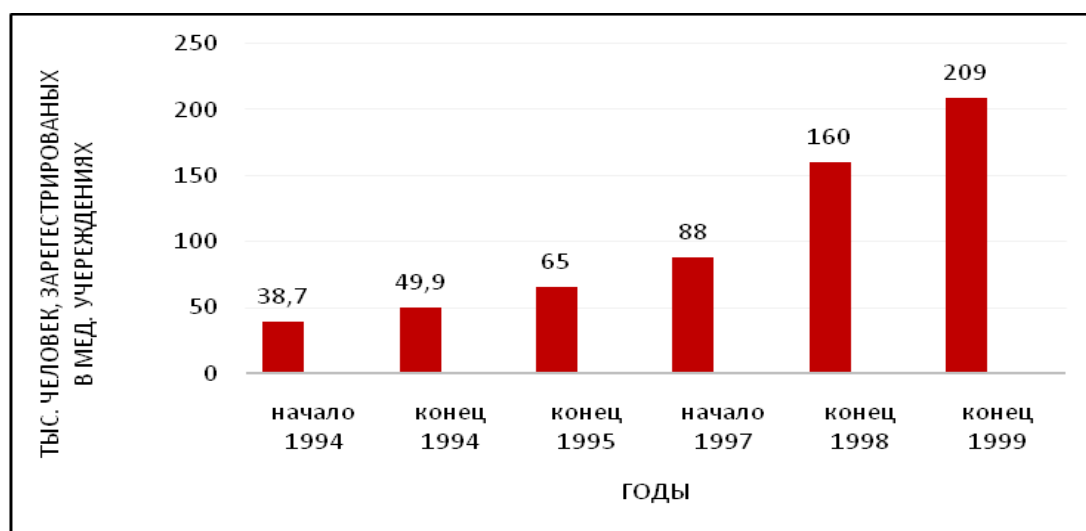

Рис. 2. Динамика роста потребления наркотиков.

Наркотики только подпитывают интерес к рейву, и в 1995 году он становится по-настоящему массовым. Начинается эпоха фестивалей. Первый такой фестиваль прошёл в Санкт-Петербурге и назывался «Восточный удар»; он был первым ежегодным российским рейвом и организовывался с 1995 года по 2005. Создателем данного мероприятия был Денис Одинг, он приглашал на выступления музыкантов из России, стран СНГ и Восточной Европы. Идея была в том, чтобы отказаться от западных диджеев. Первый «Восточный удар» собрал около 15 тысяч человек в СК «Юбилейный». Больших проблем с выбором помещения

не было: большинство спортивных объектов стояли пустовавшими, большой спорт в стране находился в упадке, мало кто был способен собрать большие стадионы, а техно это было по силам. В огромном зале танцевали под техно тысячи человек, большинство из них были под наркотическим опьянением. К сожалению, светлая идея рейва — беззаботной молодости, отречения от насущных проблем — в разваливающемся государстве превратилась в нескончаемый наркотический трип. Не случайно бывший губернатор Санкт-Петербурга, Валентина Матвиенко, несколько лет боровшаяся с техно-клубами, в 2000-е всё-таки запретила ночные техно-вечеринки.

Масштабная коммерциализация рейв-движения стала первым сигналом к закату этой культуры. Изначально приверженцами рейва были художники, творческие люди, богема, питерский и московский андеграунд, затем их стали вытеснять бандиты, сильно полубившие простое для восприятия техно и заполонившие ночные клубы, вытеснив из них большую часть творческой тусовки. Большую роль в распространении рейва по стране сыграла радиостанция «Record»: она вовремя почувствовала вкусы молодого поколения и сделала ставку на электронную музыку. Ещё одной важной радиостанцией была «Станция 106.8 FM», это был уникальный радиопроjekt, на котором выросло целое поколение. Чем он был уникален? Да тем, что там 24/7 транслировалась только моднейшая электронная музыка, а эфир вели диджеи. Каждый диджей был программным директором своего музыкального сегмента, и никто не мог ему указывать, что он должен играть во время своего сета [3]. Ни одна радиостанция не могла похвастаться такой полярностью вещания. Тогда было несколько организаций задающих тренды молодёжной культуры: радио «Станция 106.8 FM», журнал и клуб «Птюч», и московский клуб «Аэроданс». «Станция» и «Птюч» были конкурентами в борьбе за влияние на умы слушателей, а так же за рекламные деньги и доходы от мероприятий, не смотря на то, что они находились на различных площадках. «Птюч» выходил раз в месяц в виде журнала, а «Станция» вещала круглосуточно. Однако этих двух трендсеттеров объединил фестиваль «KaZантип», где они устраивали вместе вечеринки три года подряд (с 1996 по 1999 гг.), а также были рейвы на заброшенном реакторе АЭС. Борьбу вели и с радиостанцией «Максимум», причём не только в сфере вещания, но также как и с «Птючём» на площадках мероприятий. Один из создателей «Станции» Илья Бочурин уверял в своём интервью интернет-изданию «TheReminder», что «Максимум» никогда бы не смог организовать такой фестиваль, как «Инстанция», где в сентябре 2000-го года на 12 площадках на Водном стадионе в Москве за два с половиной дня сыграли все диджеи, которые были актуальны на тот момент в стране. На этот фестиваль только по билетам пришло более 200 тысяч человек. По словам Бочурина у «Максима» не хватило бы творческих и людских ресурсов [7]. Затем радиостанция включает в своё вещание некоторые программы, которые тоже пользовались популярностью. Ещё одним творческим экспериментом была радиостанция «Субстанция», он существовал совсем недолго, 8 месяцев, до июля 1997 года. Идея принадлежала Андрею Макарову и Ивану Салмакову, и заключалась она в том, что диджеи станции собирали самую сложную, экспериментальную современную музыку. Всё то, что выходило за рамки определённого стиля. Это был мощный проект, отражающий реалии электронно-музыкальной субкультуры. Ни одна радиостанция не погружалась на такую глубину. Все-таки даже «Станция» находилась на уровне массовой электронной культуры. А тут — 100-процентный творческий эксперимент [5]. К сожалению, целевая аудитория станции была крайне мала, а рекламы не было вовсе, поэтому проект пришлось свернуть. 30 сентября 2001 года закрылась и «Станция», на волне 107.0 начала своё вещание «Русская служба новостей». Тем не менее, все эти станции в 90-е годы внесли глобальный вклад в культуру рейва, он шагает по стране.

Теперь рейв попадает в провинцию, и у каждого уважающего себя модного молодого человека в комнате играет трендовая музыка, а во дворе есть хотя бы один диджей. Техно-клубы появляются во множествах городах России, и рейв становится беспресловенно массовой культурой. Со временем радио «Record» начинает организовывать свои собственные мероприятия, с масштабами ещё более крупными, нежели раньше. В условиях

такой конкуренции промоутеры начинают отходить от дел или занимаются другими проектами. В сентябре 1998 года запускается российский MTV. Он моментально становится любимым каналом молодёжи и задаёт тренды. Молодые люди слепо подражают героям передач канала: одеваются, танцуют и говорят так, как на MTV. «Пепси, пейджер, MTV» — это и рекламный слоган, и описание образа жизни целого поколения [8]. Вместе с нулевыми эпоха музыкальных рейвов закончится, но музыкальные фестивали станут еще масштабнее и будут собирать уже не десятки, а сотни тысяч человек. Тем не менее, культурным явлениям свойственна цикличность, и уже несколько лет разные промоутеры пытаются делать рейвы в современных условиях — с разной долей успеха.

Клубная культура рейва кардинально отличалась от пришедшей ей на смену. Теперь клуб — это не модное арт-пространство с самой современной музыкой и творческими людьми, танцующими под техно, несущее творческую идею. Начиная с 2000-х, клуб превратился в заведение, где музыка не играла ключевой роли, а была лишь фоном. Ни о какой культурной составляющей речи больше не идёт, функция подобных мест — скорее отдых. Техно уходит в прошлое, а на музыкальную арену выходят Земфира, Шнур и Мумий Тролль. Но рейв ушёл, чтобы снова вернуться в 2010-е годы. В связи с тем, что мода циклична, в 2018 году случился пик ностальгии на 90-е годы: дизайнеры вдохновляются моделями 90-х, снова популярна электронная музыка.

Библиографический список

1. История Московских клубов 1991–2012 [Электронный ресурс] Дата обновления: 03. 12. 2019 URL : http://www.spletnik.ru/blogs/kruto/85566_istoriya-moskovskikh-klubov-1991-2012
2. Рейволюция. Как это было на самом деле. [Электронный ресурс] Дата обновления: 03. 12. 2019 URL <https://www.litmir.me/br/?b=81680&p=1>
3. Всё это рейв [Электронный ресурс] Дата обновления: 04. 12. 2019 URL: . https://www.youtube.com/watch?v=5bcmjBL_68s
4. Клуб "Тоннель" (СПб): адрес, интерьер, фото и отзывы [Электронный ресурс] Дата обновления: 03. 12. 2019 URL : <https://fb.ru/article/467220/klub-tonnel-spb-adres-interer-foto-i-otzyivyi>
5. Илья Бачурин вспоминает, как создавалась «Станция 106,8 FM» [Электронный ресурс] Дата обновления: 03. 12. 2019 URL : <https://thereminder.ru/zhizn/devyanostye/po-bolshomu-schetu-my-so-svoej-muzykoj-byli-nikomu-ne-nuzhny-krome-nashix-slushatelej-ilya-bachurin-vspominaet-kak-sozdavalas-stanciya-1068-fm>
6. Проблема наркомании в России: статистические данные [Электронный ресурс] Риа новости Дата обновления: 03. 12. 2019 URL : <https://ria.ru/20070626/67829656.html>
7. Как поколение Пепси устроило рейвы в России. [Электронный ресурс] Дата обновления: 04. 12. 2019 URL: <https://youngspace.ru/culture/pokolenie-pepsi-pervye-rejvy-v-rossii/>
8. Русский рейв - гибрид европейской субкультуры и лихой русской души [Электронный ресурс] Дата обновления: 03. 12. 2019 URL. https://www.youtube.com/watch?time_continue=1125&v=s2EF1W40JSQ&feature=emb_title

УДК 316.613:159.942

Воронежский государственный технический университет
Старший преподаватель кафедры философии, социологии и истории
М.А. Бобровникова
Россия, г. Воронеж, тел. +7904 212 46 17;
e-mail: mbobrovnikova@cchgeu.ru
Студент кафедры кадастра недвижимости, землеустройства и геодезии
Н.Р. Ефремов
Россия, г. Воронеж, тел. +7 952 543 0100;
e-mail: fender.efremov@gmail.com

Voronezh State Technical University
Senior lecturer of the philosophy, sociology and history chair
M.A. Bobrovnikova
Russia, Voronezh, tel. +7904 212 46 17;
e-mail: mbobrovnikova@cchgeu.ru
Student of the chair of real estate cadastre, land management and geodesy
N.R. Efremov
Russia, Voronezh, tel. +7 952 543 0100;
e-mail: fender.efremov@gmail.com

М.А. Бобровникова, Н.Р. Ефремов

РЕТРОСПЕКТИВА МОРАЛИ XIX-XXI ВЕКОВ: ОТ КУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ ДО РЕСЕНТИМЕНТА

По мере развития социокультурных установок возрастает актуальность ресентимента. Процессы, проходящие в обществе, реформируют системы ценностей и поведение субъектов в социальных коммуникациях. В статье применяется социально-философский и аналитический подходы, которые рассматривают ресентимент с точки зрения полезности и последующей негативной инерционной силы. Опасность явления переустройства ценностей обусловлена риском возникновения социальных движений, несущих угрозу стабильности общества.

Ключевые слова: ресентимент, зависть, агрессия, виктимность, виктимология, жертва, угнетение, социальная дифференциация, привилегированность.

М.А. Bobrovnikova, N.R. Efremov

RETROSPECTIVE OF THE MORALS OF THE XIX-XXI CENTURIES: FROM CULTURAL PERFORMANCE TO RESENTMENT

As sociocultural attitudes develop, the relevance of the sentiment increases. The processes taking place in society are reforming the value systems and the behavior of subjects in social communications. The article uses socio-philosophical and analytical approaches that consider resentment in terms of utility and subsequent negative inertial force. The danger of the transformation of values is due to the risk of social movements that threaten the stability of society.

Key words: resentment, envy, aggression, victimization, victimology, victim, oppression, social differentiation, privilege.

В условиях крайне агрессивной среды, в которой пребывал человек вначале своего пути к формированию картины мира, необходимо было нечто, сплачивающее людей и мотивирующее к сохранению пребывающего индивида в группе. Преследуя цель сохранить целостность группы, во главе ставился наиболее подходящий для роли объединяющего индивидуумов человек - вождь. На вождя лежали обязанности управлять и объединять членов такой группы, но возможности его были ограничены физиологически - он не мог руководить стаей, численность которой превышало бы в среднем 150 человек. Величина 150 человек, лежащая в диапазоне 100-230, именуемая «числом Данбара», была выявлена английским антропологом Робинотом Данбаром, давший определение этой величине как ограничение на количество постоянных социальных связей, которые человек может поддерживать [1].

Лидер группы формировал механизм реализации сплочения акцентированием важности своего положения у власти. Идея культа личности в группах, превышающих 150-230 членов, не выполняла своих задач в долгосрочной перспективе. Частая сменность лидеров клана грозило разладом, конфронтацией, дроблением на несколько племен или даже кровной потасовкой, что не соответствовало неформальному требованию эволюции - сохранить человеческий вид. Мозг человека не был рассчитан на такие сложные социальные связи, требуемые от него мощных вычислительных процессов.

Но культивирование идей в объект, существование которого предельно абстрактное, не имеющее выражения в материи, и персонификация которого невозможна за соблюденный принцип недостижимости изначально вложенных в него смыслов, как раз было по силам физиологическим особенностям человека и выполняло свою важнейшую функцию – сохранить популяцию, даже ценой жизни индивида. Следствие, стихийно формировался культ божества. Религия как инструмент, скрепляющий людей перед единым врагом и ради всеобщего блага.

Религиозной идеи сопутствовал ресентимент - фактор сдерживания агрессии участников социальных связей. Из статуса «содействия» развитию культуры человечества он эволюционировал в самостоятельную единицу. Понятие «ресентимент» был впервые упомянут в работе Ф. Ницше «К генеалогии морали» и обозначал чувство враждебности к тому, что субъект считает причиной своих неудач и избавлял от чувства вины своего обладателя [2.С.85]. Но чтобы обнаружить полезность ресентимента, необходимо рассматривать это определение, истолкованное в работе немецкого философа и социолога Макса Шелера «ресентимент в структуре моралей». М. Шелер обнаружил два элемента понятия «ресентимент»: «во-первых, речь идет об интенсивном переживании и последующем воспроизведении определенной эмоциональной ответной реакции на другого человека, благодаря которой сама эмоция погружается в центр личности, удаляясь тем самым из зоны выражения и действия личности», «во-вторых, употребление данного слова предполагает, что качество этой эмоции носит негативный характер, т. е. включает в себе некий посыл враждебности», «это блуждающая во тьме души затаенная и независимая от активности «Я» злоба, которая образуется в результате воспроизведения в себе интенций ненависти или иных враждебных эмоций и, не заключая в себе никаких конкретных враждебных намерений, питает своей кровью всевозможные намерения такого рода» [3.С. 10].

Ресентимент являлся элементом, выполнение которого наделяло субъекта правом находиться в конкретной общине. Он играл одну из важнейших ролей в жизни человека и принес огромный вклад в позитивном искажении его реальности. Такие изменения реальности имеют глубочайшие основания в истории человечества. Понимание этих оснований и то, что ресентимент – это органичное, естественное свойство, естественный атрибут развития человеческой цивилизации, чрезвычайно очень важная вещь. Это историческое наследие, с которым трудно справиться. Оно образует спланированную силу, нацеленную на разрушение устаревших социальных институтов, систем ценностей и свержение устоявшихся традиций.

С начала XIX века на демаркационный фронт консервативной повестки о традиционных ценностях начали приходить жертвы продукта этих ценностей: первая и вторая волны феминистического движения, мотивированное стремлением женщин добиться равных прав и достоинств с мужчинами за многовековое угнетение, в середине XIX и XX веков соответственно («нужно дать старому биологическому понятию „женщина“ новый социологический эквивалент» писала Вера Инбер); на рубеже того же времени образовалось движение ЛГБТ, преследуемые и гонимые по всему миру, в особенности, с концов XIV века в Америке и XII века в Европе; расизм, существовавший в США с самого его основания, был искоренен «движениями борьбы за гражданские права» в 1960 году. Перечисленные события имели цели ликвидировать дискриминацию, ксенофобию и призвать соблюдать права человека [4.С.3].

Представленные выше явления оказали положительное влияние на многие культуры человечества, продвинувшие вперед общество в моральном развитии в сфере самоидентификации личности. Подобного рода коррективы общественных систем ценностей несли гуманистический характер и развивали институты свободы. По мере эволюции человеческой культуры, роль ресентимента становится все менее важной в жизни людей. Фундамент институтов свободы подкреплён историческим достоянием и составлены карты реальности, которыми совершенствуются механизмы реализации самоопределения индивидуумов. Необходимо считаться с тем, что ресентимент являлся важнейшей составляющей фундамента социума и играл позитивную роль. Параллельно с полезностью ресентимента, образовывался культ угнетенных.

Сильное стремление к реализации некой ценности наталкивается на невозможность добиться такой ценности, тогда возникает тенденция создания преодолеть неудовлетворенное состояние напряжения между «стремлением» и «не состоянием достичь» за счет отрицания позитивной ценности блага, но чаще объявляется позитивной ценностью то, что данному благу противоположно. Когда попытки одного человека терпят неудачу в достижении любви и уважения другого, он начинает высматривать отрицательные качества в объекте своего достижения. Такой человек склонен утешать и успокаивать себя, что цель, к которой он тщетно стремился, ничего из себя не представляет и вовсе не имеет значимости. Подобная реакция обусловлена пределами психики человеческого мозга и можно было бы интерпретировать как защиту от саморазрушения, но это способствовало формированию идеи «принципиального угнетения», культуры виктимности и стремлением стать жертвой прочих идеологий, цивилизационных ценностей, мировоззрений и внешних различий [5].

Теперь вместо борьбы за всеобщее освобождение, повесткой стали проблемы особо угнетенных социальных групп. Универсальная солидарность сменилась вопросами репрезентации культурного разнообразия, подчеркиванием различий между типами людей, наделения объекта уникальных, присущих только ему, свойств. Всему этому сопутствовала риторика прогресса, когда импульс был сугубо консервативным по своей природе. Виднеется наступление фазы ложных ориентиров, возвращающих нас в развитии назад. В этих условиях формировалась культура виктимности – склонности стать жертвой преступления, это расистский подход, наделяющий индивида достоинством в зависимости от происхождения. Также исказилось само понятие «жертва» – это состояние угнетения и ущемления, порожденное не конкретной ситуацией, находящейся в определенном спектре времени, а самим существованием иных позиций и ценностей. Ей свойственен симптом особой «ранимости». Жертва институционального насилия, порождаемая практиками несправедливого общества. Сегодняшняя действительность предлагает широкий спектр роли угнетенных: история рода, культура нации, цвет кожи, половая и сексуальная принадлежности, политические взгляды – список продолжает пополняться и комбинироваться.

Приверженцы виктимности находятся в перманентном поиске потенциального угнетателя. Им совершенно не важно, какой смысл вкладывает тот или иной человек в свою риторику, каких взглядов он придерживается и сколь безобидные его действия. Жертва путем самообмана всегда найдет словам и поступкам интерпретацию, наиболее удобную для укрепления ее позиции. Культура виктимности – это отказ от коммуникации. Обо всем, что снабжено ярлыком женских проблем, можно говорить лишь женщинам, обо всем, что связано с нацменьшинствами, только этим нацменьшинствам. Любая исходящая точка зрения из ненадлежащего источника маркируется как апроприация и тут же отбивается указанием на привилегированность, любая попытка указать жертве на недостатки ее позиции обозначается как «обвинение жертвы». Так происходит расползание по эхо комнате, где каждая идентичность ведет продуктивную беседу сама с собой и вводит себя в глубокую тоску [6].

Общество постепенно распадается на племена, враждующие друг с другом. Темнокожие оскорбляются «блекфейсингу», который напоминает им времена XIX века,

когда актеры, таким образом, эксплуатировали расистские стереотипы для развлечения белокожих зрителей; миллениалы, родившиеся в промежутке 1981-1996 годах, в США постепенно добиваются своей цели – придать свободе слова цензуру, оберегающая достоинство меньшинств. Их достижением сейчас является запрещенный на законодательном уровне термин «нелегальный иммигрант».

Ныне жертва утверждает, что заслуживает отмищения просто по факту своего рождения. Она неизбежно испытывает экзистенциальную зависть в отношении тех, кто наделен врожденными отличиями: иным цветом кожи, полом, ориентации, позиции, всем тем, чего никогда не будет у нее. Однако источником угнетения жертвы могут являться не конкретные люди, а само фундаментальное устройство социума: капитализм, общество потребления, физиологические отличия и т.д. - победить все эти абстракции невозможно, но именно поэтому они дают чувства бессилия и зависти, формируя основу ресентимента. «Если сознание того, к чему именно мы в состоянии стремиться, ограничивает наше ценностное сознание... то уже начался процесс принижения всех ценностей до нашего фактического состояния, естественным концом которого является дискредитация мира и всех его ценностей» [З.С.150]. Ресентимент – это медленный яд души. Критика, порождаемая ресентиментом, больше всего боится быть удовлетворенной, ведь добившись позитивных изменений в обществе, придется отказаться от удовольствия пустой ругани и отрицания. Самый страшный кошмар профессиональной жертвы - добиться таких изменений, которые не позволят больше говорить об угнетении. Но если жертва не может добиться желаемого счастья, благополучия, социального статуса, она объявляет все это ложными ценностями. Неудовлетворенность индивидуума в недостижимости принятия его уникальной ценностной системы системе ценностей преимущественного большинства еще глубже загоняет носителя в состояние бессильной жертвы.

Таким образом, субъект неизбежно перенасыщается ненавистью. В то время как благородный человек полон открытости к себе, человек ресентимент, лишенный откровенности, наивности, прямоты и честности к самому себе. Его душа косит, ум его в поисках укрытий и лазеек, все скрытое привлекает его, он знает толк в молчании, злопамятстве, ожидании, в сиюминутном самоумалении и самоуничтожении.

Примером ресентиментного типа Шелера является поджигатель. Он может быть человеком тихим или застенчивым, пока подавленные в нем импульсы не прорываются в акте бессмысленного разрушения. Но в современном мире поджигатель – не обязательно тот, кто использует керосин и спички. В роли поджигателя может выступать активист, политик или интеллектual. Его орудием будет деконструкция ценностей, ниспровержение авторитетов, разоблачение всего и вся. Разрушение ради разрушения, движимое чувством бессилия, ресентиментом, которое в итоге разрушит и самого своего носителя.

Библиографический список

1. Gonçalves, Bruno; Perra, Nicola; Vespignani, Alessandro science article Modeling Users' Activity on Twitter Networks: Validation of Dunbar's Number: published: august 3, 2011 on <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0022656> (date of the application 20.10.2019).
2. **Ницше Ф.** К генеалогии морали // Ницше Ф. Сочинение: 1987. 581с.
3. **Шелер М.** Ресентимент в структуре моралей / пер. А. Малинкина СПб., 1999. 231 с.
4. **Инбер В. М.** «Ответ на ответы» // В. Инбер Литгазета – 1933г. – 5 мая. – с. 3
5. **Вишневецкий К.В., Варчек Т.В.** Виктимология: учеб. пособие. М., 2018. 191 с.
6. **Petrov A., Proncheva O.** Modeling Propaganda Battle: Decision-Making, Homophily, and Echo Chambers // Communications in Computer and Information Science. 2018. Springer. p. 197-209 on the website https://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-3-030-01204-5_19 (date of the application 25.10.2019).

УДК 101

*Костромской государственный университет
Доктор политических наук, профессор кафедры
философии, культурологии и социальных
коммуникаций*

Зайцев А.В.

Россия, Кострома, тел. 8 910 957 42 35

E-mail: aleksandr-kostroma@mail.ru

Kostroma State University

*Doctor of Political Sciences, Professor, Department of
Philosophy, Cultural Studies and Social
Communications*

Zaitsev A.V.

Russia, Kostroma, tel. 8 910 957 42 35

E-mail: aleksandr-kostroma@mail.ru

А.В. Зайцев

ФИЛОСОФИЯ Д. УОЛТОНА И ЕГО ТИПОЛОГИЯ ДИАЛОГА

В статье рассматривается типология диалога, разработанная канадским философом Дугласом Уолтоном на основе его диалектической логики и теории аргументации. Данная типология обладает большим эвристическим потенциалом и может быть использована в сфере социальных и политических коммуникаций, связей с общественностью, а также в теории и практике управления конфликтами.

Ключевые слова: диалог, аргументация, логика, типология, убеждение, переговоры, эристика, обсуждение, коммуникация.

A.V. Zaitsev

PHILOSOPHY OF D. WALTON AND HIS TYPOLOGY OF DIALOGUE

The article discusses the typology of dialogue developed by the Canadian philosopher Douglas Walton based on his dialectical logic and theory of argumentation. This typology has more heuristic potential and can be used in the field of social and political communications, public relations, as well as in theory of conflict management practice.

Key words: dialogue, argumentation, logic, typology, persuasion, negotiations, criticism, discussion, communication.

Дуглас Уолтон (род. в 1942 г.) – это известный канадский ученый, прославившийся своими многочисленными книгами и статьями по теории аргументации, логическим ошибкам и неформальной логике. В настоящее время он является научным сотрудником Центра исследований в области рассуждений, аргументации и риторики (CRRAR) Университете Виндзора штата Онтарио. К сожалению, в современной России переведена и издана всего лишь одна книга Д. Уолтона («Аргументы ad hominem») [6], в то время как его научное наследие чрезвычайно богато. Среди трудов этого известного специалиста по неформальной логике и теории аргументации можно назвать такие монографии как «Informal Logic: A Handbook for Critical Argumentation», «A Pragmatic Theory of Fallacy», «Argument Structure: A Pragmatic Theory», «Appeal to Popular Opinion» и многие другие.

Результаты научных исследований Д. Уолтона используются в публичной риторике, масс-медиа, праве, теории и практике связей с общественностью, конфликтологии и в других социогуманитарных науках и отраслях научного знания. Особая роль в научной биографии Д. Уолтона принадлежит исследованию диалога в контексте его оригинальной философии, теории аргументации, неформальной логики и логики.

Свой диалектический подход к аргументации Д. Уолтон начал разрабатывать в 1980-е годы. Но впервые аргументативная типология диалога была представлена еще в совместной книге Д. Уолтона и Э. Краббе «Обязательство в диалоге» в 1995 году [8].

По мнению Э.А. Лисанюк, «Д.Уолтон и Э.Краббе являются наиболее известными представителями диалектического подхода в теории аргументации» [5.С.71], которые стремятся к установлению границ между различными видами диалоговых интеракций.

В своей влиятельной книге «Обязательство в диалоге» Д.Уолтон и Э.Краббе определяют аргументацию «снаружи» - при помощи предложенной ими и получившей широкое распространение классификации диалогов, в которой главными критериями их разграничения являются диалектическая цель, разделяемая всеми участниками диалога, и риторические цели сторон, не совпадающие с ней и между собой [8.Р.66]. В результате получается, что аргументация – это не особая деятельность, обладающая специфическими свойствами, но группа диалогов, формируемая на основе двух ключевых критериев: диалектической цели, представляющей собой разрешение несогласия сторон посредством речевой коммуникации, и риторической цели убеждения, преследуемой хотя бы одной из сторон.

По мнению этих исследователей, подобное разграничение диалектических и риторических целей позволяет отделить аргументацию как основную или сопутствующую тактику, используемую в разных диалогах, от собственно аргументативного диалога, нацеленного на риторическое преодоление разногласий вербальным путем и на убеждение [4] .

Классификация Уолтона и Краббе, разработанная Д.Уолтоном и Э.Краббе, содержит 6 видов диалогов; информативный, эристический, переговорный, убеждающий, делиберативный и научный [3.С.148-149]. Во главу угла в этой классификации поставлено то, каким образом посредством участия в диалоге как в речекommunikативном взаимодействии стороны могут решать свои многообразные задачи, круг которых в ней ограничивается диалектическими целями сторон.

В дальнейшем Д.Уолтон неоднократно дорабатывал и развивал этот подход к типологии диалога. В итоге в окончательном виде она сформировалась в первом десятилетии 2000 годов и в наиболее общем виде может быть представлена в виде следующей таблице.

Типология диалога по Д. Уолтону [11]

Тип диалога	Исходная ситуация	Цель участников дискурса	Назначение диалога
Убеждение (персуазия)	Конфликт мнений	Убедить другую сторону	Разъяснить или прояснить проблему
Исследование	Необходимость иметь подтверждение	Найти и перепроверить доказательства	Подтвердить или опровергнуть гипотезу
Переговоры (торг)	Конфликт интересов	Получить желаемое	Согласие, которое устроит стороны
Поиск информации	Потребность в информации	Получить или предоставить информацию	Обмен информацией
Обсуждение (делиберация)	Дилемма или практический выбор	Согласовать цели и действия	Определение наилучшего способа действий
Спор (эристика)	Личный конфликт	Вербальная атака оппонента	Выявить более глубокое основание конфликта.

Данный модельный ряд не является исчерпывающим для дифференциации нормативных типов диалога. Тем более что сам Д. Уолтон выводит различные промежуточные типы и подтипы диалога, представляющие более конкретные разновидности каждого из шести нормативных типов диалога. Тем не менее, рассмотрим каждый из типов диалога более подробно.

Убеждающий или персуазивный диалог (persuasion dialogue) . Цель диалога такого типа состоит в том, чтобы одному участнику дискурса убедить другого (или других) участника коммуникации в приемлемости своего предложения.

Спор (dispute) – это особый вид (разновидность) убеждающего диалога, где тезис одного участника дискурса противостоит или даже полностью отрицает позицию по этому же вопросу другого участника коммуникации. Д. Уолтон считает, что парламентские дебаты и уголовный процесс являются разновидностями или, точнее, подтипами спора [7.Р.8]. Сюда же, на мой взгляд, можно отнести и предвыборные дебаты, которые направлены на завоевание симпатий со стороны электората, на убеждение избирателей в необходимости отдать голоса за ту или иную политическую партию или политического лидера. Можно сказать, что вся политическая реклама и политический PR, имеющие диалогические признаки, относятся именно к данному типу диалога.

В диалоге убеждения, один участник выдвигает тезис и пытается его доказать, в то время как другие участники диалога выдвигает тезисы против либо ставит под сомнение утверждения первой стороны. Как и во всех типах аргументативного диалога, существуют три основных этапа диалога: начальный этап, этап аргументации и завершающий этап. В процессе диалога-убеждения всегда возникает конфликт мнений [8.Р.79]. На этапе аргументации, каждая сторона выдвигает аргументы с целью доказать свой тезис. Бремя доказывания или, точнее, бремя убеждения, лежит на стороне, первоначально выдвинувшей свой тезис. Успех зависит от силы аргументов, подтверждающих тезис. «Победа» означает использование более веских аргументов, чем у противоположной стороны, и достаточных для принятия или опровержения тезиса.

В процессе диалога-убеждения его участники стремятся убедить друг друга и разрешить конфликт мнений мирными способами. По своей сути персуазивный диалог близок к пропаганде. Но в отличие от пропаганды осуществляется не на основе субъект-объектной коммуникации, приказа, команды, распоряжения, а с помощью двухстороннего, в идеале симметричного, субъект-субъектного дискурса с элементами риторики, аргументации, анализа и убеждения. Такой дискурс, как в целом и любой диалог, отвергает методологию бихевиоризма и базируется на идеях социального взаимодействия, интеракционализма и интересубъективности.

Исследовательский диалог (inquiry dialogue) основан на вопросно-ответной форме осуществления дискурса. Это может быть обычное политическое общение, исследовательское или журналистское интервью, социологический опрос и даже допрос. Такой диалог применяется в педагогико - образовательной деятельности, в общении учителя и ученика, врача и пациента. Цель такого диалога состоит в получении нового знания, в его увеличении и росте для того, чтобы сделать правильные выводы и принять верное и обоснованное решение.

«Примерами исследования, - пишет Д. Уолтон, - могут быть доклад комиссии, изучающей причины воздушной катастрофы, расследование политических обвинений при конфликте интересов, проводимое третьей (незаинтересованной) стороной, научное исследование» [6.С.28]. Данный тип диалога протекает в вопросно-ответном формате. К примеру, это может быть встреча представителей власти с общественностью, масс-медийное интервью, пресс-конференция, брифинг, социологический или экспертный опрос, неформальное политическое общение.

Среди такого рода коммуникаций можно назвать взаимодействие органов власти с некоммерческими организациями и бизнесом. В процессе контактов представители власти могут информировать общественность о своей деятельности, отвечать на возникающие вопросы. Или, наоборот, получать информацию о деятельности некоммерческих организаций.

Такого рода диалогическое взаимодействие позволяет преодолевать непонимание, разрешать возникающие проблемы и осуществлять профилактику возможных конфликтов.

На основе такого рода коммуникаций формируется обоюдное доверие между субъектами и сторонами диалога.

Переговорный диалог (negotiation dialogue) – это третий тип диалога. В отличие от двух других типов диалога, данная разновидность диалогической интеракции мало связана с весомостью тех или иных логических рассуждений. Для переговорного диалога на первый план выходят не политические идеалы или политические ценности, а политические интересы. Переговорный диалог – это, по сути дела, политический торг, направленный на достижение некоего баланса между разнонаправленными интересами трендами.

Данный диалогический тип широко представлен в публичных коммуникациях, в том числе, к примеру, в области межсекторного социального партнерства. Или при разрешении каких-то трудовых, социальных или внутривнутриполитических конфликтов с участием органов власти и общественных организаций из числа некоммерческого сектора. Переговорный диалог состоит из процедур обсуждения (торга) сложившейся ситуации, осознания необходимости взаимных уступок, на которые акторы диалога готовы пойти. И, наконец, достижения согласия или компромисса, устраивающего все стороны диалога [6.С.51].

Обсуждение или делиберативный диалог (deliberative dialogue) - это такой вид диалога, в котором каждая сторона представляет свою точку зрения для решения какой-либо практической проблемы. Типичным примером обсуждения является собрание в муниципалитете группы активистов, для того чтобы решить, принимать или нет проект новой канализационной системы. По утверждению Д. Уолтона, делиберация – это вид диалога, в котором каждая сторона представляет свою точку зрения на решение какой-либо практической проблемы.

Делиберативно-совещательный процесс это совместный поиск решения участниками консультации на основе консультаций, то есть того же диалога. Смысл и предназначение такого диалога состоит в том, чтобы сообща «прийти к согласию относительно действий», которые могут рассматриваться как решение практической проблемы. При этом участникам дискуссии требуется осуществить выбор между двумя или более взаимоисключающими вариантами. Делиберация представляет собой кооперативный диалог, в процессе которого участники совместно решают общие для них проблемы. Цель участников делиберации состоит в том, чтобы прийти к согласию относительно действий, которые могут рассматриваться как решение важной практической проблемы. При этом участники обсуждения должны сделать выбор между двумя или более взаимоисключающими вариантами решения существующей проблемы.

В делиберативном диалоге, в отличие от диалога-убеждения, у участников дискурса нет полной приверженности к какой-то одной точке зрения. Здесь нет конфликта мнений. И, следовательно, никто не стремится к победе. Делиберативная аргументация состоит в дискурсивном рассмотрении всех «за» и «против» в отношении существующих мнений и взглядов. Здесь проблема заключается в осуществлении выбора между несколькими различными вариантами действия. В процессе делиберации участникам этого вида диалога от каких-то позиций придется отказаться.

В отличие от диалога-убеждения, аргументация, используемая в процессе делиберативного дискурса, более сложна. Дело в том, что участники делиберации должны осознать цели, которые скрываются за теми или иными предложениями и аргументами по разрешению существующей проблемы.

Делиберативный диалог отличается и от переговорного диалога, который имеет дело с конкурирующими интересами и приверженностью его участников какой-то уже сформированной точке зрения.

Диалог конфликтного типа или **эристический диалог** (eristic dialogue) это шестой тип диалога, который включает в себя различные конфликтные интеракции. К примеру, полемику, спор, ссору.

Полемика (polemika), то есть враждебность, воинственность, дискурсивное противоборства, одна из разновидностей диалогов конфликтного кластера. Полемика

существенно отличается от дискуссии. Если целью дискуссии является персуазивный поиск общего согласия, то есть того, что объединяет различные точки зрения, то основная задача полемики заключается в утверждении одной из обсуждающихся позиций.

Как утверждает Д. Уолтон, ссора представляет собой одну из наиболее характерных разновидностей эристического диалога [8.P.136]. В настоящее время на российском телевидении существует немало популярных телепередач, которые строятся именно вокруг этого типа конфликтного диалога. Цель акторов (как и ведущего, к примеру, тележурналиста В. Соловьева) во время таких теледебатов состоит не в том, чтобы убедить другую сторону (хотя такая видимость может специально создаваться), не в том, чтобы решить проблему или договориться, а в том, чтобы на вербальном уровне атаковать другую сторону (зачастую даже отсутствующую в студии), чтобы подорвать репутацию или скомпрометировать оппонента в глазах телеаудитории.

Субъекты публичных диалогов эристического типа добиваются не только победы над оппонентом, но, нередко, стремятся произвести впечатление на аудиторию. Например, оскорбив или даже унизив партнера по диалогу. Подобные интенции присущи коммуникативному стилю общения с оппонентами лидеру ЛДПР В.В. Жириновскому.

Спор это еще одна разновидность (подтипа) диалога конфликтного типа. Под эристическим спором подразумевается предельно эмоциональное, резкое и открытое выражение антиномии мнений не по поводу темы разговора, а в связи с какими-то качествами другой стороны. Традиционно ссора считается чем-то негативным, чего следует избегать и опасаться. В то же самое время, ссора, как подтип эристического диалога, обладает рядом преимуществ по отношению к другим разновидностям диалога. Дело в том, что, как замечает Д. Уолтон, ссора предоставляет возможность публично артикулировать накопившиеся обиды, улучшая благодаря этому степень взаимопонимания между субъектами коммуникации и выступая вербальным эквивалентом физической борьбы, насилия и противоборства [10.P.136-137].

В реальной коммуникации все шесть типов диалога в «чистом виде» встречаются достаточно редко. Поэтому кроме этих нормативных типов диалога присутствуют многочисленные разновидности диалога, к примеру:

1) **Диалогические подтипы.** (О них речь шла выше).

2) **Смешанные диалоги.** «Понятие смешанности представляет один из наиболее важных и ведущих аспектов теории диалогических типов» Д. Уолтона [7.P.5]. Нормативные типы диалога в условиях реальной коммуникации и аргументации взаимно налагаются друг на друга, с преобладанием диалога какого-то конкретного типа.

3) **Трансформации или переходы (диалектические сдвиги)** одного нормативного типа диалога в другой. Эти «переходы», по терминологии Д. Уолтона, могут быть диалектическими или недиалектическими взаимопереходами или, точнее, «сдвигами» диалога. Такие сдвиги имеют принципиальное значение для менеджмента в сфере публичной политики.

Диалектический сдвиг (dialectical shift) – это переход от одного кластера (типа) диалога в другой [10.P.137-140]. Если, к примеру, на начальной стадии переговорного диалога кто-то из акторов коммуникации переходит к перебранке, то, в данном случае, можно «диагностировать незаконный диалектический сдвиг» или неправомерный переход от менее конфликтного к более конфликтному кластеру диалога [6.C.153].

«Одним из наиболее важных типов диалогического сдвига является переход от любого типа диалога к перебранке. – Пишет Д. Уолтон. – Он не всегда бывает односторонним, ведь критическая дискуссия и спор сами по себе уже содержат элементы противостояния. В целом подобный сдвиг чреват возможными ошибками, потому что перебранка нерегулируема и эмоциональна» [6.C.323-324].

Диалектические сдвиги, которые осложняют взаимоотношения субъектов коммуникации, Д. Уолтон называет заблуждениями, которые обусловлены неверным употреблением аргументов, ведущих к росту конфронтационности и конфликтности

дискурса. Это происходит тогда, когда субъект коммуникации, совершающий аргументативную ошибку, переводит дискурс из рамок одного нормативного типа диалога, в который стороны вступили первоначально, в плоскость иного нормативного диалога.

Совсем другое дело, когда происходит диалектический сдвиг от критической дискуссии к переговорам, а затем к делиберации, и, наконец, к взаимному обмену информацией или к ее поиску. Такой переход «законен» или правомерен, так каждый из очередных сдвигов это переход от более конфликтного к менее конфликтному формату диалога. В результате между конфликтующими сторонами устанавливается стабильный дискурсивный режим взаимодействия на основе двухсторонней модели связей с общественностью [2.С.10-11], взаимопонимания, сотрудничества и партнерства.

Библиографический список

1. **Зайцев А.В.** Диалогика гражданского общества. Кострома. - 2013. 443 с.
2. **Зайцев А.В.** Диалогическая модель связей с общественностью: возникновение, состояние, перспективы // *Ars Administrandi. Искусство управления.* 2013. № 3. С. 5-23.
3. **Зайцев А.В.** Делиберативная демократия, диалог и их место в конstellации дискурса публичной политики // *Научные ведомости Белгородского государственного университета.* Серия: История. Политология. 2013. № 15 (158). С. 147-153.
4. **Зябликов А.В.** Риторика. Сто тестов с вопросами и пояснениями. - Кострома. Учебное пособие. 2009.
5. **Лисанюк Е.Н.** Логико-когнитивная теория аргументации. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. СПб. 2015. 297 с
6. **Уолтон Д.** Аргументы ad hominem. Пер. с англ. Н.Я. Мазлумяновой; Научный редактор перевода В.И. Карасик. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2002. 351 с.
7. **Walton D.** Dialogue Theory for Critical Thinking. [Электронный ресурс] URL:http://www.researchgate.net/publication/226613053_Dialogue_theory_for_critical_thinking/file/79e4150c5fdd804e00.pdf/ (дата обращения 13.11.2019 г.)
8. **Walton D., Krabbe E.** Commitment in Dialogue, to appear, 1995. 235 p.
9. **Walton D.** Informal logic: a handbook for critical argumentation. Cambridge, Cambridge University Press. 1991. 310 p.
10. **Walton D.** Types of Dialogue, Dialectical Shifts and Fallacies. // *Argumentation Illuminated.* F. H. van Eemeren et al. (eds.). Amsterdam. SICSAT. 1992. P. 133-147.
11. **Walton D.** Media argumentation: Dialectic, persuasion and rhetoric. New York/Cambridge: Cambridge University Press. 2007.

УДК 130.2

Воронежский государственный технический университет

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории

К.С. Назаренко

Россия, Воронеж, тел. +7(960)122-22-44

E-mail: petrenkoksenia@vgasu.vrn.ru

Воронежский государственный технический университет

Аспирант кафедры философии, социологии и истории

А.С. Петренко

Россия, Воронеж, тел. +7(910)286-95-20

E-mail: petrenkoanton@bk.ru

Voronezh State Technical University

PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and History

K.S. Nazarenko

Russia, Voronezh, tel. +7(960)122-22-44

E-mail: petrenkoksenia@vgasu.vrn.ru

Voronezh State Technical University

Postgraduate student of the Department of Philosophy, Sociology and History

A.S. Petrenko

Russia, Voronezh, tel. +7(910)286-95-20

E-mail: petrenkoanton@bk.ru

К.С. Назаренко, А.С. Петренко

СТАНОВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА НА ОСНОВЕ ЕГО МОДЕРНИЗАЦИИ

Образование является одной из основополагающих функций общества, участвует в воспроизводстве и развитии как самого социума, так и систем его деятельности. Механизмы образования реализуются через процессы трансляции культуры и реализации культурных норм в изменяющихся исторических условиях. Эти изменения провоцируются новым материалом социальных отношений, непрерывно замещающих друг друга поколениями людей. Образование как функция распределено по всей системе человеческих отношений, но как организованный процесс оно осуществляется специальными социальными институтами и формирует образовательную культуру общества.

В статье рассматриваются цели национального образования на разных исторических этапах, сформировавшие социокультурные детерминанты образования на основе модернизации общества, которые заложили основы образовательной культуры российского общества.

Ключевые слова: модернизация общества, образование, образовательная культура, социокультурные детерминанты образования.

K.S. Nazarenko, A.S. Petrenko

DEVELOPMENT OF EDUCATIONAL CULTURE OF the RUSSIAN SOCIETY ON THE BASIS OF MODERNIZATION OF THE SOCIETY

Education is one of the fundamental functions of society, involved in the reproduction and development of society itself, of its activities. Mechanisms of formation is realized through the processes of transmission of culture and realization of cultural norms to the changing historical conditions. These changes are fuelled by new material social relations, constantly substitute each other generations of people. Education as a function distributed over the entire system of human relations, but as an organized process it is a special social institutions and forms of the educational culture of the society.

The article discusses the goals of the government of Russia at different historical stages that have shaped the socio-cultural determinants of education through the modernization of society, which laid the foundations of the educational culture of the Russian society.

Key words: modernization of society, education, educational, culture, socio-cultural determinants of education.

Каждая социальная парадигма в рамках действующей парадигмы образовательной, управляет динамикой базовых структур общества, в том числе и образованием, бытующими схемами их восприятия, ценностями, формами выражения и обмена, и выступает идеальной структурой организации воспитательного и обучающего процесса, порождает социокультурные детерминанты образования.

Социокультурные детерминанты образования формируются в рамках конкретной культуры того или иного общества. Содержание каждой культуры уникально, так как она представляет собой совокупность ценностей, а они формируются в процессе общественно-исторической, предметно-практической, духовной и духовно-практической деятельности Человека [1.С.147-150], которые в каждом обществе индивидуальны. Несмотря на то, что наполнение культур разное, ключевые элементы и их взаимодействие, в том числе и социальные институты, определяющие уровень развития культуры, одинаковы, и именно они влияют на формирование и смену социокультурных детерминант.

Образование, независимо от исторической эпохи, имеет двойственную природу. С одной стороны оно дает Человеку свободу выбора, с другой держит его в жестких границах ценностей господствующей части общества. На одной стороне, сам Человек по средствам смыслообразов, запечатлевших общие базисные структуры человеческого существования, формирует социокультурные детерминанты образования, на другой – именно культура и действующая образовательная парадигма определяют и диктуют Человеку ценность образования, а, следовательно, и отношение к нему. Шелер предлагает сначала посмотреть на «образование» как на нечто идеальное, завершенное (не только на его процесс), то оно выступит в первую очередь как индивидуально самобытная форма, образ, ритмика, в границах которых и соразмерно которым происходит вся свободная духовная деятельность человека; с другой стороны, они управляют и направляют все психофизические автоматические проявления жизни (выражение и действие, речь и молчание), все «поведение» человека [2.С.15-56].

Посредством системы образования, в частности высшего образования, формируется в обществе образовательная сфера. Сохранение и поддержание динамичного развития образовательной сферы является залогом устойчивого социально-экономического развития страны через модернизацию общества. Опора на образованность является залогом коренного качественного преобразования общественной жизни. В виду этого особую важность приобретает необходимость модернизации института высшей школы с целью достижения социально-экономического и технологического прогресса.

Модернизация российского общества всегда была крайне противоречивым процессом. В России понимание необходимости преодоления отставания в развитии на основе модернизации приходит с процессами секуляризации, к которым привела реформаторская деятельность Петра I, разрушив религиозное мировоззрение и установив светские приоритеты жизни. Модернизация всех сторон общественной жизни происходила на основе процесса европеизации [3.С.85-86.]. Российская власть реализовала программы развития по европейской модели, переняв, в том числе и светскую европейскую модель образования. Эта модель содержала в себе социокультурные детерминанты образования Западной Европы, которые вытеснили имеющиеся культурные архетипы церковной педагогики. В результате, страна получила новую светскую парадигму образования. Как и в предыдущих парадигмах образования, в основе новой лежал особый исторический период, в экономической сфере которого набирал силу капитализм, а в духовной – гуманистическим антропоцентризмом. Новая реальность обозначила потребность в большей дифференциации знания, в силу развития промышленности возникла потребность в профессиональном обучении. Умения чтения и письма становились жизненно необходимыми.

Система образования всегда реализует трансляцию культурного опыта от поколения к поколению, что говорит о том, что не существует образования вообще, а всегда это конкретный тип, сформированный в определенных исторических условиях [3.С.113.]. В Петровской России была сформирована система образования, реализующая европейские

социокультурные детерминанты образования в условиях накопленного исторического опыта страны. Европейские социокультурные детерминанты образования определяются образом самостоятельно мыслящего, всесторонне развитого человека – универсальной ценности с неограниченным потенциалом. Традиционные же для Средневековья науки о божественном вытеснены гуманитарными науками, которые рассматривались как средство формирования человеческого в человеке. На первый план вышли процессы и механизмы Грамотности, как воплощение возможностей.

В России образ всесторонне развитого человека, представленного в светской европейской модели образования, накладывается на необходимость модернизации страны: посредством образования каждого, наращивается мощь страны, преобразуются армия и флот. Можно говорить, что через образование, в частности высшее образование, реализуются интересы государства, оно обретает государственную значимость.

Итак, с начала правления Петра I, запустившего процесс секуляризации в полной мере, который выдвинул новые цели образования и сформировал светскую парадигму образования, ориентации на европейский образ жизни, способствовавшей заимствованию культурных архетипов образования Западной Европы, Россия встает на новый путь развития.

Реформаторскую деятельность Петра I продолжают императрицы Елизавета I и Екатерина II, которые меняют содержание и направленность культурных архетипов образования. Если у Петра I «...вместо исправления церковных книг и охранения веры речь шла теперь о преобразовании армии и флота» [4.С.248.], то у Екатерины II «...дабы не науки токмо и художества умножились в народе, но и вкоренить в сердца добронравие» [4.С.264], то есть реализация новых государственных задач образования, которое теперь должно преследовать педагогические (воспитательные), а не профессиональные цели. Иными словами, социокультурные детерминанты российского образования принимают профессиональный характер, а круг профессиональных интересов расширяется. В образовании начинает озвучиваться образовательная и воспитательная проблематика, которая в корне меняет само назначение процесса образования и школы в частности. Если прежняя школа только учила, то новая школа должна была воспитывать. Таким образом, впервые в России школа берет на себя задачи воспитания, принадлежавшие до тех пор исключительно семье. С этим перенесением воспитания из семьи в школу совершается полнейшее изменение его приемов и целей [5.С.172].

Трансформация социокультурных детерминант образования приводит не только к смене целей образования, а к уменьшению значимости других, по сравнению с целью Воспитания. Теперь именно Воспитание реализует потребности и интересы государства, целенаправленно ориентируясь на получение определенных навыков. Это не означает смену светской парадигмы образования. Образ самостоятельно мыслящего, всесторонне развитого человека светского общества реализуется теперь посредством механизмов Воспитания. Система учебно-воспитательных учреждений носит сословный характер, а главным достижением является создание новых устойчивых форм порядка поведения в обществе, которые соединили в себе старые русские традиции и европейские стандарты.

Новая парадигма образования, возникает с начала правления Александра II, который, отменив крепостное право, кардинально меняет образ жизни российского общества, а значит и переориентирует социокультурные детерминанты образования. Реформаторская деятельность Александра II не оставляет без внимания народное образование, которому придает просветительный и освободительный характер. Если ранее образование было в основном привилегией дворянства, то при Александре II «просвещение и образованность заметно распространились не только между средним сословием, но и между низшими классами: по крайней мере, теперь не редкость образованные и даже просвещенные люди из купеческого и мещанского сословия» [6.С.620.]. Была сделана попытка просветить безграмотного простолюдина. Новые социокультурные детерминанты образования реализуют образ свободного человека в обществе, а женщину рассматривают как часть этого общества. Они пропагандируют в русском обществе мысль о необходимости возвести

женское образование в один ранг с мужским. Освободительный дух проник во все сферы жизнедеятельности. Значительно выросла роль общественности в системе образования, в которой проводились только либеральные и демократические реформы.

Имеет место говорить о модернизации российского общества через общественную парадигму образования на основе изменившихся социокультурных детерминант образования. На смену воплощения образа самостоятельно мыслящего, всесторонне развитого человека светского общества, приходит образ всесторонне развитого светского общества, в рамках которого главенствующее место занимает Грамотность как гарант паритетных прав и возможностей каждого члена общества, а Воспитание выступает как воплощение механизмов гражданского становления человека в обществе.

Положено начало новой парадигме образования, которая формирует новые социокультурные детерминанты образования, пронизанные освободительным духом.

Каждая парадигма образования формировалась в зависимости от доминирования определенного элемента в системе ценностей государственной значимости. Именно цели, преследуемые правительством России на разных исторических этапах, формировали социокультурные детерминанты образования, которые в итоге утеряти свои досознательные, глубинные установки и стали западно-ориентированными. Однако с момента переориентации социокультурных детерминант образования стало возможно становление образовательной культуры российского общества посредством его модернизации.

Библиографический список

1. **Перевозчикова Л.С., Петренко К.С.** Ценностные основания парадигмы российского высшего образования. Вестник воронежского государственного технического университета. Изд.: Воронежский государственный технический университет. Воронеж – 2012. Том: 8 № 3 с. 184 с.
2. **Шелер М.** Формы знания и образование. Избр. произведения. М., 1994. Изд.: Гнозис. 490 с.
3. **Радугина О.А.** Дворянство как субъект секуляризации российского общества. Монография. Изд. Воронежский ГАСУ, Воронеж – 2014. 171 с.
4. **Милюков П. Н.** Очерки по истории русской культуры: В 3 т. М., 1994. Т. 2. 416 с.
5. **Стародубцев М.П.** Основные направления социально-педагогических взглядов Екатерины II. Научно-теоретический журнал «Ученые записки», № 1(107) – 2014 год, 192 с.
6. **Белинский В.Г.** Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 6. М., 1955. 840 с.

УДК 37.1

*Воронежский государственный технический университет
кандидат технических наук, доцент кафедры
кадастра недвижимости, землеустройства и
геодезии*

Хахулина Н.Б.

Россия, г. Воронеж;

e-mail: hahulina@mail.ru

Общеобразовательная средняя школа №3 им.

Ю.А. Гагарина

Учитель физики

Иванов Б.И.

Казахстан, Шемонаиха

e-mail: boris.ivanov.1951@list.ru

*Voronezh State Technical
University*

*Candidate of Technical Sciences, Associate Professor,
Department of Real Estate Cadastre, Land Management
and Geodesy*

Khakhulina N.B.

Russia, Voronezh

e-mail: hahulina@mail.ru

Secondary School №3 named after

Yu.A. Gagarin

Physics teacher

Ivanov B.I.

Kazakhstan, Shemonaiha

e-mail: boris.ivanov.1951@list.ru

Н.Б. Хахулина, Б.И. Иванов

О НЕОБХОДИМОСТИ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматривается проектная деятельность в процессе школьного и вузовского обучения. Рассмотрены особенности и положительные стороны использования проектно-ориентированного обучения в образовательном процессе. Приведены примеры проектов для школ и вузов на примере уроков физики. Доказана необходимость использования проектов и исследовательских работ в школе на основе полученных результатов.

Ключевые слова: проектно-ориентированное обучение, образование, самообразование, творчество, проект.

N.B. Khakhulina, B.I. Ivanov

ABOUT THE NEED FOR PROJECT ACTIVITY IN THE EDUCATIONAL PROCESS

The article discusses project activities in the process of school and university education. The features and positive aspects of the use of project-oriented learning in the educational process are considered. Examples of projects for schools and universities on the example of physics lessons are given. Proved the need to use projects and research works in schools based on the results

Key words: project-oriented learning, education, self-education, creativity, project.

К сожалению, в связи с уже сложившейся системой образования, современное поколение учеников и студентов искусственно регрессирует и с каждым годом ситуация ухудшается. Начиная со школы, учеников готовят к шаблонам мышления, не позволяя им использовать и развивать свой творческий потенциал, кроме этого, одной из причин является их загруженность. Все интеллектуальные, физические и материальные ресурсы ученика на выходе из школы брошены на получение максимальных баллов ЕГЭ и чаще всего на другую деятельность не остается ни сил, ни времени.

В системе высшего образования большая доля времени отводится под самостоятельную работу, в рамках этого вида деятельности студентам предлагается подготовить реферат, доклад, провести исследование или изучить дополнительную тему. Опыт преподавания показывает, что в большинстве случаев студенты, используя лишь интернет, ищут максимально совпадающее название темы исследования, берут уже готовый материал и, не подвергая его даже поверхностному анализу, сдают работу.

Во многих вузах сегодня активно внедряется проектно-ориентированное обучение, которое предполагает самостоятельное, с поддержкой, но без активного руководства преподавателя выполнение проектов. Проект направлен на решение конкретной задачи в рамках своей специальности, при реализации которой на выходе должно быть какое-нибудь ноу-хау.

При этом студенты должны сами сформулировать цели и задачи, составить план работы и выполнять проект. Они должны самостоятельно принимать решения о проекте, как они будут работать и что должны получить в итоге. Проект должен быть оформлен значимой или актуальной проблемой, которая должна быть решена и в итоге определить дальнейшую судьбу проекта – патент, стартап или возможность коммерциализировать разработки. Отличное и правильное нововведение, но студенты на данный момент, мягко говоря, не готовы к такому виду деятельности, они пугаются такой постановки вопроса - «скажите, что конкретно нужно делать и мы сделаем!» такой ответ получает преподаватель. Причина такого поведения ясна, студенты не понимают и не знают, как это делать!

Проектное обучение – это нетрадиционная модель обучения, которая стремится лучше подготовить учащихся к решению реальных задач и проблем, в то же время, обучая их тому, что им нужно знать, чтобы преуспеть в школе, техникуме или высшем учебном заведении прямо сейчас.

Проектное обучение используется и в системах школьного, технического и высшего образования. Школьные проекты в большей степени должны носить исследовательский характер, позволяющий глубже изучать дисциплины.

Используя проектное обучение можно выделить особенности и преимущества:

- проявление реального интереса к обучению, так как оно становится живым для учеников и приобретение более глубоких знаний в области исследования;

- проявление и развитие творческих и интеллектуальных способностей, а также самостоятельности, то чего не хватает современному поколению. Отклонение от привычных приемов обучения, направленных на заучивание готового материала в сторону поиска нового должно мотивировать школьников и проявлять все незадействованные его личностные ресурсы;

- сбор, систематизация и анализ материалов, с целью получения нового. Не бездумное копирование материалов из интернета, а отбор из большого информационного объема, критическое осмысление собранных данных и возможность реализации еще нерешенной проблемы.

- проект может выполняться индивидуально, парно или в группах. Групповые проекты особенно интересны и значимы тем, что на современном этапе школьники и студенты практически не выполняют совместных работ, процесс обучения направлен на индивидуальное выполнение заданий, да и простое общение за счет активного использования гаджетов ушло в виртуальное пространство. Проект, выполняемый в команде, поможет проявлению таких качеств как: совместное определение проблемы, поиск решения задачи и принятие решений;

- чаще всего проект рассчитывается на длительный период исследования, что позволяет обучающимся самим грамотно распланировать весь процесс с целью успешного решения проблемы или задачи.

- в проект могут быть включены заинтересованные лица со школы, других учебных заведений или с предприятий. Иногда в поиске решений может помочь опыт других, взгляд со стороны, особенно может быть полезен производственных опыт людей, чья профессиональная деятельность связана с темой проектного исследования;

- проектная деятельность носит междисциплинарный характер, так как зачастую недостаточно области знаний одной дисциплины и необходимо комплексное освоение и привлечение смежных дисциплин.

- изучение и применение технических средств для представления своих проектных решений, например использование различных гаджетов, программ и мультимедийных средств для презентации своего проекта.

- возможность коммерциализации проекта. В рыночных условиях во главу угла ставятся вопросы: что с этим можно сделать? Кому это будет нужно? Как это можно продать?

Конечно, школьные проектные работы, вряд ли будут иметь коммерческий интерес, скорее это возможности для другой ступени – техникума или университета, но и школьные программы сейчас тоже имеют вектор на предпринимательство.

Одной из положительных сторон внедрения проектной деятельности в обучение является междисциплинарность. Зачастую для реализации идеи какого-либо проекта необходимы знания из смежных областей наук. Современный процесс обучения строится на преподавании дисциплины, как самостоятельного предмета, есть своя программа, свои компетенции и т.д. Возможно, некоторые дисциплины связаны и знания из одной переходят в другую, но междисциплинарность должна нести другую функцию.

Целью междисциплинарного обучения является изучение выбранной темы или решения задачи как значимого целого, так и предоставление учащимся возможности изучить одну и ту же проблему с точки зрения разных дисциплин. Междисциплинарный подход позволяет ученикам и студентам видеть и обнаруживать связи между дисциплинами, а также связи между вещами из реальной жизни. Междисциплинарность подготавливает их к критическому мышлению и творческому решению проблем, чтобы они могли приспосабливаться к постоянно меняющимся потребностям общества и развивать необходимые навыки.

В качестве примера использования принципов проектного подхода к обучению можно привести урок-конференцию с элементами научного подхода «Ах Уба, Уба родная!» для 11 класса. Этот урок-конференция был построен на исследовательских проектах учеников, которые проводились в походах, экспедициях, данные собирались в музеях и архивах города. Наиболее интересными проектами получились: «История р. Убы», «Исследование открытых вод реки Убы», «Физика Убы».

Цели конференции:

- повторить основные сведения из физики, химии, географии, ботаники, раскрыть их взаимосвязь в реальном мире;
- использовать наблюдения учеников в ходе экспедиции в верховья реки Убы;
- приобщить ребят к исследовательской работе;
- использовать новейшие достижения человеческой цивилизации для исследований, а именно: гаджеты для фото и видеофиксации, ориентирования, определения местоположения, возможности санитарно-эпидемиологической станции.

Педагогические задачи конференции - воспитывать любовь к родному краю, бережное отношение к природе, патриотизм, интерес к исследовательской работе. До проведения конференции был организован сплав по реке Уба, в ходе которого проходили эксперименты и научные исследования по определению скорости течения реки на разных ее участках, взяты пробы воды, для дальнейшего исследования на наличие загрязняющих веществ, выполнялась фото и видео съемка, изучалась растительность и другие факторы.

На конференцию были приглашены педагоги и специалисты из разных областей знаний: этнограф-историк сообщила присутствующим очень интересные сведения о происхождении названия реки, истории заселения родного края начиная с конца 17 века до новейшей истории района; физик – географ рассказал присутствующим о своих исследованиях: свойствах течения реки, о давлениях в различных участках, об эрозионных процессах и образованиях, о физическом изменении долины, русла реки, о скорости эрозионных процессов; химик-эколог сообщил, что вода, взятая на анализ на различных стоянках реки, к сожалению, не соответствует санитарно-гигиеническим нормам. Им же выполнен экспресс – анализ на содержание в воде фекалий и нитритов. Согласно этим

анализам, вода на всех стоянках, также не соответствует нормам. Чистыми остаются участки в верховьях реки Уба, где отсутствуют население и промышленность. Исследования открытых вод реки показали, что самая чистая вода в верховьях вплоть до села Верх – Убы. Последний анализ, взятый в Шемонаихе, показал, что появилась большее содержание в воде нитритов, фекалия, тяжелых металлов. Появились следы нефтепродуктов, синтетических поверхностно активных веществ.

Комплексный подход к исследованию позволил получить очень ценные результаты, содержащие выводы из разных дисциплин: физики, географии, истории, химии, биологии. Выводы, сделанные по итогам исследования, заставляют учеников и всех заинтересованных лиц задуматься также о проблемах экологии, что сегодня должно ставиться во главу угла, т.к. масштабы загрязнений окружающей среды достигли критических значений.

Цель проектного обучения и исследовательской деятельности на примере урока-конференции была достигнута: учащимися приобретены навыки исследования; использованы и применены знания из разных дисциплин; получены практические результаты исследований и сделаны выводы по ним; доказана эффективность коллективной деятельности в процессе исследований; получен задел для дальнейшей проектной деятельности на следующих ступенях образования.

Библиографический список

1. **Карпов Е.** Учебно-исследовательская деятельность в школе. В поисках новой педагогической альтернативы // Экономика в школе. 2001. №2.
2. **Сиденко А.С.** Метод проектов: история и практика применения // Завуч. 2003. №6.
3. **Яковлева Н.Ф.** Проектная деятельность в образовательном учреждении. – М.: ФЛИНТА, 2014. С. 14.
4. **Хасенов К.Б.** Проблемы и перспективы развития научной и образовательной деятельности в области геодезии, землеустройства и кадастра в Республике Казахстан. /, Каретина И.П., Рахымбердина М.Е., Хахулина Н.Б., Калеева К.М. // Гео-Сибирь. 2008. Т. 2. № 1. С. 59-66.
5. **Хахулина Н.Б.** Природообустройство в учебной и проектной деятельности. / Хахулина Н.Б., Иванов Б.И. // Модели и технологии природообустройства (региональный аспект) 2019. № 1(8). С. 26-30.
6. **Маслихова Л.И.** Организация самостоятельной работы студентов в контексте современной учебной деятельности. / Маслихова Л.И. // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. № 1 (3). С. 109-113.
7. **Маслихова Л.И.** Дистанционное обучение. Проблемы и перспективы. / Маслихова Л.И. // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. № 3 (7). С. 94-99.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES

УДК 336

*Воронежский государственный институт искусств
Кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных и социально-
экономических дисциплин
И.А. Ашмаров
Россия, г. Воронеж
e-mail: dobrinka75@mail.ru*

*Voronezh State Institute of Arts
PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Humanities and
Socio-Economic Disciplines
I.A. Ashmarov
Russia, Voronezh
e-mail: dobrinka75@mail.ru*

И.А. Ашмаров

АНТИИНФЛЯЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

В экономике любой страны мира складывается тот или иной, нормальный или завышенный, уровень государственного вмешательства в экономику. Связано это с необходимостью проведения государственного регулирования экономики, обоснованного в свое время английским экономистом Дж. Кейнсом. В денежно-кредитной сфере экономики госрегулирование проявляет себя в основном в виде антиинфляционной политики, от которой и пойдет речь в данной статье.

Ключевые слова: государственная политика, экономическая политика, инфляция, антиинфляционная политика, уровень государственного вмешательства в экономику.

I.A. Ashmarov

ANTI-INFLATIONARY POLICY AS A KIND OF STATE ECONOMIC POLICY

In the economy of any country of the world, one or another, normal or overstated, level of state intervention in the economy develops. This is due to the need for state regulation of the economy, justified at one time by the English economist J. Keynes. In the monetary sphere of the economy, state regulation manifests itself mainly in the form of an anti-inflationary policy, which will be discussed in this article.

Key words: state policy, economic policy, inflation, anti-inflationary policy, level of government intervention in the economy.

Основу государственного вмешательства в экономику составляет государственное регулирование экономики (ГРЭ), которое теоретически было обосновано в первой половине XX века английским экономистом Дж. М. Кейнсом. О государственном регулировании экономики написано и сказано очень много [5]. Если говорить кратко, то государственное регулирование развития экономики — это воздействие государства на деятельность хозяйствующих субъектов и рыночную конъюнктуру в целях обеспечения нормальных условий функционирования рыночного механизма.

В настоящее время пределы «зоны ответственности» государства (вмешательства в различные сферы жизни общества) постоянно расширяется.

По мнению большинства ученых-экономистов, объективно обусловленная норма налогообложения, определяющая допустимый уровень государственных расходов - 10% (известная с давних пор «десятина»), которая и является нормой экономического равновесия и стабильности, в том числе для общества и государства [1].

По мнению известного экономиста Е.Г. Ясина, укрепление позиций российского государства сегодня наблюдается в тех областях, где его эффективность сомнительна, например, в государственном предпринимательстве [27]. Государство делает акцент на усилении государственного урегулирования, фактически на национализации, в то же время, ослабляя свои позиции там, где оно должно быть особенно активным, например, в обеспечении верховенства закона, независимости правосудия, защиты прав собственности [2].

Заметную роль в ограничении государственного вмешательства в экономику и усилении приватизационных процессов для каждой страны в отдельности играют факторы внешнего, международного характера. Например, членство во Всемирной торговой организации ограничивает возможности введения странами-участницами протекционистских мер друг против друга, что стимулирует конкуренцию и в конечном итоге способствует защите отечественных производителей и потребителей. То есть необходимо развивать институты правового государства. По мнению Г.А. Гаджиева, именно основной закон страны, то есть Конституция может и должна рассматриваться как своеобразный указатель того, как глубоко государство может «погружаться» в глубины регулирования в сфере экономики [3]. Таким образом, экономика должна сопрягаться с правом (юриспруденцией), что, в общем-то, очень логично.

Рост государственного вмешательства в экономику во многих странах мира составляет универсальную тенденцию социально-экономического развития. Поэтому можно говорить о расширении влияния анализируемого явления — ГРЭ в контексте постоянно изменяющихся экономических реалий начала нынешнего XXI века.

Многие современные ученые пытаются ответить на вопрос, каков же реальный и нормальный уровень государственного вмешательства в экономику. Мы считаем, что в настоящее время уровень госрегулирования является явно завышенным и препятствует свободному развитию рынка и рыночного хозяйства в России. В то же время количество проверяющих и инспектирующих, а также и правоохранительных государственных органов постоянно растет. А их возглавляют люди, которые не лишены собственных человеческих слабостей и недостатков, обладают своими интересами, которые иногда могут расходиться с законом и идти вразрез с интересами государства.

Нам лучше сохранять необходимый минимальный, то есть нормальный и адекватный уровень вмешательства государства в экономику, чтобы не создавать помехи и барьеры для развития рыночной экономики в России. В настоящее время реально сложившийся, т.е. реальный уровень госрегулирования хозяйства в России намного превышает необходимый минимальный, то есть нормальный и адекватный уровень. Последствия создавшегося положения зарегулированности экономики могут сказаться на темпах экономического роста в стране и его показателях, то есть на объеме ВВП.

1. Виды государственной политики. Различными видами государственной политики являются политики государства в различных сферах экономики, социальной сферы, в том числе политика в сфере образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения, в области охраны труда, в сфере поддержки семьи и т.д. Нас будет интересовать политика в области экономики, которая также имеет множество подразделений, так как в настоящее время видов экономической политики существует большое количество.

Экономическая политика может быть классифицирована по самым различным основаниям, а именно:

1. Экономическая политика, направленная в связи с ориентацией на границы государства:

1.1. Внешнеэкономическая политика (в т.ч. в области международной торговли);

1.2. Внутренняя экономическая политика.

1.2.1. Государственная федеральная политика

1.2.2. Государственная региональная политика

2. Экономическая политика с приставкой «анти», то есть направленная против чего-либо, что угрожает интересам государства:

- 2.1. Антиинфляционная политика.
- 2.2. Антициклическая (антикризисная) политика.
- 2.3. Антимонопольная политика.

3. Отраслевая экономическая политика государства:

- 3.1. Аграрная политика.
- 3.2. Промышленная политика.
- 3.3. Структурная политика.
- 3.4. Банковская политика.
- 3.5. Денежно-кредитная (кредитно-денежная, монетарная) политика.
- 3.6. Бюджетная (финансово-бюджетная).
- 3.7. Налоговая (фискальная) политика.

4. Экономическая политика на стыке с социальной политикой государства:

4.1. Политика занятости населения, в том числе политика государства на рынке труда, связанная с борьбой с безработицей.

4.2. Пенсионная политика государства, связанная с выплатами пенсий и т.д.

В статье мы предметно разберем сущность и содержание антиинфляционной политики государства, в том числе и на российском примере инфляции.

2. Инфляция и инфляционные процессы в экономике. Инфляция как рост цен (а именно так понимают данное явление в теории финансов) возможна в условиях натурального (бартерного) обмена чисто теоретически, но практически она не сможет развиваться, так как отсутствует самая её основа – бумажные денежные знаки. Исторически инфляция впервые появляется только в эпоху металлических денег, золотых и серебряных монет, участвовавших в денежном обращении. Это было ещё в период Римской империи, а также и в последующие, более поздние эпохи, особенно в период т.н. революции цен в послеколумбовой Европе. Но и тогда, несмотря на гигантский приток золотого металла на европейский континент, инфляция не достигала тех размеров, которые увидели страны мира с наступлением новой эры бумажных денег, когда возникло новое явление гиперинфляции.

В условиях бартерного, то есть прямого (безденежного) обмена одного продукта на другой, инфляция не имеет базы для своего возникновения и развития. В том случае, когда мешок зерна обменивается на топор, возникает некое безусловное равенство, когда одна вещь равна другой вещи, ибо обе эти вещи являются необходимыми, допустим, в крестьянском хозяйстве. При прочих равных условиях, трудно представить себе ситуацию, когда владелец топора, предположим, кузнец затребует большее количество мешков зерна, ведь владелец другого продукта или ресурса может с лёгкостью сделать то же самое, то есть увеличить свои запросы. Но в примитивной экономике это уравнивается встречными претензиями другой стороны, которая владеет необходимыми ресурсами. Здесь даже трудно себе представить какие-либо инфляционные ожидания или обесценивание денежных средств, так как денег как таковых просто нет. Соответственно, нет и самой веской причины, которая бы порождала инфляцию в экономике натурального хозяйства.

Подумаем, возможна ли инфляция в условиях натурального (бартерного) обмена. Как известно, натуральный, или бартерный, обмен представляет собой непосредственный обмен продуктами труда без участия денег. В таких условиях инфляция попросту невозможна, потому что одни вещи или продукты обмениваются на другие. Инфляция есть проявление мира денег, когда происходит рост цен на те или иные товары или услуги.

По нашему мнению, инфляция в условиях бартерного обмена невозможна. Во-первых, потому что инфляция - это обесценивание денег, повышение роста цен на товары и услуги. Во-вторых, потому что натуральный обмен – это обмен продуктами труда без денег.

Для того чтобы инфляция при натуральном обмене стала возможна, необходимо, чтобы товар или услуга, предоставляемая при мене была равноценна деньгам. Иными словами, товар должен быть полноценной валютой. Продукт труда не может являться единой

валютой, поскольку не все товары или услуги в равной степени необходимы для общества. К примеру: кто-то любит яблоки, а кто-то любит груши, в данном случае невозможно представить себе единую валюту в виде яблок или груш, или меда и т.д. Поэтому шансы найти того, кто хочет полакомиться яблоками и кому-то отдать свои груши, минимальны, т.е. очень малы. Поэтому по мере своего эволюционного развития обществу стал необходим некий эквивалент, мерило стоимости того или иного товара или услуги, так появились деньги. В разные времена это была разная валюта: от ракушек и шкур до современных кредитных денег - доллара и евро.

Инфляция как понятие относится только к деньгам, поэтому оно просто-напросто не подходит к такому понятию как «натуральный обмен». Если бы инфляция при мене была возможна, то это выглядело бы примерно следующим образом. Садовод обменивает яблоки на груши. Допустим, что два ведра яблок равны одному ведру груш. Если в один год уродилось слишком много яблок, то ведро груш, будет стоить уже не два, а четыре ведра яблок, потому что ценность яблок упала в связи с увеличением количества данного продукта труда. Через год случился неурожай, яблок собрали мало, следовательно, ценность яблок повысилась и теперь за ведро яблок садовод получает два ведра груш.

Здесь изображен наглядный пример инфляции, но поскольку, повторяю, инфляция – это чисто экономический термин, который означает движение денежных масс в государстве, то мы не можем отнести ее к данному примеру. Так же по описанным выше последствиям можно увидеть разницу между инфляцией денежного и натурального обмена.

С другой стороны, если не брать во внимание четкое определение инфляции, то можно допустить, что при условии бартера какая-то ее форма все-таки возможна. Есть особый тип предпринимателей – «менялы», они колесят по отдаленным деревням и селам и осуществляют обмен одного товара на другой. Например, в деревне обильный урожай овощей, и «меняла» просто выменивает свой заранее приготовленный товар, на эти самые овощи, а потом продает. И все это происходит точно так же, как и в примере с яблоками и грушами, то есть, если вдруг в деревне неурожай, то и нет смысла что-то разменивать, потому что для того чтобы получить небольшое количество овощей, придется потратить большую часть своего товара, на который в свою очередь были потрачены силы или деньги, а это не выгодно. Инфляция в условиях бартерного обмена невозможна по описанным выше причинам.

3. Инфляционные процессы в экономике некоторых стран мира. При темпах роста цен, превышающих умеренную инфляцию, теряется смысл хранить деньги. Единственным разумным решением в такой ситуации является потратить деньги прежде, чем их стоимость сократится наполовину за месяц (неделю, день). Попытка каждого потратить деньги как можно быстрее будет ускорять инфляцию. К сожалению, подобное довольно часто происходит, и, в частности, происходит и в российской экономике.

Известно, что инфляция развивается согласно геометрической прогрессии, то есть в основе развития данного экономического явления, называемого иначе ростом цен, находятся т.н. «цепные» темпы прироста цен. Рост цен происходит вследствие увеличения денежной массы в обращении, увеличения инфляционных ожиданий потребителей, которые стремятся как можно скорее потратить стремительно обесценивающиеся денежные средства. В результате происходит довольно быстрое обесценивание денежных знаков, которые, сохраняя свою номинальную стоимость, теряют свою реальную стоимость, то есть на постоянно обесценивающиеся денежные средства можно купить уже значительно меньшее количество товаров и услуг.

По этой причине инфляция является серьезным препятствием для развития любой национальной экономики и экономического роста.

Антиинфляционная политика в России. С инфляцией ведут борьбу, иногда успешную, иногда безуспешную, центральные банки всех стран мира, в том числе и Банк России, который успешно применяет политику таргетирования инфляции и проводит денежно-кредитную политику «дорогих денег» (рестрикционного, иначе - ограничительного типа).

Показатели по российской инфляции. Проводимая в настоящее время Банком России система антиинфляционных мероприятий включает снижение ключевой ставки, которая с 28.10.2019 составляет 6,5%, сдерживание эмиссии или выпуска денежных знаков в обращение, продажу государственных ценных бумаг, в том числе облигаций Банка России (ОБР) и облигаций федерального займа (ОФЗ).

Таким образом, в России мы имеем следующие показатели по инфляции.

Цель по инфляции – 4,0%. Инфляция на ноябрь 2019 года — 3,5% [25].

Цель отечественного центробанка по инфляции на 2019 год, равная 4,0%, сохраняется вот уже несколько последних лет. Цель по инфляции устанавливается для показателя инфляции, отражающего темп прироста потребительских цен к соответствующему месяцу предыдущего года.

Инфляция в октябре 2019 года (в годовом исчислении) — 3,77%, в ноябре 2019 года — 3,5%. Этот показатель инфляции отражает темп прироста потребительских цен к соответствующему месяцу предыдущего года (источник: Федеральная служба государственной статистики).

Возможно, что при ключевой ставке центрального банка в 6,5% (см. рис. 1), установленной с 28.10.2019 года [25], у центрального банка получится достигнуть целевой годовой показатель по инфляции в 4 процента в России.

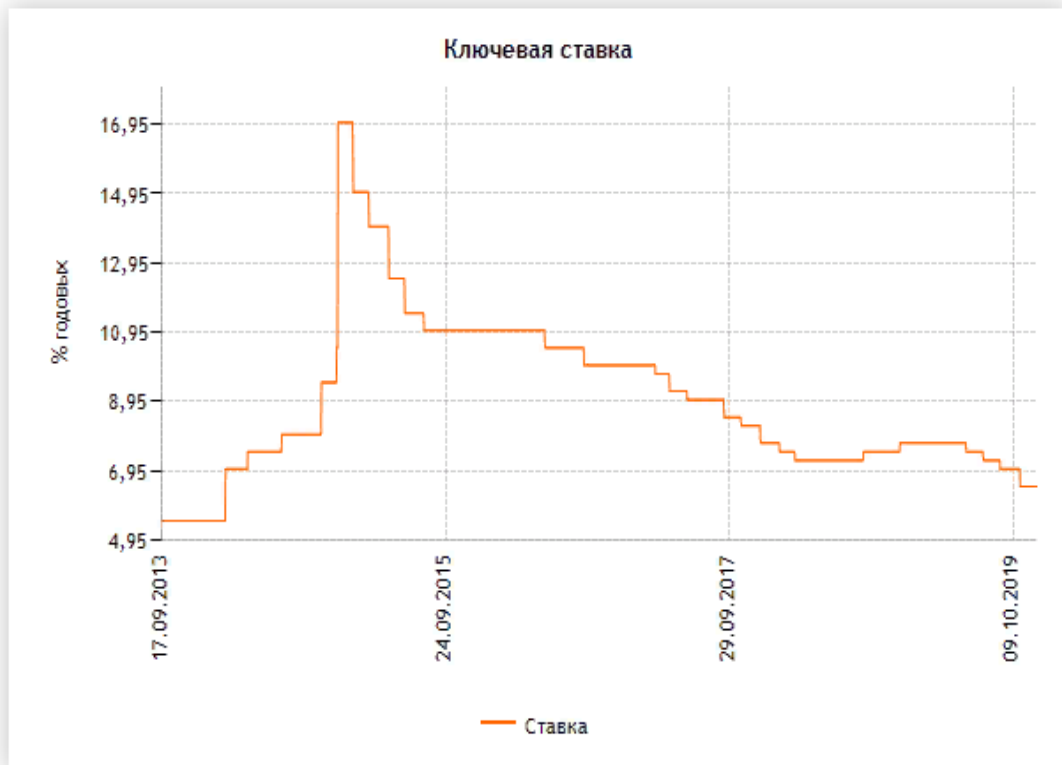

Рис. 2. Динамика инфляции в России [9, 10].

На текущий момент в системе мировой экономики Венесуэла имеет самую высокую инфляцию в мире. По данным «Trading Economics», Венесуэла занимает первое место по уровню инфляции среди стран мира. На втором месте находится Судан, на третьем месте — Северная Корея [8, 28].

Федеральная резервная система США использует данные базовой инфляции, которые исключают нестабильные отрасли, такие как цены на продовольствие и энергию. Внешние факторы могут влиять на цены на эти виды товаров, что не обязательно отражает общий уровень инфляции. Удаление этих отраслей из данных по инфляции приводит к гораздо более точной картине состояния инфляции.

4. Опасности инфляции для экономики. Здесь мы попытаемся ответить на вопрос, чем же опасна инфляция. Если государство выпустит слишком много денег, цены начнут расти, то, во-первых, деньги, получается, выполняют свои функции слишком плохо. В момент инфляции, а особенно гиперинфляции, деньги обесцениваются, они никому не нужны, их перестают принимать в качестве средства обращения. То есть деньги не выполняют свою главную задачу — быть средством обращения. Кроме того, даже если нет гиперинфляции, а просто сильная инфляция в стране, цены всё время растут, как это было в России в 1990-е годы.

Соответственно, ценники нужно всё время переписывать, прайс-листы нужно всё время перепечатывать, меню нужно всё время переписывать, ну, может быть, не так часто, как в Германии после Первой мировой войны, но всё равно нужно. Соответственно, продавцы несут дополнительные неудобства, и все эти неудобства экономисты называют «издержками меню», потому что всё время «меню» нужно перепечатывать, а также каталоги, прайс-листы и т.д. [6].

Кстати говоря, поэтому в 1990-е годы у нас в России очень часто, хотя это и было официально запрещено, многие цены указывали не в рублях, а в условных единицах (у.е.). Под такой условной единицей (у.е.) понимался, прежде всего, доллар, потому что цены в долларах были более стабильными, и, соответственно, прайс-листы не было необходимости так часто перепечатывать. И то же самое со средством обращения: во многих странах с сильной инфляцией американский доллар принимают более охотно, чем собственную

родную валюту. То есть получается, что роль средства обращения начинает выполнять какая-то другая валюта.

Далее, в условиях сильной инфляции, если мы храним свои деньги, допустим, просто в кошельке, они обесцениваются каждый день по мере того, как цены растут. И поэтому, чтобы защититься от инфляции, люди начинают что-то с этими деньгами предпринимать. Допустим, из рублей уходят в доллары, меняют свою национальную валюту на иностранную с тем, чтобы защититься от инфляции, или несут деньги в банк, или покупают на деньги золото или другие финансовые активы. То есть всё время приходится бегать в обменный пункт и менять рубли и доллары, условно говоря, «стаптывать башмаки». И поэтому такие неудобства, которые несут все экономические агенты в экономике, экономисты называют «издержками стоптанных башмаков» [7].

При инфляции, чтобы защититься, люди переводят свои накопления в доллары, в золото, куда-то ещё, а так как доллары, золото или другие активы обладают низкой ликвидностью, приходится бегать в обменный пункт и «стаптывать башмаки». Это — первое наиболее очевидное неудобство, связанное практически с любой инфляцией.

Второе неприятное свойство инфляции состоит в том, что многие группы населения очень сильно страдают от роста цен в стране. Это, прежде всего, пенсионеры, бюджетники и другие люди, получающие номинальные доходы, которые редко индексируются. Если, допустим, пенсии индексируются раз в полгода, предположим, а цены в стране всё время растут, то несчастные пенсионеры на свои те же самые номинальные пенсии могут купить всё меньше, и меньше, и меньше, и от инфляции они сильно страдают. В России, конечно, индексация пенсий проводится чаще, но, тем не менее, это также происходит не каждый день, не каждую неделю, и поэтому всё равно какие-то потери от инфляции есть. Чем реже проводится индексация, тем сильнее данная категория людей страдает от инфляции. Кстати говоря, зарплаты преподавателям тоже индексируют достаточно редко. На следующий 2018 год в России запланирована индексация бюджетникам в размере 1,04 раза от текущих официальных доходов в форме заработной платы [8].

Следующая опасная проблема. Если у нас в стране растут цены, то вместе с изменением темпов инфляции изменяются реальные процентные ставки, изменяются параметры доходности инвестиционных проектов. Соответственно, в стране с инфляцией, особенно, если эта инфляция непредсказуемо меняется, очень трудно понять, сколько мы зарабатываем, на какую инфляцию нам нужно «заложиться». Соответственно, риск инвестиций в данную страну возрастает, и многие инвесторы, скажем, иностранные предпочитают вкладывать свои деньги в какую-то другую экономику. И не только иностранные, но и даже отечественные инвесторы.

Далее, при регулярном повышении цен исчезает их, так называемая, информационная функция. В нормальной экономике без сильной инфляции повышение цен указывает производителям, что данный товар пользуется спросом, его необходимо производить, этот спрос необходимо удовлетворять. Но если в экономике инфляция, если у нас изменяется соотношение цен, если в экономике все цены растут, то производители будут дезориентированы, они не понимают, какие товары производить, какие товары пользуются повышенным спросом, потому что вот растут цены на всё.

Следующая проблема с высокой инфляцией — это проблема искажения налоговой системы. Приведем конкретный пример. Допустим, в экономике действует прогрессивная шкала налогообложения. Это означает, что, допустим, если ваш доход меньше ста тысяч, вы платите налоги по ставке 20%, если ваши доходы превышают 100 тыс. руб., вы начинаете с вот этих дополнительных доходов платить уже налог по ставке, допустим, 30% [9]. И, предположим, произошла сильная инфляция: выросли цены, работодатель вам проиндексировал доходы. Допустим, в два раза выросли цены, и в два раза выросла заработная плата. В реальном выражении получается, что мы получаем столько же, но с точки зрения налоговой системы мы перешли рубеж в 100 тыс. и начинаем платить налоги по более высокой ставке, хотя и не стали богаче: в реальном выражении наши доходы не

изменились, а налог с нас взимают как с богатого. То есть происходят серьёзные искажения в налоговой системе. Наконец, если инфляция становится слишком сильной и достигает уже уровня гиперинфляции, то при этом может вообще исчезнуть вся денежная система и в целом вся финансовая система. В данном случае гиперинфляция — это просто пожар, который «выжигает» всю финансовую систему страны. А без финансовой системы страна нормально существовать и развиваться не может.

Обратим внимание, что для экономики опасна не только инфляция, но и дефляция [10]. Когда цены в экономике снижаются, это тоже может иметь множество негативных последствий. Казалось бы, что плохого для людей, если всё становится дешевле. Но это только для отдельных людей, а для экономики в целом это может выглядеть совсем по-другому.

Во-первых, если с каждым днем цены снижаются, то покупатели будут откладывать свои покупки: зачем покупать сейчас, если с каждым днём становится дешевле. Люди больше сберегают. Из нашего кругооборота доходов увеличиваются «утечки». И, соответственно, снижается уровень экономической активности. Снижается уровень экономической активности — в результате этого цены начинают снижаться ещё сильнее. Цены начинают снижаться ещё сильнее — люди тратят ещё меньше денег. И получается такая дефляционная спираль, такой замкнутый порочный круг.

Дополнительная проблема есть и у производителей. Если производитель производит какой-то товар, для этого ему нужно сначала купить сырьё, какое-то время занимает производство, потом готовую продукцию предприятие продаёт. Сырьё закупается при более высоком уровне цен, — пока идёт производство, уровень цен успевает снизиться. И, соответственно, предприятие теряет часть своей рентабельности, которая и так может быть в условиях спада не очень высокой, в условиях дефляции. И это ещё больше осложняет положение производителей в реальном секторе экономики. При дефляции, если номинальная зарплата осталась той же самой, реальная зарплата становится выше. Понятно, что работники этому будут рады, но этому будут не рады работодатели. И работодатели могут в результате просто разориться, или для того чтобы избежать разорения, они начнут работников увольнять, и это спровоцирует увеличение и рост безработицы.

Следующая проблема с дефляцией связана с тем, что при дефляции у нас реальные ставки процента становятся высокими, что можно продемонстрировать в виде следующего числового примера. Допустим, номинальная ставка 0%, казалось бы, и при этом в экономике есть дефляция, цены снижаются, темп инфляции отрицательный, минус 5%. Если мы вспомним формулу Фишера, которая связывает реальную и номинальную процентные ставки, и по упрощённой формуле Фишера посчитаем реальную ставку. У нас получается, что номинальная ставка ноль, а реальная ставка плюс пять за счёт дефляции. То есть получается, при дефляции реальные ставки растут, и это сокращает желание занимать деньги, опять же осуществлять какие-то инвестиционные расходы и тоже дестимулирует экономическую активность. С дефляцией центральному банку бороться даже сложнее, чем с инфляцией [11].

Монетаризм как популярная сегодня экономическая теория заключает, что инфляция напрямую связана с объемом денег в экономике. В мировой истории были такие случаи, и их предостаточно. Например, после испанского завоевания империй ацтеков и инков огромное количество золота и особенно серебра влилось в испанскую и другие европейские экономики. Поскольку денежная масса стремительно увеличилась, цены выросли, а стоимость денег упала, что способствовало экономическому краху в этих странах и историческому явлению, известному под названием «революция цен».

Рис. 3. Факторы, следствия и виды инфляции [12].

5. Антиинфляционная политика государства. Антиинфляционная политика государства обычно рассматривается как система антиинфляционных мер и управление инфляцией. Главными средствами (методами) борьбы с инфляцией являются либо проведение денежной реформы различных типов и разновидностей (нуллификация, девальвация, ревальвация, деноминация), либо проведение антиинфляционной политики. Антиинфляционная политика в свою очередь подразделяется на дефляционную политику (против инфляции спроса), использующую бюджетные и налоговые инструменты, а также денежно-кредитные инструменты (пересмотр процентной ставки, регулирование нормы обязательных резервов, операции с государственными облигациями) и политику доходов (против инфляции издержек).

Инфляция обычно измеряется с точки зрения изменения индекса потребительских цен (ИПЦ). Этот индекс специально отслеживает цены корзины основных товаров и услуг с течением времени. С другой стороны, этот инструмент измеряет «реальный», то есть, скорректирован на инфляционную стоимость заработка с течением времени. Важно отметить, что компоненты ИПЦ не меняются в цене с одинаковыми ставками или даже обязательно движутся в одном направлении. Например, цены на среднее образование и жилье растут гораздо быстрее, чем цены на другие товары и услуги; Между тем цены на топливо поднялись, упали, снова поднялись и снова упали - каждый раз очень резко - за последние десять лет.

Инфляция является одной из основных причин, по которой люди инвестируют в первую очередь. Так же, как пакет жевательной резинки, стоимость которого равна 1 доллару, а через год он будет стоить уже 1,02 долл. США, при условии 2%-ой инфляции, то сберегательный счет, который стоит 1000 долл. США, будет стоить 903,92 долл. США через 5 лет и 817,07 долл. США через 10 лет, если предположить, что вы не получаете никакого процента к своему депозиту [13]. Складирование и наполнение наличных денег в матрасе или покупка такого материального актива, как золото, может иметь смысл для людей, которые живут в нестабильной экономике или у которых нет законных средств правовой защиты. Тем не менее, для тех, кто может верить, что их деньги будут достаточно безопасными, если они сделают разумные инвестиции в акционерный капитал или облигации, возможно, это путь.

Конечно, есть риск: эмитенты облигаций могут по умолчанию, а компании, выпускающие акции, могут пойти. По этой причине важно провести солидные исследования и создать разнообразный портфель. Но для того, чтобы держать инфляцию неуклонно грызшей на ваши деньги, важно инвестировать ее в активы, которые можно разумно ожидать с большей доходностью, чем инфляция. Для управления инфляцией в мире были предложены и использованы различные экономические методы и даже государственная политика. Наиболее ярким примером такой политики является денежно-кредитная, или

монетарная, политика центральных банков. Именно эту денежную политику и используют правительства и центробанки различных стран, чтобы вести свою борьбу с инфляцией [15, 16].

Фискальная политика. Фискальная политика — это изменение государственных расходов, это изменение налоговой нагрузки, а это все параметры государственного бюджета, а государственный бюджет — это закон, который принимается законодательным собранием. Соответственно, если в этом законе мы хотим что-то поменять, увеличить, допустим, расходную часть, то мы должны получить одобрение парламентариев. Соответственно, это требует времени, это требует вот каких-то прямых явных мер. Такую политику называют дискреционной. Автоматическая фискальная политика не требует прямого одобрительного решения, она, как следует из названия, осуществляется автоматически и основана на действии так называемых автоматических стабилизаторов.

У фискальной политики есть очень много отрицательных, побочных эффектов. Если мы хотим стимулировать экономическое развитие, увеличивая госрасходы, увеличивая, допустим, закупки, пенсии, снижая налоги, то эта мера может быть достаточно замедленной, это приведет к проблеме в государственных финансах, это может породить какие-то очень долгосрочные проблемы в будущем, это может вызвать эффект вытеснения, который сведет на нет весь стимулирующий эффект. И, исходя вот из всех этих соображений, у нас до последнего времени более популярный был другой инструмент государственного стимулирования экономики, а именно — монетарная политика. Она оперативнее, она не порождает проблем с финансами, она не вызывает эффекта вытеснения.

Станным образом, но во время последнего мирового кризиса в 2007-2009 гг. оказалось, что все-таки воздействия одной только денежной (монетарной) политики недостаточно, и про фискальную стимулирующую политику вновь вспомнили и вновь начали ее применять. Хотя чрезмерная инфляция и гиперинфляция имеют негативные экономические последствия, негативные последствия дефляции для экономики могут быть столь же плохими или худшими.

Следовательно, политики с конца XX века пытались сохранить инфляцию стабильно на уровне 2% в год. Европейский центральный банк также проводил агрессивное количественное смягчение для противодействия дефляции в еврозоне, и в некоторых местах наблюдались отрицательные процентные ставки из-за опасений, что дефляция может укрепиться на территории валютной еврозоны и привести к экономической стагнации. Обычно те страны, экономики которых быстро растут, то есть имеют более высокие темпы экономического роста, чем у других стран, способны нейтрализовать традиционно присущие их экономикам высокие темпы инфляции. К таким странам, например, можно отнести Китай. Другие развивающиеся страны мира, например, Бразилия, Индия, Россия имеют целевой ориентир по инфляции на уровне 4-4,5%. Этот ориентир и служит таргетом (то есть целью) для антиинфляционной политики в названных странах.

Заключение. Итак, инфляция — это повышение общего уровня цен на товары и услуги на длительный срок. В России также периодически происходит скачок валютного курса. Доллар, евро по отношению к рублю резко дорожают, и это закономерно приводит к скачку инфляции. После последнего изменения курса валют подорожали импортные продукты питания, подорожала импортная бытовая техника. Например, компания «Apple» подняла цены сразу на 25% (подорожали «айфоны»), и, конечно же, это тоже связано с изменением курса доллара к рублю.

Таким образом, получается, что на потребительскую инфляцию могут влиять самые разные факторы: сезонные факторы, изменение тарифов, изменение обменного курса. Некоторые факторы действуют постоянно, поэтому статистики считают так называемый базовый индекс потребительских цен и при его расчете убирают цены на все товары и услуги, которые подвержены, допустим, каким-то сезонным колебаниям, как плодоовощная продукция, или которые подвержены административному регулированию, как, допустим, тарифы на жилищно-коммунальные услуги или цены на топливо, или какие-то другие

товары и услуги, динамика которых содержит, допустим, какие-то сезонные колебания. И когда мы убираем все эти периодически колеблющиеся цены, то у нас получается базовый индекс потребительских цен, который ведет себя более устойчиво. Практически любое статистическое ведомство может предоставить нам информацию о различных индексах цен в разных форматах: в базисном формате и в цепном формате.

Инфляция оказывает своё тормозящее влияние на темпы развития экономики, в том числе через механизм инфляционных ожиданий. Этот механизм действует и через поведение субъектов экономики, стремящихся создавать запасы, и через механизм цен, когда заранее повышаются цены, и через изменения в денежно-кредитной политике центрального банка. Все эти изменения оказывают свое влияние на разделение последствий проводимой государством политики между инфляцией и безработицей. Таким образом, это получается ещё одна очень интересная макроэкономическая взаимосвязь, которая, впрочем, заслуживает отдельного и самостоятельного разговора, вне рамок проведенного нами теоретического исследования.

Библиографический список

1. **Алферова, Л.А.** Экономика / Л.А. Алферова, Н.С. Мезенцева. - Томск: Томский межвузовский центр дистанционного образования, 2014. 156 с.
2. **Воронцов Д.Ф.** Государственная политика: понятие, виды, соответствие праву и справедливости как элемент решения проблем современной экономики // Актуальные проблемы российского права. 2011. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-ponyatie-vidy-sootvetstvie-pravu-i-spravedlivosti-kak-element-resheniya-problem-sovremennoy-ekonomiki> (дата обращения: 9.12.2019)
3. **Гаджиев Г.А.** Экономическая конституция. Конституционные гарантии свободы предпринимательской (экономической) деятельности // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2009. № 1 (16).
4. **Ершов Б.А., Золотухин Н.Н., Федоров А.А.** Формирование и регулирование налоговой политики в России // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2019. № 3. С. 151-156.
5. **Ефанова Л.Д., Шмуклер С.А.** Особенности инфляции в России // Вестник ГУУ. 2019. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-inflyatsii-v-rossii-3> (дата обращения: 09.12.2019).
6. **Захаров А.В.** Модернизация и внешняя политика правового государства с позиций конституционной экономики // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / предисл. В.В. Миронова, Ю.Н. Солонина. М., 2010.
7. Инфляция // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.investopedia.com/terms/i/inflation.asp> (дата обращения: 9.12.2019)
8. Инфляция в Венесуэле по итогам 2018 года составила почти 1,7 млн. процентов // [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/832243/2019-01-09/inflatciia-v-venesuele-po-itogam-2018-goda-sostavila-pochti-17-mln-protcentov> (дата обращения: 9.12.2019)
9. Инфляция в России // URL: <https://уровень-инфляции.рф> (дата обращения: 9.12.2019)
10. Инфляция в России по годам // <http://kurs-dollar-euro.ru/inflation-russia.html> (дата обращения: 9.12.2019)
11. **Катаранова М.** Связь между обменным курсом и инфляцией в России / М. Катаранова // Вопросы экономики. 2010. №1.
12. **Киселева П.С.** Особенности антиинфляционной политики России // Journal of new economy. 2016. №6 (68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-antiinflyatsionnoy-politiki-rossii> (дата обращения: 09.12.2019).
13. **Кондратов Д.** Таргетирование инфляции: практика ЕС и перспективы России / Д. Кондратов // Экономист. 2011. №3.

14. **Красавина Л.Н.** Актуальные проблемы инфляции и ее регулирования в России: системный подход / Л. Н. Красавина // Деньги и кредит. 2011. №3.
15. **Милушев Д.Ф.** Пределы вмешательства государства в экономику: теоретико-правовой аспект // Вестник Поволжского института управления. 2011. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predely-vmeshatelstva-gosudarstva-v-ekonomiku-teoretiko-pravovo-asppekt> (дата обращения: 9.12.2019)
16. **Моисеев В.** Девальвация рубля: потери и выгоды / В. Моисеев // Человек и труд. - 2009. - №5.
17. **Моисеев В.** О социальных последствиях инфляции / В. Моисеев // Человек и труд. 2009. №12.
18. **Мокина Л.С., Никитина Э.Г.** Необходимость государственного регулирования экономики // Вестник Самарского государственного университета. 2015. №2 (124). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neobhodimost-gosudarstvennogo-regulirovaniya-ekonomiki> (дата обращения: 9.12.2019)
19. Новая России - Государственное регулирование экономики (Библиография). URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/biblio/newrus/govreg.ssi> (дата обращения: 9.12.2019)
20. **Осадчая И.** Инфляция: причины и способы противодействия / И. Осадчая // Человек и труд. 2008. №4.
21. **Павлюк А.В.** Государственное регулирование экономики Российской Федерации в условиях экономических санкций // 25 лет внешней политики России: сб. материалов X Конвента РАМИ (Москва, 8-9 декабря 2016 г.). В 5 т. Т.2: Россия и современный мир: политика и безопасность. В 2 ч. Ч.2 / под общ. ред. А.В. Мальгина; [науч. ред.: А.А. Великая и др.]; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Рос. ассоциация междунар. исследований (РАМИ). - Москва: МГИМО Университет, 2017. С. 496-508. URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/fe0/PavlyukAV_Article.doc.pdf (дата обращения: 9.12.2019)
22. **Плышевский Б.П.** Влияние инфляции на динамику ВВП в текущих ценах / Б. П. Плышевский // Вопросы статистики. 2010. №8.
23. **Пол А. Самуэльсон, Вильям Д. Нордхаус.** Экономика. 19-е издание. [Economics. The 19th Edition]. / Перевод. О. Пелявский. - М.: Издательство Вильямс, 2015. - 1360 с.
24. **Сапарбаев М.М.** Роль государственного регулирования экономики на пути к благосостоянию экономики // Физическая культура, спорт - наука и практика. 2010. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-gosudarstvennogo-regulirovaniya-ekonomiki-na-puti-k-blagosostoyaniyu-ekonomiki> (дата обращения: 9.12.2019)
25. Центральный банк Российской Федерации // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cbr.ru/> (дата обращения: 9.12.2019)
26. **Шварева Н.В.** Об инфляции и инфляционных факторах в январе-сентябре 2003 г. // URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/18120443/> (дата обращения: 9.12.2019)
27. **Ясин Е.** Включился механизм торможения модернизации // Известия. 2006. Апрель.
28. **Catherine Romero López.** Inflación acumulada en Venezuela alcanzó el 536,2% en lo que va de 2017 según Asamblea Nacional. 6 octubre 2017. // <http://efectococuyo.com/economia/inflacion-acumulada-en-venezuela-alcanzo-el-5362-en-lo-que-va-de-2017-segun-asamblea-nacional> (дата обращения: 9.12.2019)

УКД 322.172.3

*Елецкий государственный университет
Кандидат политических наук, доцент кафедры
туризма и гостиничного дела
В. А. Матвиенко
Россия, г. Елец, 7 (47467)65971
e-mail: vamatv@mail.ru*

*Yelets state University
PhD in political Sciences, associate Professor of tourism
and hospitality chair
V. A. Matvienko
Russia, Yelets, tel. 7 (47467)65971
e-mail.ru: vamatv@mail.ru*

В.А. Матвиенко

**РОЛЬ РЕЛИГИИ И ЛОКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ
В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ РЕГИОНА**

В статье рассмотрена роль религии и культурно-образовательной среды в обеспечении политической стабильности российских регионов. В настоящее время религия является одной из существенных составляющих политической системы общества. Используя собственный многовековой опыт, вступая во взаимодействие с различными его институтами, религия участвует в поддержании политической стабильности.

Ключевые слова: политическая стабильность, религия, концепт, регион, культурно-образовательная среда.

V.A. Matvienko

**THE ROLE OF RELIGION AND LOCAL CULTURAL AND EDUCATIONAL
ENVIRONMENT IN ENSURING THE POLITICAL STABILITY OF THE REGION**

The article considers the problem of participation of religion and cultural and educational environment in ensuring political stability of Russian regions. At present, religion is one of the essential components of the political system of society. Using its own centuries-old experience, entering into interaction with its various institutions, religion participates in maintaining political stability.

Key words: political stability, religion, concept, region, cultural and educational environment.

Проблема обеспечения политической стабильности российского государства продолжает оставаться одной из наиболее обсуждаемых как в научных академических кругах, так и среди государственных деятелей, политического истеблишмента, представителей общественности. Термин «политическая стабильность» появился в английской и американской политологии, где использовался для анализа изменений политической системы, поисков оптимальных механизмов ее функционирования. В политической науке понятие «политическая стабильность» обозначает, во-первых, состояние политической системы, характеризующееся наличием необходимых условий и факторов, обеспечивающих сохранение обществом своей идентичности, гражданского мира и согласия [9]; во-вторых, определенный результат и условия поступательного развития [4.С.82], и, в-третьих, одно из объективных качественных состояний государства и общества [6.С.59]. Поэтому в современной России, и в научном, и в общественно-политическом дискурсах практически как аксиома воспринимается заявление президента Российской Федерации В. В. Путина о том, что «обязательное, неперемное условие развития - это стабильность» [8].

Значительное количество ученых и политиков для достижения политической стабильности современного российского государства считает необходимым условием ликвидацию или сведение на нет следующего комплекса негативных противоречий:

- социально-экономические противоречия, радикальное разделение общества на бедных и богатых, при отсутствии мощной прослойки сформированного среднего класса (*возможный вариант решения* - результативная социальная политика государства);
- нарастание и углубление национальных, этнических, межконфессиональных конфликтов (*вариант решения* - единого варианта нет, *можно допустить* только комплексный подход к каждой, отдельно взятой ситуации);
- наличие долговременных, неразрешенных в прошлом противоречий, «негражданского характера»: терроризм, загрязнение окружающей среды, преступность, распространённость СПИДа, стихийные бедствия, крушение самолетов, автомобильные аварии и т. п. (*возможный вариант решения* - также единого варианта нет, приемлем только комплексный подход к каждой отдельно взятой ситуации);
- деидеологизация массового сознания (*возможный вариант решения* - формирование современной государственной идеологии, учитывающей культурную и историческую специфику нашей страны);
- трансформация политической ментальности (*возможный вариант решения* - укрепление авторитета государственной власти);
- дуализм интересов личности и государства (*возможный вариант решения* - внутренняя и внешняя политика должна быть направлена не только на предотвращение угроз, но и на осуществление комплекса мер по укреплению и развитию прав и свобод личности, материальных и духовных ценностей общества, конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности государства);
- потеря веры в государство (*возможный вариант решения* - наличие широко развитой системы институтов гражданского общества с поддержанием в нем разумного баланса «сильной руки»).

При всей востребованности политической стабильности для современного российского государства, нужно со всей ответственностью осознавать, что абсолютная политическая стабильность на практике, во-первых, сложно достижима; во-вторых, просто опасна для эволюции политической системы общества, так как может привести к полной неподвижности политической системы. Собственно, абсолютная политическая стабильность может нанести большой вред развитию государства и общества. Наиболее ярким примером в полной мере иллюстрирующим данную ситуацию является СССР, государство, в котором в течение длительного времени не происходило никаких перемен ни в политике, ни в экономике, ни в системе государственного управления, что, в конечном счете, привело к отставанию от развитых стран, а затем и к краху.

Политическая стабильность в практическом плане обусловлена множеством факторов: соотношением политических сил в обществе, характером политического режима, способами реализации власти, уровнями легитимности, характеристиками политической элиты, особенностями поддержания политической стабильности в регионах Российской Федерации.

В этих условиях перед научным сообществом России стоит очень важная задача, заключающаяся в выработке новых, актуальных для современной реальности, принципов поддержания политической стабильности. Особое значение в этом контексте отводится религиозному фактору. Роль и значение религии в общественно-политических процессах большинства современных стран по-прежнему неуклонно возрастает. Этому в полной мере способствуют «масштабные события как разрушительные, так и созидательные», к которым мы относим не только «многочисленные революции и войны, но и достижения в самых разных сферах человеческой деятельности: от освоения космоса до создания выдающихся произведений искусства» [2.С.83]. Религия в настоящее время - это и значимый социальный институт, и в тоже время важная часть гражданского общества. Религия проецирует на общество сложившиеся системы социальных норм и предписаний, ритуалов и верований, социальных ролей и стандартов поведения. Тем самым религия играет решающую роль при

конструировании человеком социальной реальности, напрямую или чаще опосредованно участвуя в образовании, воспитании и развитии этого общества.

Сам термин «концепт» (от лат. *conceptus* - «мысль», «понятие») является междисциплинарным или, по определению Е. С. Кубряковой, «зонтиковым»: «покрывает» предметные области нескольких научных направлений, занимающихся проблемами мышления и познания, хранения и переработки информации [5.С.45]. А большое количество работ, посвященных этому понятию, как теоретического плана, так и описательного, делает излишним рассмотрение проблем, связанных с определением концепта как теоретического понятия [1.С.84]. Исследователь Е. В. Сергеева под концептом понимает «информационную целостность, присутствующую в языковом сознании, воспринимаемую языковой личностью как инвариантное значение ассоциативно-семантического поля и прошедшую означивание, то есть имеющую имя, представленное лексической единицей данного языка» [11.С.151].

Что касается концепта «религия», то в отношении его сложилось множество противоположных взглядов и точек зрения на определение смысла и номинального значения этого явления, как в научных кругах, так и среди общественности и простых обывателей. И так уж сложилось, что именно этот концепт, в отличие от других подобных, является концептом «интеллектуальным», требующим для себя наличия высокого уровня абстрактного мышления в сочетании с определенной начитанностью, «книжностью» и в тоже время с обязательным стремлением ко всему новому, неизвестному.

Построение содержания концепта «религия», безусловно, имеет свою специфику, которая зависит:

- от того, на основе какой религии этот концепт формируется (древние, национальные, мировые, надконфессиональные, синкретические и т. п.),
- от того, кто собственно этот концепт формирует (конфессиональная принадлежность, наличие религиозного или нерелигиозного мировоззрения),
- от типа взаимодействия в определенном пространстве языка, религии и культуры.

В этой связи исследование концепта «религия» в рамках данной статьи сопряжено с изучением образовательного регионального пространства (региональный принцип исследования). При анализе концепта «религия» как важного элемента гражданского общества и социального института, должен быть учтён ряд весьма важных моментов.

Во-первых, религия, прежде всего, - это социокультурное явление, занимающее особое место в обществе, связанное с политикой, культурой, экономикой и многими другими сферами жизни. Впрочем, вполне можно рассматривать и «... движение истории как продолжение Священного Писания» [3.С.26].

Во-вторых, не следует забывать об имевшемся в нашей стране в недавнем прошлом негативном, пренебрежительном отношении к ней, оценка ее даже с отрицательной стороны.

В-третьих, построение исследовательского алгоритма необходимо строить на сравнении религии с другими институтами общества, а не на противопоставлении.

В-четвертых, изучение концепта «религия» следует реализовывать, рассматривая установки, интересы, потребности, ценностные ориентации верующих и неверующих людей.

В современном российском обществе религия выполняет ряд функций: значения или смыслополагания; принадлежности или идентификации; социальной интеграции и стабильности; сакрализации культурных ценностей, главным образом этических. Эти функции обращены как к личности, так и к обществу и тесно связаны с образовательным пространством региона, играя в нем достаточно важную роль.

В рамках данной статьи наряду с концептом «религия» детальному анализу подвергается и понятие «образовательное пространство региона», причем исследование проводится во взаимодействии. Это понятие в научную педагогическую лексику было добавлено в конце XX века и позже включено в Закон РФ «Об образовании». В наше время понятие «образовательное пространство» имеет множество значений и трактовок. Это, и:

- «многокомпонентная многоуровневая система, включающая помимо школ, вузов, научных центров и т. п., ещё и специфические условия... определяющие характер педагогических процессов» [12.С.68];

- условное обозначение региона Российской Федерации, в котором достигнут единый образовательный стандарт [10.С.52];

- это не вместилище всего сущего, но его пространственно-временная связь, прежде всего людей, помогающая непосредственным участникам обучения открывать смыслы образования и осуществлять их [7.С.24].

Все перечисленные трактовки понятия «образовательное пространство» говорят о том, что в современных сложных социокультурных условиях говорить о каком-то едином, общем его осмыслении ещё преждевременно.

Ещё один термин, который, на наш взгляд, может и должен рассматриваться в контексте исследования обозначенной в данной статье научной проблемы, заслуживающий особо пристального внимания – «образовательная среда» или «культурно-образовательная среда».

Большинство современных трактовок термина «культурно-образовательная среда» основываются на религиозно-философском учении П. Флоренского, который аутентифицировал культуру со средой, которая растит и питает личность. В этом контексте культурно-образовательная среда понимается:

- «...носитель богатой, разнообразной, в том числе противоречивой информации, воздействующей на разум, чувства, эмоции, веру индивида...» (Е. П. Белозерцев),

- «...множество микросред, обеспечивающих культурное воспроизводство, различающихся как по количеству составляющих, так и их сочетаемости в зависимости от средового субъекта...» (И. Б. Стояновская) [13.С.85],

- «...совокупность институциональных (система образования, досуга) социальных и духовных факторов и условий, непосредственно окружающих ребенка в процессе его обучения» (Е. М. Фридман).

Кроме того, термин «культурно-образовательная среда» в любом исследовательском контексте помогает более детально воспринимать и анализировать реальные процессы, которые протекают на конкретной территории и в конкретных условиях.

Религия может взаимодействовать с локальной культурно-образовательной средой региона в следующих формах:

- как учебный предмет (предметная область, надпредметная тема и др.);

- в качестве единого ценностного ориентира (основания, идеала, смысла) воспитания и социализации обучающегося;

- в качестве социального института (религиозного объединения), непосредственно участвующего в формировании социального заказа и регулировании его выполнения образовательным учреждением.

Применительно к анализу роли и места концепта «религия» в региональном образовательном пространстве сконцентрировать внимание на ряде значимых моментов.

Момент первый. Закономерный результат любого образовательного процесса - знание, в форме которого обучающиеся осваивают религию или религиозную культуру, включает в себе, в первую очередь, мировоззренческий компонент и ставит целью, прежде всего, социализирующие воздействие. Это воздействие осуществляется не только и не сколько через передачу знания как такового, но и через интерференцию на ценностные и смыслодержателе ориентации личности.

Момент второй. Преподавание религиозно - или конфессионально-ориентированных дисциплин в образовательных учреждениях разного уровня (см. рис.1) представляет собой не только процесс передачи знаний о религиозной культуре в «образовательное пространство региона»; соответственно, к факторам, влияющим на образовательный эффект, суммируется

процесс межкультурного, межконфессионального взаимодействия, повышая спонтанность и неопределенность результата образования.

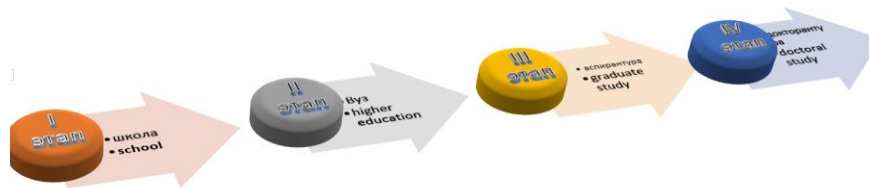

Рис. 1. Процесс передачи знаний о религии

Момент третий. Так как образование - это только один из многих социальных факторов, влияющих на человека, на его поведение, то, соответственно, формируемый смысловой контент концепта «религия» на образовательное пространство региона представляет собой равносодержащее тематическое образовательное знание и сопутствующее социальное знание, полученное из внеобразовательных источников (вне организаций, осуществляющих образовательную деятельность - в форме семейного образования и самообразования) как светских, так и собственно религиозного характера. Не случайно, учитывая все многообразные формы присутствия религии в современном образовании, в международной научной литературе и педагогической практике в качестве наиболее широких обобщающих понятий часто используются выражения «религия в образовании» или «религия и образование». Это, к примеру, прослеживается в названиях многочисленных организаций, исследовательских проектов, справочных изданий и т. д. В настоящее время в мире существует множество различных вариантов включения религии в локальную культурно-образовательную среду региона. Так, в Финляндии реализуется 13 программ эксклюзивного конфессионального образования для каждой религиозной группы, а в канадской провинции Квебек - одна, единая, обязательная для всех школьников, инклюзивная программа неконфессионального изучения религии.

В нашей стране становление отечественной модели религиозного образования в государственной школе приобретает собственную уникальную форму усвоения и переработки международного опыта, предлагая смешанную модель (*mixed model*), включающую в себя элементы конфессиональной и неконфессиональной моделей.

На примере осуществления на практике предметной области «Основ религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ) это наиболее очевидно: конфессиональная модель представлена в четырех курсах (основы православной культуры, основы исламской культуры, основы буддийской культуры, основы иудейской культуры), а неконфессиональная модель представлена двумя курсами (основы культур мировых религий и основы светской этики).

Основными видами религиоведческого образования соответственно выступают:

- изучение религии в высших учебных заведениях в соответствии со стандартами профессионального образования;
- изучение религии в общеобразовательной школе в соответствии со стандартами общего среднего образования.

Анализ существующей в нашей стране типологии религиозного образования (см. рис.2) позволяет выделить ее основополагающие критерии. К ним относятся:

- уровень 1 - назначение образовательной деятельности,
- уровень 2 - отношение к светскости,
- уровень 3 - теоретико-методологические принципы, или образовательная парадигма;
- уровень 4 - модели и методы религиозного образования.

Рис. 2. Типология религиозного образования.

Эти критерии служат основой для оформления концепта «религия» в образовательном пространстве региона, который, в свою очередь, опирается на три ключевые установки.

Первая – имеющийся сложившийся формат многовековых традиций и опыта межнационального, межконфессионального взаимодействия, особенно в регионах со сложной национальной, конфессиональной картиной.

Вторая – нравственная аттрактивность религиозной толерантности, уважения людей разного вероисповедания.

Третья – соблюдение прав человека. Законодательное соблюдение прав верующих и неверующих, «духовная неприкосновенность» является необходимым минимумом при реализации любых конфессионально-ориентированных образовательных программ.

Преподавание в учебных учреждениях разного уровня, конфессионально - ориентированных дисциплин имеет своим результатом (целью) создание в сознании обучающихся комплекса смысловых намерений, частично совпадающих, а иногда не совпадающих с целями образования. Религия в данном контексте создает новые смыслы, ориентированные на поддержание политической стабильности российского государства, иногда даже через стимуляцию социальных конфликтов, побуждать людей к социально-политическим преобразованиям.

Смысловые намерения преподавания конфессионально-ориентированных предметов выражается в тематических коммуникативно-познавательных программах, формируемых в результате образовательной деятельности.

Другой важной составляющей рассматриваемой проблемы представляются современные способы передачи знания и информации о религиозной традиции.

Основные способы передачи тематической информации (каналы трансляции) условно можно подразделить на светские и конфессиональные. К ним относятся: собственно образовательные, или школьные (уроки в школе, учебная литература, консультация с учителем); семейные (общение с родителями, бабушками, другими близкими родственниками); телевидение; миссионерские источники (религиозная литература, религиозные проповеди, теле- и радиопередачи); повседневное общение с верующими; богослужение; научная и научно-популярная литература; печатные СМИ и художественная литература; воскресные школы, катехизаторские курсы; общение со священнослужителями.

Так, к печатным СМИ православной конфессиональной принадлежности следует отнести следующие издания:

- *центральные* - «Журнал Московской Патриархии», «Лампада», информационно-просветительский журнал «Прозрение», детский альманах «Пчелка», газета «Православная Москва», газета «Воскресная школа»;

- *региональные* - «Православная газета» (Екатеринбург), «Православное слово» (Нижний Новгород), «Исцеление Верой» (Краснодар), «Русь Святая» (Липецк), «Благовест» (Рязань) и многие другие.

Образовательная деятельность религиозных организаций находит отражение и в светской прессе, так как на современном этапе, культурно-просветительская деятельность большинства религиозных организаций интегрирована в медиапространство регионов. СМИ выступают в качестве посредника между собственно религиозными организациями и обществом, они формируют общественное мнение в отношении восприятия тенденций. Мониторинг прессы в российских регионах дает ряд показателей (освящение празднования религиозных праздников, религиозное образование, просветительское взаимодействие со светскими учебными учреждениями и т. п.), влияющих на укрепление политической стабильности российских регионов.

Таким образом, проведенное в рамках нашей статьи исследование выявило ряд промежуточных результатов, которые могут стать основой для дальнейшего научного анализа. Во-первых, взаимодействие концепта «религия» и локальной культурно-образовательной среды в деле обеспечения политической стабильности регионов обнаруживает достаточно широкий спектр реальных коммуникативно-познавательных программ, как соответствующих целевой ориентации образовательного процесса (школа, вузы), так и имеющих побочный, спонтанный характер. Во-вторых, стабилизационный и консолидационный потенциал религии, может и должен использоваться параллельно с аналогичными механизмами, имеющимися в распоряжении политических структур, в деле формирования совершенно нового взгляда на политическую стабильность в российских регионах.

Библиографический список

1. Антология концептов. /Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Том 6. Волгоград: Парадигма, 2007. – С. 84.
2. **Атаманова Е.Т.** «Есть женщины в русских селеньях...»: к вопросу о феномене формирования креативной личности в поликультурном пространстве современности (отечественный дискурс) / Е.Т. Атаманова // Развитие креативности личности в современном образовательном пространстве: сб. мат. Межд. науч.-практ. конф. - Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2017. – 153 с. – С.82 – 86.
3. **Атаманова Е.Т.** Новозаветные реминисценции в поэтическом творчестве И. А. Бунина 1910-х годов/ Е.Т. Атаманова //Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2015. № 7 (49): в 2-х ч. Ч. 2. С. 24-27.
4. **Колесников В.А.** Политическая стабильность и строительство новой России/В.А. Колесников// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. - 2013. - № 6 (32): в 2-х ч. Ч. II. - С. 82-87.
5. **Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.** Краткий словарь когнитивных терминов. /Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. Ломоносова, 1996. – С. 45.
6. **Логинов А.В.** Политическая стабильность и перспективы эволюции российской системы власти/ А. В. Логинов // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. - 2009. - №1. - С.59-68
7. **Маланов И.А.** Понятие «Образовательное пространство» как педагогическая категория/ И.А. Маланов //Вестник БГУ. Образование. Личность. Общество. - 2012. - №1. – С. 24.
8. **Путин В.В.:** Стабильность - важнейшее условие развития страны [Электронный ресурс] Режим доступа:

<https://www.rbc.ru/society/20/12/2012/5704014d9a7947fcbd443d48>
<https://www.rbc.ru/society/20/12/2012/5704014d9a7947fcbd443d48>

9. **Семигин Г.Ю.** Стабильность политическая. Новая философская энциклопедия// Электронная библиотека ИФ РАН [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/page/about>

10. **Сенько Ю.В.** Гуманизация образовательной среды в университете / Ю.В. Сенько// Педагогика. – 2001. – № 5. – С. 52.

11. **Сергеева Е.В.** Лексическая экспликация концепта «религия» в русском языке/ Е. В. Сергеева // Политическая лингвистика. - Выпуск (2) 22. - Екатеринбург, 2007. - С. 151-165.

12. Современный образовательный процесс: основные понятия и термины. - М.: Компания Спутник+. М. Ю. Олешков, В. М. Уваров. 2006.

13. **Стояновская И.Б.** Культурно-образовательная среда в контексте решения проблем современной педагогической науки /И. Б. Стояновская //Современные гуманитарные исследования. 2014. - № 4 (59). - С. 85-86.

УДК 327

*Воронежский государственный
технический университет
Кандидат исторических наук, доцент кафедры
философии, социологии и истории
А.В. Погорельский.
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;
e-mail: pogorelsky@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
PHD in History,
Associate Professor of
Philosophy, Sociology and History Chair
A.V. Pogorelsky.
Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;
e-mail: pogorelsky@mail.ru*

A.V. Pogorelsky

ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT OF THE EUROPEAN UNION'S "NEIGHBOURHOOD POLICY"

The article is devoted to the process of formation and implementation of the "neighborhood policy" of the European Union. The enlargement of the European Union has changed its external borders. The emergence of a European "neighborhood policy" was a response to this situation. According to the author, today it is difficult to give an unambiguous assessment of the success of the "neighborhood policy". Undoubtedly, with the help of this program, the EU has managed to significantly expand its economic and political influence on neighboring countries. However, the unwillingness of the European Union to coordinate its actions with strong regional players, such as Russia, led to a sharp deterioration in relations between the EU and Russia and was one of the reasons for the Ukrainian crisis that began in 2014.

Key words: European Union, EU enlargement, European integration, cooperation, economic and political influence.

А.В. Погорельский

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ «ПОЛИТИКИ ДОБРОСОСЕДСТВА» ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Статья посвящена процессу становления и реализации «политики добрососедства» Европейского союза. Расширение Европейского союза привело к изменению его внешних границ. Появление Европейской «политики добрососедства» стало ответом на эту ситуацию. По мнению автора, на сегодняшний день трудно дать однозначную оценку успешности реализации «политики добрососедства». Несомненно, что с помощью этой программы ЕС удалось значительно расширить свое экономическое и политическое влияние на соседние страны. Однако нежелание Европейского союза согласовывать свои действия с сильными региональными игроками, такими как Россия, привело к резкому ухудшению отношений между ЕС и РФ и стало одной из причин начавшегося в 2014 г. украинского кризиса.

Ключевые слова: Европейский союз, расширение ЕС, европейская интеграция, сотрудничество, экономическое и политическое влияние.

The enlargement of the European Union was a big step towards strengthening security and stimulating economic growth in European countries, but, at the same time, it led to a sharp change in its external borders. These circumstances not only opened up new opportunities for the EU, but also set it several new serious challenges. It was necessary to build a model of cooperation with the new neighbors, which even in the future were not considered as full members of the European Union, but were important economic and strategic partners. The European "neighborhood policy" was the answer to this new situation.

In the 1980s, the processes of European integration began to accelerate markedly. One of the key areas of integration was the development of EU regional policy.

An important step in this process was the adoption of the Madrid Convention (1980) and the organization within the EU Council Of the Committee of regions-an Advisory body with the right of political initiative [1].

In the Single European act (1986), a separate Chapter spelt out the need for economic and social cohesion and thus laid the Foundation for a regional policy based on solidarity [2].

The clear principles of the foundations, and in fact of the communitarian regional policy, were developed during the preparation and during the radical reform of the Structural funds of 1989, which was based on four basic principles:

- a) the full concentration of funds in the neediest regions;
- b) program, not project approach;
- c) partnership at all levels, from national to local;
- d) complementarity, i.e. joint allocation of funds from national and supranational budgets.

Expenditures for these purposes by 1993 reached 31% of all expenditures of the European Community [3.P.197-208].

The Maastricht Treaty on European Union (1992) disclosed provisions related to the notion of subsidiarity (separation of subjects of reference at different levels). The Cohesion Fund has also been established to finance projects in the field of environmental protection and the development of TRANS-European networks in lagging EU member States.

In 1990, the first conference of transboundary regions was held, during which special attention was paid to the harmonization of policy measures related to the arrangement of transboundary territories.

The European Union summit in Helsinki in December 1999 can be considered the starting point of the European discussion on policy towards future neighbours, the results of which clearly showed that by 2004-2005 at least 10 new members should be expected to join the Union and, accordingly, a significant expansion of borders to the East. Ukraine, Belarus and Moldova were to become the EU's new immediate neighbours after 2004. The border with Russia was also expanding, and its Kaliningrad region was isolated within the EU and the Schengen area [4.P.27-48].

The initiator of the development of the European "neighborhood policy" in 2001 was Poland, which at that time was not a member of the European Union. The Ministry of Foreign Affairs of Poland in June 2001 presented a document entitled "Eastern policy of the European Union in anticipation of the EU enlargement, including the countries of Central and Eastern Europe"[5]. At first, the discussion was an exchange of views in the form of letters and informal documents.

In April 2002, the EU Council discussed the possible prospects for a "neighbourhood policy" and called on the European Commission and the high representative for the common foreign and security policy, Javier Solana, to make proposals on this issue, taking into account the differences in EU relations with these countries and their heterogeneity in terms of «political and economic development" [6]. From that point on, the common European neighbourhood policy became a constant theme at meetings of the EU Council and the European Council. The first sketches of the future neighborhood policy were presented in the second half of 2002. The priority areas of cooperation in these documents were economic cooperation, development of trade relations and convergence of regulatory frameworks, which fully reflected the nature of the EU policy as primarily an economic Union. In his speech at the conference of the European community of scientific associations, the head of the European Commission Romano Prodi formulated the thesis - "everything but institutions", which implied close integration of neighboring countries with the European Union, but not formal accession to it, although in the future such a prospect was not completely excluded. The essence of this integration is that the neighboring countries must adopt the whole set of principles, norms and values on which the EU is based. In the field of economic integration, it was envisaged to extend the "four freedoms" to neighbors, that is, the free movement of capital, goods, services and people, and in the field of political integration - the participation of neighboring countries in the activities of the Common foreign and security policy [7].

At the first stages of the discussion of this program, the recipients of the future policy of "good neighborliness" were understood only by the Eastern European neighboring countries: Ukraine, Moldova, Belarus and, possibly, Russia. At the end of 2002, it was decided to include not only the Eastern but also the southern neighbors of the EU in the framework of the formed policy of "good neighborliness". The European policy of "good-neighbourliness" was a serious step towards cooperation between the EU and neighboring States, as until the 90s of the twentieth century, the European Communities had no experience of collective relations with the countries of Central and Eastern Europe.

During the fifth phase of the enlargement of the European Union, 10 new countries joined the EU in 2004 and 2 more countries in 2007. The Enlargement pushed the EU's borders to the East and created new external borders. In 2003, the European Commission prepared a report entitled "Greater Europe-neighbours: a new framework for relations with the EU's Eastern and Southern neighbours", which proposed to combine several European programmes for cooperation with neighbouring States into one common policy. This new unified policy aimed to create a ring of friendly, stable and prosperous States around the European Union to ensure stability along the EU's external borders.

The main objectives of the European neighbourhood policy were:

- creation of a common economic space, which meant the expansion of the EU internal market and the inclusion of neighboring countries based on harmonization and transfer of regulatory norms and rules;
- expansion of the "soft security" space, which implies the fight against crime, illegal migration, drug trafficking, etc.;
- settlement and prevention of regional armed conflicts;
- political stabilization of neighboring countries, assistance to transformational processes and improvement of the situation in the sphere of human rights.

Thus, the new European policy did not envisage the prospects for the accession of neighboring member States to the EU but promoted political cooperation, economic integration and, ultimately, access to the EU common market.

In May 2004, the European Commission published a broader strategic document entitled "European neighbourhood policy". This document stipulated the specific conditions of cooperation between the EU and the countries participating in the new policy. Also, the 2004 document paid special attention to the issue of energy security, and the strengthening of an energy partnership with neighboring countries was presented as an important element of the "good neighborly policy".

In 2006, the regulation on the establishment of the European neighbourhood and partnership Instrument was promulgated, which determines the procedure for financing the ENP and has legal force. In 2008, the European Union unveiled two new projects of cooperation with its closest neighbours.

In May 2008, the project, called "Eastern partnership" was presented at a meeting of heads of diplomatic departments of the EU by the foreign Ministers of Poland and Sweden. In July 2008, the initiative was approved by the European Council, and the accelerated implementation of the project was facilitated by the conflict between Russia and Georgia. In December 2008, the European Commission presented concrete proposals for the Eastern partnership. The Commission stated that "stability, better governance and economic development on the Eastern borders of the European Union coincide with its interests" and that it is the member States with experience of transformation that should play a key role in the Eastern partnership project [8].

On May 7, 2009, the first Eastern partnership summit was held in Prague, where the joint Declaration was adopted. The first working meetings took place a month after the summit and in December 2009 the first formal meeting of the Eastern Partnership Foreign Ministers was held in Brussels. Implementation of this policy has begun.

The Prague Declaration States that "the main objective of the Eastern Partnership is to create the necessary conditions for accelerating political and economic integration between the European Union and interested partner countries". It was planned to solve this problem by promoting political

and socio-economic reforms in the Eastern Partnership countries. At the same time, it was proposed to develop cooperation both on a bilateral and multilateral basis. The bilateral format of cooperation envisaged the deepening of bilateral ties between the European Union and each of the Eastern partners through the conclusion of bilateral agreements (Association agreements, free trade area agreements, bilateral dialogue on visa liberalization), as well as through closer bilateral cooperation in several areas and technical assistance. Under the multilateral format of cooperation, the EU and Eastern partners overcome common challenges as a group. 4 main priorities or thematic platforms were identified as the basis for multilateral cooperation:

- democracy, good governance and stability (administrative reforms, anti-corruption measures, development of civil society institutions, free media, etc.);
- economic integration and convergence with the sectoral economic policy of the European Union, including the creation of free trade zones;
- energy security (reliable energy supply to both partner countries and the EU; development of renewable energy sources);
- development of contacts between citizens (liberalization of the visa regime and at the same time strengthening the fight against illegal migration).

Each platform includes high-level representatives from Central Executive authorities, parliaments, civil society, international organizations (Council of Europe, OSCE), international financial institutions, the private sector and social partners.

The Eastern partnership was to receive concrete expression in six "flagship initiatives»:

1. Integrated border management.
2. Promoting the development of small and medium-sized businesses.
3. Regional electricity markets, energy efficiency and renewable energy.
4. Diversification of energy supply.
5. Prevention of natural and man-made disasters, preparation for them and reaction to them.
6. Environmental management.

The first working meetings of the members of the European Commission and the EU member states, as well as the six partner countries, took place a month after the summit in Prague, and in December 2009 the first formal meeting of the foreign Ministers of the Eastern Partnership was held in Brussels. Polish Foreign Minister Radoslaw Sikorski at a joint press conference with his Russian counterpart Sergei Lavrov invited Russia (in particular – the Kaliningrad region) in some programs of the "Eastern partnership". However, Russia refused to include Kaliningrad in the scope of the Eastern partnership.

In 2011, the Euronest Parliamentary Assembly was established to promote cooperation between the Eastern partners and the EU. Euronest consists of 60 members of the European Parliament and 10 parliamentarians from each member state of the Eastern partnership (except Belarus).

In the same year, the second Eastern Partnership summit was held in Warsaw. The Eastern partners, EU representatives, as well as heads and representatives of EU member states, updated their agreements and goals during the meetings. The Belarusian authorities refused to participate in the forum after a scandal with the organizers, although its representatives participated in the preparation of the summit. At the end of the summit, the participants adopted a joint Declaration, in which they expressed their agreement to continue the implementation of the program adopted at the first summit [9].

In July 2012, the forum of foreign Ministers of the European Union and the Eastern Partnership countries ended in Brussels. The agenda included a discussion of the interim results of the Eastern Partnership and its development prospects, but the main topic of discussion was the deterioration of the human rights situation in Belarus.

The third Eastern Partnership summit was held in Vilnius in 2013. During the summit, Moldova and Georgia initialed the Association Agreement with the European Union. It was also envisaged to sign an Association Agreement and An agreement on a deep and comprehensive free trade area with Ukraine, but a few days before the summit, the government of Ukraine suspended

the process of preparing for signing. Azerbaijan also refused to become an associate member of the European Union.

In 2014, Ukraine, Georgia and Moldova signed Association agreements with the European Union.

The fourth Eastern partnership summit was held in 2015 in Riga. As a result, the participating countries signed a Declaration, despite the disagreement of Armenia and Belarus with the wording "annexation of Crimea" contained in the final document [10].

In 2015, the EU announced the need to revise the Eastern partnership policy in connection with the Ukrainian crisis [11]. The prospects of the project are now also called into question. Against the background of other growing problems in the European Union: the economic and migration crisis, the terrorist threat, the growth of nationalist sentiment, the Eastern Partnership program is no longer a priority in the list of priorities of the European Union.

The second project was called the "Barcelona Process: Union for the Mediterranean". The implementation of this project began after the Paris summit on the Mediterranean on July 13, 2008, at the initiative of French President Nicolas Sarkozy. The summit was attended by 27 EU member states and 10 countries from the Mediterranean region, as well as four countries that joined the program (Bosnia and Herzegovina, Monaco, Montenegro, Croatia). The main goal of the project is to give a new impetus to the Euro-Mediterranean dialogue, which began in 1995 with the signing of the Barcelona Declaration. The creation of the "Union for the Mediterranean" was intended to complement and expand the existing format of cooperation between the European Union and the States of the region.

To date, it is difficult to give an unambiguous assessment of the success of the implementation of the European Union's "neighbourhood policy". Undoubtedly, with the help of this program, the EU has managed to significantly expand its economic and political influence on neighboring countries. However, the unwillingness of the European Union to coordinate its actions with strong regional players, such as Russia, led to a sharp deterioration in relations between the EU and Russia and was one of the reasons for the beginning of the Ukrainian crisis.

Библиографический список

1. **Zonova T. V.** From Europe of States to Europe of regions / T. V. Zonova // Polis. - 1999. - No 5.
2. The Single European Act – 1986 – 17.02 // URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=URISERV%3Axy0027>
3. **Kosov Yu.V., Toropygin A.V.** Development of European regional policy / Kosov Yu.V., Toropygin A.V. // POLITEX. - 2009. - No 2.
4. **Fedortsev V. A.** Eastern direction of European neighborhood policy: features of formation and development / Fedortsev V. A. // Problems of national strategy. - 2012. - No 2.
5. The Eastern policy of the European Union in the run-up to the EU's enlargement to include the countries of Central and Eastern Europe (Poland's viewpoint, Warsaw, 13 June 2001) / Republic of Poland. Ministry of Foreign Affairs. URL: <http://www.forost.ungarisches-institut.de/pdf/20010613-1.pdf>
6. General Affairs: 2421st Council meeting (Luxembourg, 15 April 2002): 7705/ 02 (Presse 91) / President Mr Josep Pique i Camps, Minister for Foreign Affairs of the Kingdom of Spain // Council of the European Union. URL: http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/gena/70160.pdf
7. <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=SPEECH/02/619>

8. Report of the European Commission to the European Parliament and the European Council. Eastern partnership. - 2008 – 03.12// URL:
http://www.eeas.europa.eu/eastern/docs/com08_823_ru.pdf
9. At the Warsaw summit, the Joint Declaration of the Eastern Partnership was adopted / / Regnum. - 2011. - 30. saint. - URL: <http://regnum.ru/news/polit/1451275.html>
10. Joint Declaration of the Eastern Partnership Summit - 2015. – 21-22.05// URL:
http://eeas.europa.eu/eastern/docs/riga-declaration-220515-final_en.pdf
11. The EU will reconsider relations with neighbors because of Ukraine / / BBC. - 2015. - URL:
http://www.bbc.com/russian/international/2015/03/150305_eu_review_neighbours_policy.shtml

УДК 316.776: 378

*Воронежский государственный
технический университет
Доктор филологических наук, заведующая кафедрой
«Связи с общественностью»
Н.Н. Скрипникова.
Россия, г. Воронеж, тел. 8(920)2291525;
e-mail: nnsinn@mail.ru
Кандидат педагогических наук, доцент кафедры
«Связи с общественностью»
Е.С. Шушарина.
Россия, г. Воронеж, тел.: 8(920) 222750;
e-mail: swan261@yandex.ru*

*Voronezh State Technic
University
The Doctor of Philology, managing Public Relations
Chair
N. N. Skripnikova
Russia, Voronezh, tel. 8(920)2291525,
e-mail: nnsinn@mail.ru
PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor of
Public Relations Chair
E.S. Shusharina
Russia, Voronezh, ph. 8(920) 2202750;
e-mail: swan261@yandex.ru*

Н.Н. Скрипникова, Е.С. Шушарина

EVENT-МЕНЕДЖМЕНТ: КОММУНИКАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ОРГАНИЗАЦИИ МЕРОПРИЯТИЙ ДЛЯ АБИТУРИЕНТОВ

В связи с развивающимися трендами в сфере образования: получение качественного образования, профессии, востребованной на современном рынке труда; профессиональная переподготовка, повышение квалификации, а также освоение программ «life long learning», «workskills» и других форматов, – возрастает количество университетов, расширяющих свое образовательное пространство за счет проведения профессионально ориентированных мероприятий для школьников и абитуриентов. Исследователи отмечают: использование традиционных методов привлечения абитуриентов не охватывает полного мотивационного комплекса предпочтений абитуриентов. В связи с этим университеты применяют современные коммуникационные методы в работе с абитуриентами. Креативной сферой для новых идей стал event-менеджмент, который позволяет разрабатывать креативные форматы мероприятий. Этому вопросу посвящена данная статья.

Ключевые слова: коммуникации, событийный менеджмент, мотивация, целевая аудитория, абитуриент, профессиональные компетенции, карьера, саморазвитие.

N.N. Skripnikova, E.S. Shusharina

EVENT MANAGEMENT: COMMUNICATION APPROACHES TO ORGANIZATION OF EVENTS FOR APPLICANTS

In connection with the evolving trends in the field of education: obtaining quality education, a profession demanded in the measured labour market; Professional retraining, advanced training, as well as the development of "life long learning," workskills "and other formats - the number of universities expanding their educational space through professionally oriented activities for schoolchildren and applicants is increasing. Researchers note that the use of traditional methods of attracting applicants does not cover the full motivational complex of preferences of applicants. In this regard, universities apply modern communication methods in working with applicants. The creative sphere for new ideas has become even-management, which allows to develop creative formats of events. This article deals with this issue.

Key words: communications, event management, motivation, target audience, applicant, professional competences, career

В связи с развивающимися трендами в сфере образования: получение качественного образования, профессии, востребованной на современном рынке труда; профессиональная переподготовка, повышение квалификации, а также освоение программ «life long learning», «workskills» и других форматов, – возрастает количество университетов, расширяющих свое образовательное пространство за счет проведения профессионально ориентированных мероприятий для школьников и абитуриентов.

Исследователи отмечают: использование традиционных методов привлечения абитуриентов не охватывает полного мотивационного комплекса предпочтений абитуриентов [1;2;3]. В связи с этим университеты применяют современные коммуникационные методы в работе с абитуриентами. Креативной сферой для новых идей стал event-менеджмент, который позволяет разрабатывать креативные форматы мероприятий. Ивенты обладают различными характеристиками, исходя из цели мероприятия и стратегических задач [1;3;4]. Это не только дни открытых дверей, но и профессионально ориентированные мероприятия на предприятиях, встречи с выпускниками, выездные школы для абитуриентов и т.п.

Исследовательским вопросом в этой сфере деятельности вузов остается влияние такого фактора, как мотивация абитуриента поступать в высшее учебное заведение, исходя из предпочитаемых им форм мероприятий, проводимых вузами, которые он посетил. Поэтому представляется актуальным исследование предпочтений в предлагаемых вузом мероприятиях для разных сегментов абитуриентов. Выявление предпочтений в мероприятиях разных сегментов абитуриентов определялось методом качественного анализа интервью. Исследование проводилось авторами статьи в 2019 году на базе Воронежского опорного университета.

На первом этапе исследования (в период с ноября 2018 г. по июль 2019 г.) было проведено 9 формализованных интервью со старшеклассниками, с целью выявления их мотивации для поступления в ВГТУ, а также на выявление доминирующих характеристик мероприятий для абитуриентов и школьников, которым они отдают предпочтение. Интервью проводилось посредством личных встреч и по телефону. Содержание вопросов касалось мотивации школьников при выборе вуза. Также школьников спрашивали, какие мероприятия они посетили, что повлияло на их выбор и какие впечатления они получили от посещения мероприятий. Отбор респондентов был критериальным. Критерии, которым должны были соответствовать интервьюируемые: респондент должен подходить под категорию школьников, которые на данный момент обучаются в 9-11 классах; у респондента должно быть намерение поступить в вуз; респондент ранее посещал хотя бы одно мероприятие для абитуриентов.

В процессе анализа интервью было сделано заключение о том, что абитуриенты имеют различную мотивацию для поступления в университет. В процессе интервью были выявлены три ключевые мотивации абитуриентов к поступлению: 1. Построить карьеру; 2. Развить личные качества и профессиональные навыки; 3. Иметь возможность для самореализации и получения softskills навыков. Группу школьников, которые мотивированы только возможностью самореализации, можно определить как амбивалентную. Такие абитуриенты не ставят перед собой конкретных целей на период обучения и вообще не знают, хотят ли они поступать в данный вуз. Среди респондентов не оказалось абитуриентов, которые мотивированы желанием воспользоваться развлекательными и инфраструктурными возможностями вузов для активного отдыха и новых знакомств.

На основе анализа интервью были выявлены ключевые характеристики каждого сегмента целевой аудитории абитуриентов, которые стали базой для проведения онлайн-опроса (второй этап исследования), а именно: определить, какими должны быть мероприятия для старшеклассников, с точки зрения привлекательности для посещения и оценки их полезности. В первую очередь были выявлены отличия взглядов при выборе формата мероприятия и содержания. Карьерно-ориентированные абитуриенты (1) отмечают важность получения новой информации о вузе и правилах поступления – этим задачам отвечают Дни

открытых дверей. Остальные сегменты ЦА (ориентированные на саморазвитие и получение softskills) (2;3) заинтересованы в мероприятиях развлекательного характера. С абитуриентами также обсуждался вопрос о том, какая аудитория для общения на мероприятии привлекает их больше всего. Важно было выяснить, есть ли отличия между сегментами абитуриентов в том, с кем бы им хотелось пообщаться на мероприятии. Анализ интервью не выявил здесь отличий во взглядах абитуриентов, ориентированных на карьеру и ориентированных на саморазвитие (1;2). Определение конкретной аудитории для общения оказалась важным аспектом для амбивалентной группы респондентов (3). Школьники этой группы отмечают, что необходимо встречаться с выпускниками университета и со специалистами, работающими в конкретной профессиональной сфере. Старшеклассники отмечают, что это может помочь им сделать выбор.

Таким образом, проведенный анализ на первом этапе позволил предположить, что для абитуриентов, ориентированных на карьеру или саморазвитие (1;2), ключевыми группами для общения на мероприятии являются студенты и преподаватели, потому что этим абитуриентам необходимо представлять сам процесс обучения. Для абитуриентов амбивалентной группы (3) важно понять, какие возможности открывает обучение, поэтому приоритетными группами для общения для них являются выпускники и специалисты данных профессиональных областей. Это позволяет сделать вывод о том, что тип мотивации поступать в университет влияет на предпочтительные группы для общения на мероприятии. Кроме того, с респондентами обсуждалось, насколько важен для них источник информации о мероприятии. Карьерно-ориентированные респонденты (1) отметили, что для них важно получить информацию из официальных источников – преимущественно с сайтов университетов, а также от родителей. Предпочтения в каналах получения информации об университетских мероприятиях выявлены и у группы абитуриентов, ориентированной на саморазвитие (2), и у амбивалентной (3) – это социальные сети и др. Данные выводы позволяют предположить, что тип мотивации для поступления в университет влияет на предпочитаемый канал получения информации о мероприятиях для абитуриентов.

Результаты первого этапа исследования позволили уточнить задачи для второго этапа исследования и составить вопросы для сбора количественных данных. Основным методом второго этапа исследования был выбран онлайн-опрос. В результате проведения онлайн-опроса было получено 320 ответов. Для контроля над качеством полученных данных был проведен отсев по времени заполнения опроса (время заполнения должно составлять не менее 10 минут), а также отсев по IP-адресам, для того чтобы исключить множественные заполнения. В результате проведенного отсева для анализа использовались результаты 232 завершенных опросов. Более 70% респондентов сейчас обучаются в одиннадцатом классе, что позволяет говорить о высокой мотивированности для выбора вуза для поступления. В данном анализе использовались три типа мотивации абитуриентов для поступления в университет: карьера; карьера + саморазвитие; амбивалентный тип мотивации.

Онлайн-опрос состоял из двух блоков. Первый блок был нацелен на выявление мотивации абитуриентов для поступления в высшие учебные заведения. Он состоял из девяти утверждений, каждое из которых описывало определенную модель предполагаемого поведения будущего студента. Утверждения были сформулированы на основе полученных качественных данных на первом этапе исследования. Утверждения были разделены по типам мотивации поступления, на каждый тип мотивации приходилось по три утверждения. Респондентам предлагалось отметить, отвечает ли приведенное утверждение их выбору. Данные, полученные на этом этапе, позволили сегментировать абитуриентов на этапе анализа данных (SPSS). В результате было выявлено три сегмента абитуриентов. Для их описания использовалось сравнение средних значений 9 переменных (3 блока по 3 переменных), которыми были закодированы вопросы с утверждениями о мотивации поступать в университет. При анализе средних значений были сделаны следующие выводы: 1. Для первого сегмента (102 респондентов) средние значения для каждого блока из трех

переменных (соответствующих утверждениям о разной мотивации поступать в университет) оказались близкими к значению 2,0. Таким образом, несмотря на отсутствие явной тенденции к амбивалентной мотивации, этот сегмент предлагается считать амбивалентным при дальнейшем анализе. 2. Во втором сегменте (61 респондент) среднее значение больше 2,0 имеет только блок переменных, касающихся мотивации к саморазвитию. Средние значения переменных, относящихся к развлекательному и амбивалентному типу мотивации, не представляются значительными. Данный сегмент имеет четко выраженную тенденцию к одному из трех предложенных типов мотивации. 3. В третьем кластере (69 респондентов) средние значения больше 2,0 получили такие типы мотивации как карьера и саморазвитие. Средние значения переменных, относящихся к развлекательному и амбивалентному типу мотивации, не представляются значительными. Этот сегмент предлагается считать смешанным и предполагать, что абитуриенты, относящиеся к данному сегменту, имеют одинаковую мотивацию на построение карьеры и саморазвитие при поступлении в для поступления в университет.

На втором этапе респондентам было предложено 6 вопросов, целью которых было выявить, какие характеристики мероприятий, проводимых университетами для абитуриентов, являются наиболее привлекательными для респондентов. В опросе были приведены такие характеристики, как формат мероприятия, источник получения информации, группы людей, с которыми есть возможность пообщаться на мероприятии. Данные, полученные на этом этапе, позволили выявить, какие характеристики являются для абитуриентов наиболее предпочтительными при выборе мероприятия. Для выявления связи был использован Хи-квадрат, так как переменная формата мероприятий является номинальной, что не позволяет предполагать линейную связь между переменными и проводить другие виды анализа.

На основе полученных данных сделаны следующие выводы:

- Для сегмента абитуриентов, ориентированных на карьеру, информационный формат является более предпочтительным, так как стандартизированные остатки значительно больше ожидаемого количества. Для профессионально ориентированных мероприятий показатели близки к ожидаемым, что не позволяет сделать какие-либо выводы о том, является ли данный формат более или менее предпочитаемым среди абитуриентов из этого сегмента.
- Для сегмента абитуриентов, ориентированных на саморазвитие, информационные мероприятия являются значительно менее предпочтительным форматом. Профессионально ориентированный формат, наоборот, является более предпочтительным, так как стандартизированные остатки значительно больше ожидаемого количества.
- Для информационных мероприятий показатели близки к ожидаемым у абитуриентов амбивалентного сегмента, что не позволяет сделать какие-либо выводы о том, является ли данный формат более или менее предпочтительным среди абитуриентов из амбивалентного сегмента.

Безусловно, полученные результаты не отражают полной картины: представляется возможным выделить большее количество типов мотивации у данной ЦА, что позволит расширить сегментирование целевой аудитории абитуриентов и школьников, выявить значимые характеристики сегментов, которые помогут при планировании мероприятия. На основе проведенного анализа, тем не менее, представляется логичным ориентироваться на такие сегменты абитуриентов как: 1. Карьерно-ориентированный и 2. Ориентированный на карьеру + саморазвитие. Анализ интервью показал, что абитуриенты с такими типами мотивации настроены на учебу, хотят всесторонне развиваться и совершенствоваться. В ходе интервью было выяснено, что такие характеристики, как формат мероприятия, аудитория для общения, источник информации, можно определить в качестве основных мотивационных тенденций выбора для различных сегментов абитуриентов. Так, при условии ориентации на сегменты абитуриентов, мотивацией поступления для которых является карьера и саморазвитие, вузам следует сконцентрировать внимание на создании

информационных и профессионально ориентированных событий, которые помогут школьникам получить необходимую информацию о вузе. Однако, опираясь на результаты интервью и общий анализ опроса, следует все же отметить необходимость включения в мероприятия элементов интерактивного, развлекательного взаимодействия, важность которых отмечают многие респонденты.

Обобщая результаты анализа качественного и количественного анализа, выделим следующие рекомендации:

- На мероприятия с абитуриентами необходимо приглашать студентов и выпускников вузов, так как для старшеклассников очень важно получить информацию о процессе обучения и карьерных перспективах.
- Для информирования абитуриентов о мероприятиях необходимо активно использовать социальные сети, так как уровень заинтересованности в мероприятиях, информация о которых получена таким путём, значительно превышает средний. Также важно сконцентрироваться на рекомендациях родителей, друзей и знакомых.
- В настоящее время многие вузы проводят конкурсы портфолио, поэтому важно проводить мероприятия, позволяющие абитуриентам дополнить свое портфолио достижениями.

Библиографический список

1. **Лыль Н.А., Нещадин И.О.** Мотивация поступления в вуз как фактор компетентностно-ориентированного обучения/ Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)». – Челябинск. – 2018. - т.10. – С.13-19.
2. **Тимошкина М.В., Наумова М.В.** Мотивы выбора вуза и профессии современной молодежью (на примере первокурсников ЮГУ). Вестник Югорского гос. ун-та. - г. Ханты-Мансийск, - 2016.- Выпуск 1(40). – С .152-157.
3. Исследование рынка образовательных услуг с целью выявления мотивации абитуриентов при выборе ВУЗа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.kemtip.ru/uploads/vkr/2016/Экономика%20и%20управление/2016/Очное/Супрун%20Т.С.pdf> (дата обращения: 23.04.19).
4. **Хайбулин Б.С., Андреева В.А., Малаховская Е.К.** Исследование мотивации абитуриентов при выборе вуза // Студенческий: электрон. научн. журн. 2018. № 13(33). URL: <https://sibac.info/journal/student/33/114938> (дата обращения: 29.11.2019).

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Научный журнал

Выпуск № 4 (21), 2019

Дата выхода в свет: 30.12.2019.

Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.

Уч.-изд. л. 23,4. Усл. печ. л. 19,6. Тираж 500 экз. Заказ № _____

Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394026 Воронеж, Московский просп., 14

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84